

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРСЫ**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Региональная
идентификация и самоидентификация
жителей Приенисейской Сибири:
этнографический,
лингвокультурологический,
литературный
дискурсы

Монография

Красноярск – Лесосибирск

2017

УДК 801
ББК 83.3(2Рос)
Р32

Авторский коллектив:

К.В. Анисимов, Т.А. Бахор, М.В. Веккесер, О.Н. Зырянова, Н.А. Мазурова,
С.В. Мамаева, М.В. Румянцев, И.А. Славкина, Л.С. Шмульская

Рецензенты:

В.Н. Карпухина, д-р филол. наук, профессор Алтайского государственного
университета, г. Барнаул;

Е.М. Плеханова, канд. пед. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск

Р32 Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы: монография / К.В. Анисимов, Т.А. Бахор, М.В. Веккесер [и др.]; под ред. доц. Т.А. Бахор. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 224 с.

ISBN 978-5-7638-3789-6

Рассмотрены основные аспекты региональной идентификации и самоидентификации жителей Приенисейской Сибири (Мотыгинского, Казачинского, Пировского, Енисейского, Северо-Енисейского районов Красноярского края). Анализируются культурно-бытовые особенности жителей региона, сохранившиеся в многонациональной среде, обряды, приметы и др. Определены маркеры региональной самоидентификации и идентификации, их воплощение языке, речи жителей указанных районов, а также в литературном творчестве.

УДК 801
ББК 83.3(2Рос)

© Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, 2017

ISBN 978-5-7638-3789-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Региональная самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: этнографический дискурс	18
1.1. Календарные праздники	18
1.2. Семейно-бытовые обряды и праздники	31
Глава 2. Языковые маркеры региональной самоидентификации	44
2.1. Прагмонимы как репрезентация региональной идентичности	44
2.2. Топонимы как репрезентация региональной идентичности	51
2.3. Отражение самоидентификации в региональных печатных средствах массовой информации	58
2.4. Социолингвистическая характеристика школьников как речевой маркер региональной идентичности	67
Глава 3. Региональная самоидентификация языковой личности	72
3.1. Отражение региональной самоидентификации в речевом поведении индивидуальной языковой личности – жителя сибирской провинции	72
3.2. Творческие работы как отражение региональной самоидентификации языковой личности школьника	80
3.3. Вербальные средства выражения региональной идентичности автора в поэтическом дискурсе	89
3.4. Проявление региональной самоидентификации рассказчика в контексте мемората	109
3.5. Языковая личность школьника как объект идентификационной лингвоперсонологии	120

Глава 4. Сибирское областничество XIX в. на перекрестке аналитических стратегий: территориальный миф, диалог, образы Европы	130
4.1. Сибирское областничество и проблемы социальной коммуникации	130
4.2. Франция как автоописательный концепт в риторике раннего сибирского областничества: Н.М. Ядринцев	140
Глава 5. Проявление региональной идентичности в лирическом художественном дискурсе	153
5.1. Образ Сибири и сибиряка в лирике поэтов Красноярского края XX в. (1950-70-х гг.)	153
5.2. Маркеры самоидентификации в самодеятельной поэзии жителей Приенисейской Сибири конца XX– начала XXI в.	161
Глава 6. Идентификация сибиряка и маркеры сибирской идентичности в прозе писателей Красноярского края	177
6.1. Идентификация сибиряка в прозе писателей Приенисейской Сибири	177
6.2. Хронотоп Сибири в литературе писателей Красноярского края второй половины XX в.	189
Заключение	202
Библиографический список	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определяется возросшим интересом современного человека в условиях глобализации к культурным, историческим, национальным основам своего региона.

В основе исследования – комплексное (этнографическое, лингвокультурологическое, литературоведческое) изучение культурных, языковых фактов и литературных текстов, в которых эксплицированы структура, символика, маркеры региональной идентичности.

Предметом исследования являются обряды и верования жителей Приенисейской Сибири, ономастикон этого региона, в котором проживают около 130 000 чел. на площади 180 000 км², а также произведения разных родов и жанров, созданные авторами, чье творчество связано с Приенисейской Сибирью (В.П. Астафьев, А.М. Бондаренко, Н. Волокитин, К. Лисовский, И. Рождественский и др.), современными писателями и поэтами – участниками литературных и творческих клубов и объединений Казачинского, Пировского, Мотыгинского, Енисейского и Северо-Енисейского районов, гг. Лесосибирска и Енисейска.

Результаты, полученные при реализации проекта, позволят в дальнейшем разработать механизм регулирования процесса региональной идентификации и самоидентификации, что, в свою очередь, будет способствовать созданию привлекательного имиджа Приенисейского региона, построения его брендинговой стратегии.

Научная новизна проекта определяется изучением, обобщением и введением в широкий научный обиход культурных, языковых фактов и литературных текстов, репрезентирующих структуру, символику, маркеры региональной идентичности (идентификации и самоидентификации) с последующей актуализацией полученных результатов в интерактивной карте.

Проблематика проекта связана с комплексным исследованием этнокультурного, лингвокультурного и литературного дискурсов региональной идентичности, в которых эксплицированы ее структура, символика, маркеры.

Изучение региональных аспектов развития российского общества стало особенно востребованным в науке в 90-е гг. XX в.: после распада Советского Союза процессы регионализации чаще всего рассматривались как угроза территориальной целостности Российской Федерации. России удалось избежать дезинтеграции, но региональная идентичность стала занимать особое место в жизненном мире современного россиянина.

Региональная идентичность отражает представление человека о себе в контексте общности, локализованной в части социально освоенного мирового пространства. Исследователи (З. Бауман, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, З. Жаде, Н.Н. Исмагилов, Б.М. Ишмуратов, Т. Гурова, И.С. Семенов, Н.В. Сверкунова, Р.Ф. Туровский и др.) указывают два уровня региональной идентичности: личностный (соотнесение «самости» человека с «genius loci» региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальный (осознание человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия). Таким образом, региональную идентичность можно определить как форму коллективной идентичности, при которой ее носитель способен к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самосоотнесению с внешним миром. Рассматриваемая в таком аспекте региональная идентичность может быть охарактеризована как своеобразный "общий знаменатель" (Н.Н. Исмагилов), позволяющий соизмерить глобализацию и традицию, а также модернизацию и традицию, отражая положение человека в мире и осознание им своего места в мировом пространстве.

В современном регионоведении можно выделить несколько аспектов или направлений научной разработки темы:

1. Осмысление категориального дискурса указанной проблематики, введение в научный обиход основных понятий регионалистики. Первые определения понятия «регион» в отечественной науке появились в 80-х гг. XX в., сначала в географии, а затем в экономике и политологии. Географическим трактовкам понятия «регион» посвящены работы Э.Б. Алаева, Ю.Н. Гладкого, А.И. Чистобаева, А.П. Клемешова, экономическим трактовкам — Р.А. Адикаева, А.Г. Гранберга, М. Портера, политическим - И.М. Бусыгиной, Л. В. Смирнягина, культурологическим — Г.М. Казаковой, М.П. Крылова, И.Я. Мурзиной. Связь природного и культурного в рамках определенной территории в отечественной науке стала темой исследований Д.Н.Замятина, В.Л. Каганского, А.И. Трейвиша, Р.Ф. Туровского и других.

2. Философское осмысление проблемы коллективной идентичности, анализ проблем самосознания личности. Природу коллективной идентичности, ее зависимость от социального контекста, референтность исследовали в разное время представители психоаналитического направления (З. Фрейд, Э. Эриксон), символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мид, Ш. Страйкер), социального конструктивизма (Б. Андерсон, Ф. Барт, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.).

3. Исследования национальной/этнической идентичности отражены в работах зарубежных (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, А. Коэн, Э. Смит, Э. Хобсбаум и др.) и российских (А.Г. Здравомыслова Л. Гудков, В.С. Малахов, В. Морозов, О.В. Рябов, В.А. Тишков, М.Ю. Тимофеев) авторов. Проблеме региональной идентичности посвящены исследования политологов (М.В. Берендеев, М.П. Крылов, Г.С. Корепанов, Ю.С. Новопашин, М.В. Назукина, Н.В. Петров, Л.В. Сагитова, Л.В. Смирнягин, В.М. Суханов, Р.Ф. Туровский и др.), социологов (В.Я. Гельман, П.С. Гуревич, Д.С. Докучаев, Н.Г. Козин, Ю.М. Резник, Е.О. Труфанова и др.), в том числе и ученых,

рассматривающих проблему формирования территориального имиджа, формах его конструирования (Д. Н. Замятин, А.Ф. Филиппов, В.Л. Цымбурский, Л.Г. Ионин и др.). Чрезвычайно важной для нашего исследования является монография Сверкуновой Н.В. («Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования» 2002).

4. Проблемы семиотики языка, культуры как факторов региональной идентификации рассматриваются в работах лингвистов и краеведов. Р.Г. Жамсарановой, Л.М. Любимовой, Д.Б. Сундуевой, А.В. Романовой, Г.А. Христосенко, Л.Е. Элиасова, В.Л. Каганского, И.Я. Мурзиной, В.К. Назарова.

5. Исследования региональной идентичности, воплощенной в художественной литературе. В работах К. Султанова, В.Р. Аминеевой, Е.А. Дегальцевой, М.И. Ибрагимова, М.А. Литовской, М.А. Оболонковой, В.Г. Родионова, Я.Г. Сафиуллина, В.Л. Шибанова и др. определяются ключевые для региональной литературы символы, мифологемы, концепты, особенности межкультурной коммуникации в различных ее проявлениях (межэтническая, межнациональная, межконфессиональная коммуникация).

В контексте темы нашего проекта необходимо отметить, что с XVIII в. этнокультурные, языковые, литературные особенности Приенисейской Сибири служат предметом пристального внимания философов, культурологов, социологов, психологов, историков, биологов, литературоведов, лингвистов, что свидетельствует о многомерности и междисциплинарном характере данного феномена.

Литературный дискурс вопроса о сибирской идентичности в середины XIX в. начал разрабатывать еще Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин же акцентировал ее территориальную составляющую ("Основа сибирской идеи чисто территориальная"). Осмысление проблемы идентификации сибирской литературы как региональной представлено в начале 1930-х гг. в статье М.К. Азадовского. Его ученик Б. Жеребцов в определении сибирской литературы подчеркнул два акцента: 1) это литература о Сибири и 2) созданные

писателями-сибиряками произведения, в том числе и не посвященные Сибири. Так были намечены те две составляющие сибирской литературы (тема, территория), которые постоянно присутствуют (с превалярованием то одной, то другой из них) в ее определении.

Во второй половине XX—начале XXI в. тематический подход репрезентирован в исследованиях локальных (территориальных) текстов культуры и литературы (Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000; Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о "сибирском тексте" русской.; Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014).

Территориальный принцип отражен, например, в широко известных "Очерках русской литературы Сибири" (Новосибирск : Наука, 1982), в которых предметом исследования стали произведения авторов, связанных с общественной жизнью региона и участвующих в местном литературном движении.

Историография и археология Сибири представлена в трудах А.С. Вдовина В.Е. Ларичева, А.И. Мартынова, В.И. Матющенко, М.А. Демина, Ю.Г. Белокобыльского, Е.А. Ковешниковой. Результаты археологических экспедиций отражены в сборниках научных трудов "Древности Приенисейской Сибири" (отв. ред. В.В. Буторин (2001), Н.И. Дроздов (2003).

Региональный фольклорный центр Приенисейской Сибири (на базе КГПУ им. В.П. Астафьева) проводит научно-исследовательскую работу фольклористов Приенисейской Сибири, занимается информационным обеспечением национально-регионального компонента вузовских и школьных программ по фольклору и литературе.

Круг вопросов, связанных с культурно-историческим, лингвистическим своеобразием Приенисейского региона, обсуждается на международных и всероссийских конференциях ("Приенисейская Сибирь как лингворегион", "Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность").

Особенностям лексико-семантического поля, отражающего традиционные для Сибирского региона промыслы, посвящены диссертационные исследования Т.В. Мамаевой (2013), Г.Л. Гладилиной (2006), Е.А. Штейнгарта (2006), М.В. Холодиловой (2009).

В 2012 г. студенты Института филологии и языковых коммуникаций СФУ совместно с историками, музейщиками, архитекторами, журналистами, филологами изучали ангарский диалект. Результатом работы стал интернет-проект "Ангарский словарь".

При всем многообразии существующих исследований исторические, культурные, социальные и другие аспекты жизни Приенисейской Сибири в XIX-XXI вв. остаются недостаточно изученным феноменом.

Реализуемые в рамках проекта задачи связаны с целостным изучением региональной идентичности через такие ее компоненты как язык культуры, нравственно-этические нормы, этноконфессиональные ценности, воплощенные в языке, литературе, фольклоре Приенисейского региона, население которого составляют не только коренные народности, русскоязычные сибиряки, но и представители многих национальностей, сосланных в Сибирь и ставших ее постоянными жителями (украинцы, татары, чуваша, немцы, молдоване, казахи, киргизы и др.), у которых особенно актуализирован процесс региональной самоидентификации со специфическим проявлением таких характерных для нее свойств как референтность и гетерогенность.

При всем многообразии исследуемых аспектов региональной идентичности нерешенным остается еще ряд проблем. Невыяснены механизмы смыслонаполнения территории. Когда регион получает "человеческое измерение" и становится значимым для человека, приобретая статус

пространства идентичности? Каковы особенности этого процесса? Какое место занимает региональная идентичность в жизни современного российского человека? Нет единства в выделении способов представления региональной информации, отсутствует инвентарь средств описания регионального языкового сознания и классификация текстов, производимая по названным основаниям.

Актуальность проекта определяется возросшим интересом современного человека в условиях глобализации к культурным, историческим, этническим основам своего региона.

Результаты, полученные при реализации проекта, позволят в дальнейшем разработать механизм регулирования процесса региональной идентификации и самоидентификации, что в свою очередь будет способствовать созданию привлекательного имиджа Приенисейского региона, построения его брендинговой стратегии.

В XXI в. Россия становится участником процесса глобализации, увеличивается гетерогенность населения, усиливается "антропоток" со всеми сопутствующими ему чертами: усилением межкультурной интеграции, размыванием культурных миров, нивелированием национальной самобытности сообществ, утратой этнокультурного многоголосия, являющегося во все времена гарантом выживания цивилизации. "Унифицирование" и "нивелирование" духовного развития человечества опасны стиранием этнических стереотипов, норм и правил, разрушением традиционного образа жизни, выработанного этносами в течение их исторической практики, что может привести к его духовно-нравственной деградации. Региональная идентификация представляет собой ответ массового сознания граждан, подверженных влиянию глобальных унификаций, на угрозу дискредитации того положительного исторического опыта своей малой Родины, своей этнической группы, территориальной группы и т.п., к которому они

апеллируют в процедурах построения идентичностей. Этим определяется актуальность нашего проекта.

Знаки и символы региональной идентичности, воплощенные в языке, фольклоре, литературе, являются фактором культурно-региональной идентификации, процессы которой консолидируют общество. При этом идентификация воплощается не столько в отдельных знаках и символах (ритуалы, обряды, одежды, песни, традиционная кухня, пословицы и поговорки, творчество писателей, поэтов, художников и т.д.), сколько в целостной картине мира со всеми атрибутами ее "смыслонаполнения". Процесс становления и сохранения этнокультурной идентичности выступает основой стабильности и поступательного развития отдельного государства и мирового социума в целом, поэтому тема проекта представляется актуальной и своевременной.

Осмысление проблемы региональной идентичности происходит в контексте дискурса о соотношении региональных, национальных и общегражданских ценностей, воплощенных в культурных, языковых фактах и литературных текстах. Изучение этих текстов, эксплицирующих структуру, символику, маркеры региональной идентичности, представляется также актуальным.

Исследование нацелено на изучение региональной идентичности как феномена, эксплицирующего бытие сообществ Приенисейской Сибири (гг. Лесосибирск, Енисейск, Казачинский, Пировский, Мотыгинский, Енисейский, Северо-Енисейский районы) и анализ (этнографический, лингвокультурологический, литературоведческий) способов репрезентации процесса региональной идентификации в культурных событиях, языковых фактах и литературных текстах, в которых эксплицированы структура, символика, маркеры региональной идентичности.

Предметом исследования являются обряды и верования жителей Приенисейской Сибири, ономастикон этого региона, в котором проживают

около 130 000 чел. на площади 180 000 км², краеведческие работы репрессированных в 30-50 гг. XX в., а также произведения разных родов и жанров, созданные авторами, чье творчество связано с Приенисейской Сибирью (В.П. Астафьев, А.М. Бондаренко, Н. Волокитин, К. Лисовский, И. Рождественский и др.), журналистами, современными писателями и поэтами – участниками литературных и творческих клубов и объединений Казачинского, Пировского, Мотыгинского, Енисейского и Северо-Енисейского районов, гг. Лесосибирска и Енисейска.

Научная новизна определяется изучением, обобщением и введением в широкий научный обиход культурных, фольклорных, языковых фактов и литературных текстов, эксплицирующих структуру, символику, маркеры региональной идентичности с последующей популяризацией и актуализацией полученных результатов посредством интерактивной карты

Объединяющим методологическим началом работы стало использование научных принципов, оптимально необходимых для максимально полного анализа региональной идентичности: объективности, историзма, комплексности и системности изучения явлений бытия и быта региона. Данные принципы предполагают максимальное исследование и критический анализ совокупности разнообразных точек зрения на ключевые аспекты региональной идентичности, изучение всех внутренних и внешних факторов, обуславливающих особенности различных уровней данного феномена, выявление этапов и тенденций его развития.

В основе исследования – функционально-структурный подход к культуре как единой гармонически функционирующей системы, каждый компонент которой выполняет жизненно важную для всей системы функцию. Методологическую базу исследования составили: положения о закономерном распределении культуры по странам и зонам (Ф. Ратцель) и теории феномена национальной культуры и национальных традиций (А.Я. Гуревич, Э.С. Маркарян, И.В. Суханов); теория «культурных кругов» (Ф. Гребнер); понятия

«этнос», «культурный ареал» (А. Кребер); концепция дуалистической теории этноса (Ю.В. Бромлей); концепция «пассионарности» этноса (Л.Н. Гумилев), объясняющие закономерности развития культуры и функционирования этносов, а также теории «единого организма» И.А. Ильина.

Использование дискурс- анализа значительно усилит позиции системного и конструктивистского подходов в исследовании региональных сообществ, кроме этого откроет возможность для использования семиотического подхода, реализуемого в трудах Ч. Морриса, Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, У. Эко и др.

Актуальны для нашего исследования также:

1) антропоцентризм (учет «субъектных» характеристик языка, литературы, культуры; изучение языка во взаимосвязи с человеком, а не как «отчужденного» от субъекта объект);

2) функционализм (функции языка влияют на его устройство, организацию его системы, установка на изучение языка в его функционировании);

3) экспланаторность (стремление найти объяснение языковым, социокультурным явлениям и фактам);

4) экспансионизм, представленный в рамках предлагаемого проекта в интегральном подходе – синтезе формальной / таксономической и функциональной лингвистических парадигм и использовании результатов нелингвистических исследований, направленный на преодоление фрагментарности, изолированности отдельных научных направлений, изучающих обособленные аспекты объекта специфическими методами, и предусматривающий одновременное обращение к языку, сознанию и социуму.

Целостное изучение региональной идентичности как картины мира жителя Приенисейской Сибири (Казачинский, Пировский, Мотыгинский, Енисейский, Северо-Енисейский районы, гг. Лесосибирск, Енисейск), самореализующего себя в культуре (языке, литературе, фольклоре и т.д.)

посредством текстов, воплощающих нравственно-этические нормы, этноконфессиональные ценности, ключевые концепты быта и бытия, отношения людей в рамках региона, их ассоциации и воспоминания.

Основные методы изучения региональной идентичности, воплощающейся в культуре региона (фактах языка, литературы, фольклора чувашей, татар, русских, немцев, украинцев и т.д.), - типологический, структурно-семиотический, сравнительно-исторический, биографический, генетический.

Типологический метод, исходящий из представления о единстве основ человеческой культуры, позволяет находить общее в ритуалах, обрядах и обычаях многоэтнического пространства Красноярского края.

Структурно-семиотический метод, развивающий достижения таких дисциплин как лингвистика, культурология, антропология и других, основан на представлениях о знаковой природе текста и его элементов. В последнее время в литературоведении, лингвистике, фольклористике предметом исследования оказывается не только текст (как имманентная структура), но и предтекстовые формы, интертекстуальные и контекстные отношения. Различные аспекты региональной идентификации Приенисейской Сибири должны быть поняты в их реальном воплощении, внутреннем осмыслении и контексте обыденной, бытовой ситуации. Особенно продуктивен этот метод при интерпретации национальных орнаментов чувашей, головных женских уборов, видов национальной борьбы чувашей и татар, убранства жилища красноярских немцев, национальных блюд.

Сравнительно-исторический метод позволяет обнаруживать исторически обусловленные сходства и различия в верованиях, обрядах и обычаях, сохранившихся у современных представителей указанных этносов.

Генетический метод позволяет выявить мифологические корни воплощенных в региональном тексте верований, существующих в обрядовом или ритуализированном бытовом контексте поликультурного пространства Красноярского края.

При изучении фактов языка в контексте исследования региональной самоидентификации жителей Приенисейской Сибири продуктивны лингвокультурный, лингвокогнитивный, дискурсивный подходы.

Лингвокультурный подход предполагает изучение лингвистических аспектов репрезентации социальных, психических и культурно обусловленных явлений, соотносимых с региональной идентификацией человека, – ритуалов, стереотипов социально-группового поведения, архетипов, соответствующей мифологии, символики, прецедентных феноменов и др.

Лингвокогнитивный подход связан с самоопределением в контексте соответствующей когнитивной системы, куда относится парадигма познания, рационально-логический или метафизический способ самоидентификации, доминирующий тип знания, картина мира сообщества (профессиональная, религиозная), язык для специальных целей, когнитивные категории, система ключевых концептов и др.

При дискурсивном подходе исходным является изучение дискурсивно-прагматических свойств продуцируемых текстов, системы ценностных ориентиров, доминантных стратегий и тактик, языковых средств выражения модальности и оценки.

Реализация проекта позволит уточнить понятие "региональная идентичность", понять механизм территориальной идентификации личности, формы осознания самоидентификации в этнографическом, лингвокультурологическом, литературном дискурсах, охарактеризовать региональную идентичность Приенисейской Сибири.

Результаты, полученные в исследовании могут быть использованы в региональной концепции развития Приенисейской Сибири. Маркеры региональной идентичности, репрезентирующие результат и форму концептуальной организации и интеграции представлений о Приенисейской Сибири, позволят в дальнейшем разработать механизм регулирования процесса региональной идентификации и самоидентификации, что в свою очередь будет

способствовать созданию привлекательного имиджа Приенисейского региона, построения его брендинговой стратегии.

Положительный имидж региона, в основе которого – картина мира, отражающая региональную самоидентификацию его жителей, может стать инструментом преобразования и конструирования различных дискурсов реальности (социального, культурного и др.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Глава 1. РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1.1. Календарные народные праздники

В XXI в. Россия становится участником процесса глобализации, увеличивается гетерогенность населения, увеличивается «антропоток» со всеми сопутствующими ему чертами: усиливается межкультурная интеграция, размываются контуры культурных миров, нивелируется национальная самобытность сообществ, утрачивается этнокультурное многоголосие, являющееся во все времена гарантом выживания цивилизации. «Унифицирование» и «нивелирование» духовного развития человечества опасно разрушением этнических стереотипов, норм и правил, дискредитацией традиционного образа жизни, выработанного этносами в течение их исторической практики, что может привести к его духовно-нравственной деградации. Региональная идентификация представляет собой ответ массового сознания граждан, подверженных влиянию глобальных унификаций, на угрозу дискредитации того положительного исторического опыта своей малой Родины, своей этнической группы, территориальной группы и т.п., к которому они апеллируют в процедурах построения идентичностей. Этим определяется актуальность нашего исследования, направленного на актуализацию этнокультурной самоидентификации личности посредством использования всех возможностей образовательного пространства вуза малого сибирского города. Вследствие этого этнокультурная идентификация становится важнейшим дискурсом региональной идентификации, отражающей представление человека о себе [Этнокультурная палитра Приенисейской Сибири 2016] .

Исследователи (З. Бауман, С. Хантингтон, Э. Эриксон, З. Жаде, Н.Н. Исмагилов, Б.М. Ишмуратов, Т. Гурова, И.С. Семененко, Н.В. Сверкунова,

Р.Ф. Туровский и др.) выделяют два уровня региональной идентичности: личностный (соотнесение «самости» человека с «genius loci» региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальный (осознание человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия). В этом аспекте региональную идентичность можно определить как форму коллективной идентичности, при которой ее носитель способен к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самосоотнесению с внешним миром. Рассматриваемая в таком аспекте региональная идентичность может быть охарактеризована как своеобразный «общий знаменатель» (Н.Н. Исмагилов), позволяющий соизмерить глобализацию и традицию, а также модернизацию и традицию, отражая положение человека в мире и осознание им своего места в мировом пространстве.

Особое значение в проявлении этнокультурной составляющей жизни современного человека имеют народные праздники жизни (календарные, семейные и др.), и, в свою очередь, каждый из них – «многоуровневый текст, в котором достаточно ощутима многовековая преемственность духовных ценностей. Представляя собой диалогическую проекцию истории в современность, своего рода генетическую ось, на которую нанизаны различные исторические пласты, праздник выступает транслятором и интегратором ценностей, заложенных в духовном опыте своего народа» [Пронина 2001]. Важнейшие методологические аспекты теории праздника представлены в хрестоматийно известных работах М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева и др., чьи положения во многом определили развитие современной культурологии.

Наиболее значимы для нас следующие определения народного праздника: «модельная инаковость реальной действительности»,

«компенсаторная форма, разрешения существующих противоречий», «праздник – форма самой жизни, пронизывающая и общественную жизнь, и быт, и моду, и архитектуру, и общественное поведение» [Пронина 2001]; « форма культурной памяти, закреплённая в культурной традиции институционализированного действия, формирующего символически переработанный образ прошлого и одновременно выполняющего функцию репрезентации содержания и трансляции смыслов культурной памяти» [Попова 2011].

Праздник – особая форма этнокультурной идентификации, в формате которой актуализируются и формируются характерные для социума ценностные установки, модели поведения, представления о человеке и мире и т.д. Все виды и формы празднования прямо или опосредованно связаны с древними ритуалами, выполняющими организующую и регулятивную функции, предоставляя широкие возможности празднующим для самовыражения. Следует отметить, что «побудителем праздничной деятельности выступает потребность в актуализации какой-либо ценности, а конечная цель праздника – представить ценности как идеал, как воплощение смысла культуры» [Гужова 2006: 12].

Цикл календарных праздников у многих народов начинался в декабре, в дни зимнего солнцестояния, когда солнце "поворачивается на лето", предвещая скорое пробуждение матушки-земли от зимнего сна, и заканчивался осенью, завершением уборки урожая. Эти праздники и составляли целостный календарный цикл. Отсюда и общепринятое их название – календарные или праздники народного календаря, которые отличались преимущественно магическим характером. Цель этих праздников – обеспечить здоровье людям и лад в семье, хороший урожай полевых и огородных культур, богатый приплод у животных. К календарным праздникам у славян относятся проводы зимы и встреча весны, Масленица, Семик и др. У тюркоязычных народов в круг календарных праздников включены Навруз-Байрам, Эмель, Сабантуй, Акшакелу (праздник Белой березы) и др.

При выявлении календарных праздников, наиболее популярных в настоящее время в Приенисейской Сибири, 97 % опрошенных жителей региона указали, что активно отмечают новогодний праздник. Такой высокий рейтинг этого праздника может быть интерпретирован не только его статусом в годовом природном круге жизни (он начинается этот круг), но и особой его ролью в советском социокультурном пространстве, связанной с интеграцией общечеловеческих норм и ценностей.

Этот праздник относится к группе «праздников–реконструкций, <...> обосновывающих настоящее через сакрализацию и репрезентацию прошлого; эти праздники связаны со становлением государства/общества и утверждают основы миропорядка, чем в значительной степени влияют на формирование культурной идентичности социума» [Попова 2011: 11].

Соотносясь с обрядами календарно-земледельческого круга, призванными способствовать в масштабах года и в рамках годичной повторяемости воспроизведению и самого человека, и окружающей его среды (растительного и животного мира), празднование Нового года отражает все характерные черты подобных обрядовых действий: массовость, поклонение духам растительного и/или животного мира, солнцу, сакральное пространство, ритуальная еда и др.

Обрядом называют «совокупность обычаев или ритуалов, в которых воплощаются какие-либо религиозные представления или бытовые традиции» [Бородина 2005: 15]. Исследователи указывают на «полифункциональный характер его концептуальной основы, глубокую сакральности, направленную на ритмологизацию жизненного цикла: прощение и прощание со старым, рождение нового, сопровождаемого всей атрибутикой праздничной атмосферы» [Медведева 2009: 9].

Новогодние праздники у разных народов относятся к пороговым, соотносимым с «переходом через определенную нулевую точку от старого года к новому, с началом новой жизни, связанным с зимним солнцеворотом –

«рождением солнца» и постепенным прибавлением светового дня. В рамках рождения нового года формировались и определялись судьбы природы, социума, конкретного человека на весь следующий годовой цикл» [Медведева 2009: 12].

По мнению многих исследователей, в новогодних праздниках «опорным моментом являются новогодние психологические предчувствия и предвкушения, их специфической, каталитической чертой выступают ощущения счастья, радости – идеальных состояний человеческого бытия, возвращение детских ощущений <...> «возврата в детство», что помогает активизировать уснувшие творческие способности. Это усиливается обязательными новогодними хороводами (умножение единой коллективной энергии), песнями, танцами, добрыми пожеланиями (программа счастливой жизни)» и др. [Медведева 2009: 13].

Почти все опрошенные жители региона указывают, что празднование Нового года считается не только семейным праздником, но и общенародным. Модус праздника как изменчивое свойство данного явления актуализируется сакральностью пространства. Опрошенные отмечают, что к этому празднику всегда стремятся оказаться дома (в родном городе или поселке) те, кто по каким-либо причинам покинул родные места: «После моего поступления в институт этот праздник приобрел еще большее значение, т.к. к этому времени все возвращаются в родной город с разных уголков нашей страны»; «На празднование Нового года обязательно собираются все члены семьи, родственники, друзья»; «На Новый год собирается вся семья, родственники. Идет длительная подготовка»; «На улице и в магазинах много людей, везде большие очереди. Все радостные, веселые»; «Вся страна празднует и ликует». Так реализуется общественная функция праздника – ритуальное закрепление родового единства, утверждающего приоритет законов общинной жизни.

Выше указывалось, что обрядово-ритуальная составляющая этого календарного периода актуализирует начало сельскохозяйственного цикла и

издавна была нацелена на обеспечение благополучия и достатка в жизни коллектива, на поддержание благоприятного для человека порядка в природе и космосе. Так, описывая празднование Нового года, опрошенные акцентируют настроенность празднующих на удачу, обеспеченность в предстоящем году: «Этот праздник создает атмосферу какого-то чуда, чего-то хорошего»; «Задолго на наступления праздника мы покупаем подарки, наряжаем елку. Этот праздник сближает всю нашу семью. Предпраздничное настроение чувствуется задолго до даты»; «Всей семьей составляем планы на праздник, заранее наряжаем елку, покупаем подарки, хотим, чтобы они принесли радость людям».

Как известно, новогодняя ель, символизируя древо жизни, соотносится с началом « годового цикла и, более того, жизни в целом. Еловая же шишка, являясь символом огня, начала и восстановления здоровья, в ряде традиций ассоциируется с фаллосом, что также знаменует собой зарождение новой жизни» [Топоров 1998: 370].

О ритуальности праздника свидетельствуют и другие его структурные компоненты. Таково семейное застолье с набором определенных, узаконенных в общественном мнении блюд: «На нашем традиционными являются салаты "Оливье" и "Сельдь под шубой". Обязательные на праздничном столе фрукты: мандарины, виноград»), в целом ориентированных на будущий урожай, приплод животных, нерест рыб и т.д. Показательно и их большое количество. Как известно, такая еда воплощает в себе единство мироздания, а будучи распределенной между участниками ритуала, она становится воплощением единства семьи, рода, «их совокупной доли» [Байбурин 1993:134-135].

Значимо количество и разнообразие пищи, которую обычно готовят к празднику: «Это самый "питательный" праздник в году»; «Еще несколько дней после Нового года родственники ходят друг к другу в гости, доедая ранее приготовленное»; «С 1-го по 7-е января доедаем салаты». Как неоднократно отмечали многие этнографы, длительные трапезы с обилием еды – важнейший компонент календарного праздника. Различные фольклорно-этнографические

источники свидетельствуют о том, что переход от старого к новому году сопровождается трапезой, которой присуща подчеркнутая избыточность. В соответствии с представлениями о магии первого дня следовало есть не только хорошо, вкусно, но много. Байбурин же вновь отмечает, что изобилие еды на новый год объясняется тем, что она «призвана символизировать весь мир, совокупную долю и предназначена для распределения между всеми участниками ритуала» [Байбурин 1993: 128].

В традиционной культуре культ еды, как и обрядовая пища наиболее функционален в обрядах перехода [Геннеп 1999]: это переход от старого к новому году, «переходными» являются свадебные обряды, а также обряды поминальные и др.

Увлечение фейерверками можно рассматривать и как поклонение огню, и как стремление шумом отпугнуть враждебные силы, ослабить их на весь следующий год.

В структуре новогоднего праздника важную роль играли пожелания/поздравления, посредством которых не только устанавливалась коммуникация между участниками праздника, воздействие на их духовный мир, но и актуализировалась продуцирующая магия слова, актуализирующая возрождающую силу природы и человека. Ритуальной является и новогодняя речь Президента РФ, обусловленная статусом автора, имеющего полномочия подводить итоги года за всю страну.

Ритуальным в наше время стал и традиционный для новогоднего праздника просмотр кинофильма «Ирония судьбы», настраивающий на оптимистическую стратегию поведения: встреча мужчины и женщины, зарождение любви с легко угадываемой в ближайшем будущем свадьбой и семейной жизнью: «Фильм вызывает добрые и теплые чувства, настраивает на ожидание всего хорошего».

Таким образом, в последние годы в структуре новогоднего праздника все более актуализируются компоненты ритуала, направленного на воплощение

единства коллектива. Такая тенденция к самоидентификация отражает стремление человека к единству со своей территорией и вступает в оппозицию идее глобализации.

Праздник Нового года является ярким примером того, как происходит интегрирование различных артефактов, позволяющих празднику трансформироваться в соответствии с новыми вызовами времени.

Но опросы жителей Приенисейской Сибири свидетельствуют о том, что они вспоминают и другие праздники, отражающие этнокультурную самоидентификацию личности [Этнокультурная палитра Приенисейской Сибири 2016] .

Так, сибирские немцы, каким бы путем они не пришли в наши суровые места, не отмежевывались от общения с другими национальностями, но особенно бережно они относились к тем обрядам и праздникам, которые помогали им осознавать себя носителями лучших качеств высококультурного, обладающего многовековой историей европейского народа, потомками которого они являются. Российские немцы – дети двух народов и культур, сохранившие в основном не только родной язык, но и некоторые обычаи, способствующие расширению поля культурного взаимодействия представителей разных народов, населяющих регион. Так, в Енисейском районе еще в 1960-80-е гг. активно праздновались Адвенты – четыре воскресенья декабря, предшествующие Рождеству [Шубина, Бахор 2010]. Эти дни, как предвкушения большого и светлого праздника Рождества, по свидетельству информантов, обычно проводились за праздничным столом, присутствующие настраивались на то, что длинные зимние вечера пройдут в радости и удовольствии в тесном семейном кругу. Пожилые немцы, которые раньше постоянно отмечали Адвенты, считают, что так человек программировал себя и свою семью на благополучие (сейчас же редкие семьи сибирских немцев соблюдают эту традицию). Непременный атрибут Адвентов – специальный венок из еловых веток. Его ставят на самое видное место в доме, чаще всего на

обеденный стол, и украшают четырьмя или пятью свечами. Первую свечу зажигают в первое воскресенье Адвента, остальные – в каждое следующее. А в последний день Адвента зажигают все свечи.

Ожидание Рождества детям облегчают сладкие календари Адвента, которые приходили в Сибирь разными путями (присылали из центральной России, покупали у тех, кто имел возможность ездить в Германию, приобретали самодельные календари у местных изготовителей). Такой календарь рассчитан на 24 дня, в каждом окошке малышей ждет шоколадный сюрприз или игрушка.

Апофеозом Рождественского обряда является 25 декабря, к которому готовятся заранее и с особым трепетом.

Опрошенные нами немцы, проживающие в Енисейском районе, указывают, что их семьи, все без исключения, отмечают Рождество как самый значительный и в то же время самый тихий и спокойный семейный праздник. Сакральная основа этого праздника обнаруживает себя в каждом из его компонентов.

С глубочайшей древности идея Рождества связывалась с идеей плодородия вообще и животворящей силой земли в частности (на это, например, указывает сочиво, традиционно приготавливаемое из зерен пшеницы и связанное с древним земледельческим обрядом поклонения умирающему и воскресающему Богу, культ которого, как считают многие ученые, воплотился во Христе). О земледельческой основе этого праздника говорят и подарки, которые обычно на Рождество получали дети: в поселке Ярцево, например, в качестве рождественских подарков использовали печенье в виде животных (зайчики, овечки, лошадки), что, на наш взгляд, соотносится с образами животных, присутствующих при рождении Христа в вертепе. Вспомним, что животные, покрытые шерстью, также символизировали творческую и творящую силу матери-земли.

Культ древнего умирающего и воскресающего божества, лежащий в основе этого праздника, отчетливо проявляется в основных компонентах

обрядового действия. Так, Адвент составляют четыре воскресенья, что актуализирует семантику числа «четыре» как показателя земного порядка, как указание на возможность человека, пройдя земной круг жизни, приобщиться к высшим сферам бытия [Энциклопедия символов 2007: 52]. Об этом свидетельствует и венок Адвента, в ветви которого могут быть вплетены не только четыре, но и пять свечей: четыре – по кругу венка, а пятая – в центре. «Свеча символизирует свет во тьме жизни» [Энциклопедия символов 2007: 278]. Свет свечи соотносится с очистительным огнем, изгоняющим силы тьмы и холода из жизни человека и его дома. Цвета, которые присутствуют во всех Рождественских атрибутах, обладают традиционной для германской культуры семантикой. Зеленый цвет символизирует надежду на жизнь в темноте зимы; красный – самопожертвование Христа, его кровь, пролитую за всех людей.

Как известно, украшение ели – исконная немецкая традиция. Рождественская ель – символ вечного обновления, возрождения, знак соединения материального и духовного. Благодаря своей зелени, которая сохраняется круглый год, ель становится еще и символом Креста – Древа Жизни – Райского древа, заставляя присутствующих помнить не только о рождении Христа, но и о его распятии.

Некоторые информанты, проживающие в 1960-70-е гг. на севере Красноярского края, вспоминают: было принято так ставить елку в доме, чтобы ее можно было через окно увидеть с улицы. Особенно актуально стало такое размещение елки, когда местные умельцы научились из бытовых домашних лампочек делать гирлянды. Возможно, подобное размещение елки, когда ее огни видны на улице, должно было напомнить прохожим о вифлеемской звезде, возвестившей людям о рождении чудесного младенца, осветившего собой жизнь.

Важнейший в Рождественском обряде комплекс рождества (рождество бога, рождение человека, возрождение природы и т.д.) актуализируется и другими деталями обрядового действия. Такова форма круглого праздничного

стола, за которым собиралась вся семья, фрукты и овощи на столе, пирог штоллен, по форме напоминающий младенца в пеленке, и т.д.

Как показывает наше исследование, древняя традиция празднования Адвентов с выездом немцев из Сибири в Германию постепенно угасает в немецких семьях, проживающих на северных территориях. Мифологическая основа обряда встречи Рождества Христова, ощущаемая пожилыми немцами и людьми преклонного возраста, становится менее и менее актуальной для молодежи.

В отличие от Адвента, ставшего фактом истории края, праздники Акатуй и Сабантуй позволяют говорить не о падении значения народных праздников по шкале ценностей (подходит любой праздник, лишь бы праздник), а о трансформации традиционной праздничной культуры и ее интеграции в поликультурное пространство жизни современного человека.

Из национальных праздников более всего тюркоязычные информанты вспоминают татарский Сабантуй и чувашский Акатуй [Каримова, Бахор 2010].

Акатуй – национальный весенний праздник чувашей, посвященный земледелию. Об этом говорит и этимологическое значение названия: «Акатуй» происходит от чувашского слова «ака», «акать», что значит «сеять», а вторая часть названия праздника («туй») в переводе означает «свадьба». Как видим, в названии праздника содержатся указания на брак и посев, который у древних земледельцев воспринимался как священный брак земли. Об этом свидетельствует и семантика плуга – символа оплодотворяющего начала, зарождения жизни в земле.

Акатуй до сих пор сохранил свою отчетливо выраженную обрядовую основу. Особое значение в сакральном пространстве праздника приобретают праздничные столы, огороженные декорациями так, стол находится внутри «дома», он окружен с двух сторон стенами «дома» и огорожен забором. Состав национальных блюд (зерновые, мясо, мука) также знаменует собой подобную

«огороженность». Как столы сокрыты декорациями, так мясо и зерно сокрыто в тесте, как в недрах земли.

Растительный орнамент на женских рубашках (дерево, трава, цветы) и на мужских (конь и солнце) вполне соответствует приведенной выше трактовке праздничного действия как массового поклонения солнцу. Оно же представлено и в головном уборе женщин в виде дисков нашитых на шапочке монет.

Типологически Акатуй соотносится с Сабантуем [Каримова, Бахор 2010], одним из важнейших татарских национальных календарных праздников, который в настоящее время воспринимается большинством его участников только как весёлое народное гуляние. Выявление мифологической основы состязаний, включенных в программу Сабантуя, позволяет увидеть древнюю сакральность этого праздника.

Сабантуй переводится с татарского как «Праздник плуга». В основе этого календарного обряда – языческие жертвоприношения богу Солнца и неба Тенгре, отражающие стремления древних людей к продолжению рода, обеспечению плодovitости скота и плодородия земли. Мотив одаривания, заменивший жертвоприношение, является в наше время основой сбора подарков на Сабантуй.

Перед совершением обряда жертвоприношения проводится ряд состязаний. Самое важное из них – это борьба на полотенцах «Керэш» («Куреш»): перед схваткой борющиеся обвязывают руки отрезом ткани. На наш взгляд, это ритуальное действие символизирует нерушимое единство двух противоположных («борющихся») начал. Элемент обвязывания рук отрезом ткани встречается только у татар. В настоящее же время мало кто знает об истинном смысле этого компонента обряда. В целом же поединки на майдане демонстрируют не только силу, ловкость, мастерство, мужество батыров, но и их спортивное благородство, уважительное отношение к сопернику.

Издавна главной составляющей Сабантуя являются конные скачки, чаще всего они устраивались вокруг холма и имитировали ход солнца по небу,

прокладывание первой борозды и сев как оплодотворение земли. Иногда на Сабантуе встречается и такое соревнование, как бег в гору (тау-га чабыш), в котором участвуют и мужчины, и женщины. В настоящее время утратилось понимание этого действия как поклонения духу горы, сакральному центру мироздания. Связь Сабантуя с культом рождающей земли отражается и в том, что подарки победителям вручает самая молодая замужняя женщина. Так издавна подчёркивалась взаимосвязь женщины с плодородием земли.

Только развлекательным признаётся современной молодёжью и следующее состязание: покорение тёсаного столба, на вершине которого прикрепляются призы. Утрачено представление о столбе как о фаллическом символе, знаке священной Оси Мира, божественной силы, земной и космической жизненной энергии, восхождения, устойчивости, прочности и постоянства [Энциклопедия символов 2007: 286].

Все проводимые состязания нацелены на выявление самого сильного человека, батыра, которому затем будет поручено проведение главного действия праздника – жертвоприношения. Жертвой, предназначенной богам, является главный приз Сабантуя – баран, символизирующий огонь, солнечную энергию, пылкую страсть и т.д. [Энциклопедия символов 2007: 844].

Чаще всего право оросить землю кровью жертвенного барана, «полить» брошенные накануне в землю зерновые предоставлялось победителю в борьбе «Керэш». Без осуществления этого финального действия «Праздник плуга» как свадебный обряд не может быть завершённым, а значит, не может обеспечить будущий урожай, появление приплода у животных, рождения здорового (угодного богам) потомства у людей

Анализ данных опроса информантов – чувашей и татар самых разных возрастов и социального положения свидетельствует о том, что при осмыслении праздника Акатуя и Сабантуя все чаще теряется его глубинное сакральное значение. Молодёжь воспринимает эти праздники как чисто декоративные. Люди средних возрастов начинают задумываться о глубинном

смысле праздничного действия. Люди старших возрастов более других склонны философски осмысливать обряд поклонения солнцу и земле, лежащий в основе указанных календарных праздников.

Выявление и распространение знаний о мифологической основе этих праздников необходимы человеку. По мере взросления и социализации он «осознает», как оригинально проявляются и индивидуально выражаются в его личности родовое и народное начала, этнические особенности и черты национального характера. Только на основе этого сознания происходит самоидентификация с «родным» этносом, а впоследствии вырабатывается самосознание «человека вообще», представителя «человечества» или «земной планетарной цивилизации».

Таким образом, рассматривая календарную обрядность в этнографическом аспекте, мы можем увидеть в ней не столько образец культуры какого-либо одного этноса, сколько проявление культуры общечеловеческой вследствие трансформации традиционных элементов этнокультуры.

1.2. Семейно-бытовые обряды и праздники

Семейно-бытовые праздники и обряды, связанные с круговоротом человеческой жизни, отражают жизнь человека от рождения до смерти, его традиционный быт и семейные традиции.

По мнению многих этнографов, некогда календарные и семейно-бытовые обряды составляли единое целое и были направлены на решение общей задачи – достижение благополучия в семье, хорошего урожая. Этим объясняется особая роль в этих обрядах магии слова (пожеланий, заклинаний и и.п.). Но привязанность не к постоянным датам народного календаря, а к наиболее ярким и важным событиям личной жизни человека (родины, крестины/имянаречение, свадьба, проводы в армию, похороны и др.),

способствовали выделению семейно-бытовых обрядов и праздников в отдельную группу.

Изучение народной семейно-бытовой культуры – одна из важнейших задач исследований в области этнографии, филологии и фольклора, приобретающая особую актуальность «в период ломки социальной и политической структуры общества, поиска оптимальных путей в возрождении и развитии национальных культур» [Табагуа 2000].

И хотя «обряды жизненного цикла (свадебные, родильные, похоронно-поминальные) и в наше время продолжают играть регламентирующую роль в жизни каждой семьи» [Аксенова 2010: 11], появляются новые семейные праздники.

Опросы жителей Приенисейской Сибири, проживающих в Енисейском, Казачинском, Мотыгинском, Пировском и Северо-Енисейском районах Красноярского края, свидетельствуют о росте популярности такого неофициального праздника, как День рождения. Так, по данным ВЦИОМ, в 1992 г. «настоящим» праздником считали свой День рождения и День рождения близких людей 44 % и 38 % соответственно [Калачева 2003: 3]. В 2016 г. эти показатели возросли до 57 % и 44 % соответственно. В условиях уменьшения популярности государственных праздников эти цифры свидетельствуют о том, что семейный праздник становится все более значимым в жизни современного человека в его стремлении к личной самоидентификации: «...личный праздник через усиление чувства принадлежности к малым группам и коллективам способствует социальной интеграции вовлеченных в празднование людей» [Калачева 2003: 10]. Этому способствует структурная устойчивость праздника, не зависящая от социальных трансформаций общества. Лежащий в основе праздника ритуал нацелен на осуществление перехода индивида из одной статусной группы в другую, а значит, празднование Дня рождения становится формой самоидентификации человека.

Семиосфера Дня рождения, как традиционного семейного праздника, «включает в себя комплекс знаковых систем. Это праздничные убранства, декорации, обряды, ... угощения, подарки, пожелания... Являясь неременной принадлежностью каждого праздника, они требуют соблюдения сложившегося регламента, создавая основу для идентификации его участника» [Орлов 2004: 9]. Как известно, празднование Дня рождения – это особый ритуал, объединяющий всех участников события, в основе которого «выход из повседневного круга, интегрирование профанного и сакрального смыслов человеческой жизни» [Филатова 2013: 5]. Один из респондентов так определил особое значение Дня рождения: «Пожелания, подарки, вкусная еда, украшение дома - все это передает обстановку важности этого события».

Этот праздник, как всякий ритуал, служит средством интеграции семьи, актуализации ценности единства человеческого коллектива (семьи, рода). Это отмечали при опросе респонденты: «Из семейных праздников наиболее важный День рождения, т.к. приезжают гости: многочисленные родственники и друзья»; «В этот день ты можешь увидеть всех своих близких, родственников, друзей за одним столом»; «В этот день обязательно поздравляют тебя даже те родственники, которые живут далеко и редко звонят». Постоянные связи между членами коллектива (семьи) являются необходимым условием праздника как ритуала. При этом участие в ритуале, в свою очередь, укрепляет эти связи.

Празднование дня рождения как особый ритуал имеет и другую важную цель: «снимает психологическое напряжение и гармонизирует человеческую психику» [Быкадоров 2006: 6]. Именно это и отмечали опрошенные: «Все члены семьи показывают свою любовь виновнику торжества, делая этот день незабываемым»; «В этот день ты испытываешь невероятные эмоции, позитив, который заряжает тебя надолго»; «Поздравляя именинника, читаем стихотворения, поем песни, рассказываем смешные истории. Стараемся исполнить все его желания».

Этот семейный ритуал одновременно является и ритуалом перехода, так как отражает изменение статуса индивида в пределах семьи, рода, коллектива. Опрошенные нами студенты-первокурсники отмечали, что в последний День рождения гости желали им успехов при сдаче ЕГЭ и во время учебы в институте.

Особая роль принадлежит акту дарения: подарки родных, близких и знакомых являются своеобразным утверждением "виновника" праздника в новом возрастном статусе. Об этом опрошенные говорят так: «Главный принцип, по которому выбирается подарок, – практичность; дарится то, что тебе обязательно пригодится в будущем»; «Мы дарим подарки необычные, креативные и полезные».

Соответствует ритуальному характеру Дня рождения и описание опрошенными праздничных застолий: «В этот день мы обязательно пьем чай с тортом»; «За дня три до праздника ты бегаешь по магазинам за продуктами, чтобы приготовить что-нибудь особенное, вкусненькое»; «В этот день утро начинается с подарков от родных, а вечером накрывается праздничный стол, обязательно едим торт». Как видим, в наше время торт стал одним из обязательных элементов ритуального застолья. И хотя опрошенные считают его одним из неперенных угощений, ритуальность торта широко известна. Наиболее популярна версия о том, что эта традиция зародилась в средневековой Германии, жители которой изготавливали торты в честь рождения Иисуса Христа. Свечи ставили в центр торта как символ света жизни. Именно в Германии возникла и традиция загадывать желание и одновременно гасить свечи, чтобы загаданное быстро донеслось до небес и было исполнено.

Таким образом, в праздновании Дня рождения отчетливо проявляется его ритуальный характер, воплощающий мифопоэтический взгляд человека на мир. Этим ритуалом систематически (ежегодно) актуализируется «совмещение личного и коллективного самосознания в процессе праздника, как условие

преемственности культурной традиции» [Орлов 2004: 9] и как форма коллективной самоидентификации. А психологическое влияние Дня рождения на индивида подобно психотерапевтическому воздействию катарсиса в античной драме.

И хотя в наше время исчезли многие обряды, имевшие ранее магический смысл, именно праздники семейного цикла оказались более других консервативными. И среди них следует назвать свадебный и похоронно-поминальный обряды, сохранившие до сих пор наиболее значимые компоненты.

Свадьба – это обряд, сопровождающий заключение брака. Основное событие свадебного обряда – драматизированное изображение перехода женщины в новую семью, новый род. Ученые называют этот ритуал «обрядом перехода» или «пороговым событием». Во время свадьбы человек резко меняет свое положение в обществе, он «уходит» из одной социальной группы в другую [Байбурин 1993: 128]. Обряд, сопровождающий заключение брака, содержит в себе символические действия, направленные на коллективное переживание, способствующее выравниванию биологического и социального [Байбурин 1993].

При определении основных компонентов свадебного обряда и выявлении их функций нами были опрошены более 500 человек, проживающих в северных районах Красноярского края. Почти все информанты, размышляющие о значении того или иного обрядового действия, указывают, прежде всего, на его развлекательный характер.

Сватовство сопровождается иносказаниями, при общении сватов используются пословицы, загадки, разговоры ведутся не напрямую, а "обиняком", чтобы не спугнуть удачу, не сглазить невесту. Известно, что после сватовства начинался процесс отчуждения девушки от родной семьи. Это проявляется в девичнике, который устраивают накануне свадьбы в наше время. Информанты дают этому профанные объяснения: «Накануне свадьбы устраивался девичник и мальчишник, ходили в баню, смывали с себя всю

жизненную грязь...». «В бане мылись, чтобы чистыми вступить в новую жизнь...». Особенно популярными являются современные «девичники» в бане, сауне и т.д. Омовение – важный обряд, символизирующий как внешнее, так и внутреннее очищение [Байбурин 1993]. Этот ритуал, предшествуя заключению брака, соотносится с таким же ритуальным действием, но сопровождающим похороны. Например, информанты указывают, что воду, в которой помылась девушка, принято выливать туда, где не ходят люди, это же делают при омовении покойника.

Обряд омовения невесты функционально нацелен на «смыв» с девушки всего того, что связывало ее с родным домом, который после свадьбы становится для нее чужим пространством, как это бывает при первом купании новорожденного, когда с него смывают все природное, чуждое человеческому.

Так девушка постепенно становится "чужой", "неизвестной" для своих родных. На это указывает этимология слова "невеста" как производного от утраченного "vesta" ("известная") с помощью префикса "не". Путь невесты из родительского дома в дом жениха - этапы ее смерти для родных и возрождения в новом качестве в семье жениха, чему могут помещать злые силы и от чего должны были уберечь невесту участники обряда, в т.ч. дружки жениха.

Сходство свадебного и похоронного обряда, на наш взгляд, проявляется и в специальной обрядовой одежде. Это касается, в первую очередь, невесты, так как именно у нее на свадьбе самый необычный наряд, весьма отличающийся от повседневного, тогда как костюм жениха может быть таковым и в обычных жизненных ситуациях.

Белый цвет платья невесты можно сравнить с коконом бабочки, которая, прежде чем возродиться в своем новом качестве, должна «умереть» как другое существо – гусеница. Это же происходит и с невестой: она «умирает» как девушка и возрождается как женщина.

До свадьбы молодые люди не являются полноправными членами общества, лишь только создав семью и родив ребенка, они обретают этот

социальный статус. «Смысл» в бане того, что было им присуще до вступления в брак, жених и невеста подчеркивают свою готовность к переходу на новый этап жизни.

Подобным же сакральным значением обладают и другие компоненты свадебного обряда. Таковы кража невесты или ее обуви. Информанты так это объясняют: «Невесту крадут у жениха и дружки, чтобы было весело». Сакральность данного действия очевидна: имея вогнутую форму, закрытую со всех сторон, туфли символизируют лоно Матери и в целом – детородную способность женщины.

Обязательным компонентом современной свадьбы является поездка новобрачных к самым значительным и важным памятникам города или поселка. Профанное объяснение таково: «...чтобы навсегда запомнилось это событие»; «Жених должен перенести невесту на руках через семь мостов, чтобы показать, что будет ее и потом на руках носить». Ритуальный характер этих действий иной: мост является, прежде всего, символом объединения, трудного перехода из мира «чужих» в мир своих. Число семь – в культуре многих народов является символом совершенства, уверенности, безопасности, восстановления целостности мира, синтеза и т.д.

Важнейшим элементом современной свадьбы является и встреча новобрачных «хлебом солью», чтобы, как считают информанты, «молодые никогда не голодали». Но это ритуальное действие (одаривание «короваем») генетически восходит к древнему обряду принесения в жертву богам коровы, что было символом связи материнского молока и космических сил, сотворивших мир.

Почти все информанты, опрошенные студентами в процессе реализации проекта, описывая свадебный обряд, подчеркивали его развлекательный характер, хотя не отвергали влияния свадебного ритуала на будущую жизнь молодоженов. При этом подробности о поездке за невестой больше вспоминали мужчины, тогда как приезд в дом жениха – тема воспоминаний

преимущественно женщин. Именно они обращают внимание на то, как постепенно «оживала» невеста в доме жениха: «... жених и невеста празднуют свадьбу вместе только на четвертый день. В первый день они венчаются в церкви, обмениваются кольцами, затем муж уезжает к своим родителям, а жена – к своим. Вечером этого же дня невесту привозят в дом отца жениха, но она не должна ни с кем разговаривать, даже со своим женихом, в течение всего свадебного пира, который длится три дня. И только на четвертый день супруги уезжают в собственный дом, где уже вместе продолжают праздновать" (Ю. Асеева, 1954 г.р.). Адольф В., 1957 г.р., вспоминал о том, как он вместе с другими детьми "безобразничал" на свадьбе (рассыпали горох, зерно, мусорили в доме), но никто из взрослых не ругал детей. По мнению респондента, такое поведение детей способствовало веселью праздника, тогда как сакральный смысл этого компонента свадьбы заключается в другом: невеста, возродившаяся к окончанию свадебного обряда, должна продемонстрировать гостям умения и сноровку будущей хозяйки дома и убрать мусор.

Таким образом, в северных районах Красноярского края почти повсеместно утрачено представление о сакральном значении компонентов свадебного обряда.

Также можно говорить о ярко проявляющейся в настоящее время тенденции к упрощению церемоний и сокращению этапов свадебного обряда. Так, вместо сватовства и сговора молодые люди сами договариваются о браке, отказываясь от услуг сватов.

Самым консервативным в цикле семейно-бытовых обрядов стал похоронный обряд, менее подвергшийся изменениям и трансформации по сравнению со свадебным и родинным обрядами.

Погребальный обряд у разных народов на современном этапе сохраняет практически все структурные элементы.

Так, у мусульман, проживающих в Приенисейской Сибири, представление о загробной жизни души в период смерти человека и до

страшного суда развиты слабо. В Коране говорится о том, что ангел Израил отнимает у человека душу, тем самым лишая его жизни. Среди мусульман распространено представление, что душа после смерти тела находится во власти аллаха, и иного знания людям не дано. В Коране говорится о наказании мертвеца в могиле ангелами, но только хадисы называют имена этих ангелов – Мункар и Накир. В ряде версий наказание в могиле продолжается вплоть до воскресения. Однако наиболее распространено представление, что после беседы с ангелами душа человека идет в рай или в ад. Согласно укоренившейся у мусульман традиции, в рай ведет мост Сират, тонкий, как волос, острый, как меч. Под мостом – ад. Лишь после того, как деяния каждого человека будут взвешены на весах, его судьба будет решена окончательно: праведников поведут в рай, грешников – в ад.

Когда человек умирает, его кладут головой в сторону мечети мира, лицо закрывают головным платком. Считается: покойник стыдится, что у него лицо открыто. Родственники приходят и прощаются с ним. Желательно хоронить усопшего на следующий день после смерти. Могилу копают в тот день, когда будут хоронить. Ее копают близкие родственники, и могилу без присмотра не оставляют; копают с углублением в головном конце (Ляхат). Считается, что после погребения покойник принимает положение сидя. Когда могила готова, начинают мыть покойника. Моют два человека, а четыре человека держат белое покрывало (тостар) над телом. До этого момента разрешается проститься с умершим. После омовения никому не будет показано лицо умершего. Держат покрывало четыре ближайших родственника, чтобы покойник не стеснялся своей наготы, после этого его заворачивают в белый саван. Тело покойника выносят мужчины и увозят на кладбище. Женщинам нельзя идти за покойником, не разрешается даже выходить за ворота. Женщины тем временем читают молитвы и стирают вещи умершего, дают хаер (подношения) всем, кто находится в доме, и ждут возвращения мужчин.

На кладбище тело опускают в могилу, но перед этим мулла читает молитвы. Тело опускается на землю, затем ставят опорные столбики, на которые кладут доски, и забрасывают землей. Мужчины, возвратясь с муллой, тоже читают молитвы, после чего все расходятся. Если человек умер в доме, то комнату белят: считается что, когда умирает человек, его кровь пачкает стены. На 3-й, 5-й, 7-й, 40-й, 51-й дни, и спустя год после смерти человека собираются бабушки, если умершая была женщиной, или дедушки, если умерший – мужчина. В доме читаются молитвы, и хозяева угощают собравшихся традиционными блюдами: супом с домашней лапшой, мясом с картошкой, бэлэшем (пирог с изюмом), сладостями.

Навещать могилы следует на праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, Кошура-байрам. Усопших навещают обычно мужчины, а женщинам можно почитать молитву, не заходя за ограду.

У мусульман существует целая система жестких предписаний: родственники на похоронах не должны плакать; когда мужчины уносят покойного на кладбище, женщины остаются дома, и они обязательно должны увидеть, как мужчины вернуться; людям, умершим в воде, в дороге, далеко от дома, прощаются все грехи; в доме покойного на пороге оставляют хлеб и нож для охраны дома; во время чтения молитвы на поминках на столе должна стоять соль; на ночь перед похоронами нельзя оставлять покойного одного.

В целом значительная часть сохраняющихся в похоронных обрядах традиций связывается с лучшими народными традициями: взаимопомощь, материальная и моральная поддержка семьи умершего.

Из менее распространенных семейных обрядов следует назвать проводы в армию («проводины»), что зафиксировано в материалах начала XVIII в., эпохи Петровских реформ. Этот сравнительно молодой обряд отражает активное воздействие народной культуры на новую историческую ситуацию посредством конструирования традиционных схем. Рекрутский обряд можно

охарактеризовать как комплекс обрядовых действий, сопровождавших отправление молодого человека в армию.

Чаще всего про обряд проводин рассказывали чувашские мужчины старше 50 лет, некогда приехавшие в Сибирь из родной республики; некоторые подробности этого обряда вспоминали и чувашские женщины.

По наблюдениям этнографов и культурологов, "если в конце XIX века уход на службу концептуализируется в терминах похоронной обрядности (как "неправильные похороны") и противопоставляется свадьбе, то в середине XX века служба оценивается, скорее, как функциональный аналог инициационного обряда» [Кормина 2000]. Об этом свидетельствуют и воспоминания информантов, опираясь на которые участники проекта восстановили основные этапы обряда, существовавшего в 1960-70-х гг. По их воспоминаниям, парень, уходящий в армию, обязательно обходил со своими друзьями дома родственников, друзей, близких людей. Гармошку новобранца украшали разные ленточки и платочки, подаренные девушками. Парни с гармошкой ходили по деревне, пели песни, посещали дома тех, кого призывник хотел видеть на своих проводинах. Близкие люди, друзья и родственники повязывали призывнику через плечо белое полотенце, чтобы у него служба хорошая была и чтобы он обязательно вернулся благополучно домой. Первой полотенце крест-накрест повязывала ему мать, затем уже остальные провожающие, и эти полотенца хранились в родительском доме новобранца до его возвращения из армии. Некоторые информанты говорили о том, что соседи и близкие могли повязывать полотенце новобранцу не крест-накрест, а через плечо. В таком случае эти полотенца снимали с новобранца, не развязывая их, и в таком виде также хранили до его возвращения. Вернувшийся сам развязывал все полотенца. Информанты комментировали это таким образом: полотенца повязывали, чтобы у новобранца была ровная дорога, а связанные концы обозначали неразрывность дороги из дома с дорогой домой. Подобное явление отмечали и другие информанты, рассказывавшие о проводах в армию в русских

и украинских семьях: уходя, новобранец вешал на стену дома ленточку, которую он же снимал по возвращении. Эта ленточка из украинского обряда функционально близка полотенцу в чувашском обряде.

Таким образом, полотенце в обряде проводин выполняло охранительную и магическую функцию, являясь «оберегом, укрепляющим связи соединения и приобщения к роду» [Авдошкина 2005 :16]. Полотенца могут выполнять функцию «метки», каковой являлся «некий материальный знак, <...> призванный ... напоминать об ушедшем на службу его близким и односельчанам» [Кормина 2000].

Чтобы новобранцу вернуться из армии целым и невредимым, он должен был уходить из родного дома (и из домов родственников) "взапятки", т.е. спиной к двери, имитируя свое будущее возвращение. Смысл такого обрядового действия – обмануть злых духов, которые могут помешать солдату вернуться в отчий дом. Это обрядовое действие как традиция кое-где сохранилась и сейчас: в некоторых селах новобранцев до военкомата несут спиной вперед. Подобное моделирование «обратного пути» уходящего на службу (кидание шапки в красный угол, выведение рекрута из дома пятками вперед, возвращение домой за нарочно забытой вещью и т.д.) было отмечено исследователями на севере и северо-западе России в XIX-XX вв. [Кормина 2000]

Когда провожающие сидели за столом, новобранец обходил вокруг стола три круга по солнцу, т.е. по часовой стрелке: так он прощался с домом. Нужно было обязательно поцеловать печь, чтобы тепло дома всё время согревало юношу. Также нужно было отрезать от круглого хлеба корочку и положить на стол, мать должна была сохранить этот кусок хлеба вместе с полотенцами солдата до тех пор, пока парень не вернется со службы. Действие это совершалось всегда в центре дома и было направлено на сохранение части еды уходящего парня, так как считалось, что еда притягивает ушедшего из дома к родному очагу. Круглая форма хлеба, по мнению информантов, функционально значима: земля круглая, и парень должен сделать круг: покинуть дом и

вернуться в него. Мать и отец давали напутствие сыну перед отъездом из дома. Проводины длились всю ночь до рассвета. Уходя утром из дома, новобранец спиной дотрагивался до дверного косяка, чтобы обмануть злых духов: он как бы не уходил, а заходил в дом.

Гости провожали юношу до того места, с которого уже не видно деревни, как правило, до поворота, где новобранца ждал автобус. Он со всеми еще раз прощался. Там ему наливали стопку пива, новобранец ее выпивал и стопку эту выбрасывал, и никто не смел ее поднимать. После этого он сразу садился в автобус и, не оглядываясь на провожающих, уезжал. Он ни в коем случае не должен оглядываться назад, чтобы не прервать (оборвать) начатый путь. Когда солдат приходил со службы, то снова ходил по домам и звал к себе домой на встречины.

Со второй половины XX в. "актуальной для современного восприятия армейской службы молодыми людьми, живущими в провинции," являлась "идея службы как варианта судьбы", "способа обретения нового социального статуса – статуса взрослого мужчины" [Кормина 2000].

И сейчас при том, что «структура обряда проводов в армию претерпела некоторые изменения, обусловленные, в частности, способом организации призывной кампании», «в целом последовательность обрядовых действий осталась прежней: это развернутый ритуал проводов в дорогу» [Кормина 2005: 284-285].

Таким образом, процесс этнокультурной самоидентификации жителей Приенисейской Сибири разворачивается в настоящее время на поле культурного взаимодействия с разными традиционными народными культурами, интегрируя различные культурные артефакты. Это, в свою очередь, актуализировало идейно-мировоззренческую, социально-воспитательную, объединительную направленность процесса этнокультурной самоидентификации, нацеленного на освобождение человека от профанной суетности и постижения сакрального знания, радости бытия.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

2.1. Прагмонимы как репрезентация региональной идентичности

Признавая многообразие и взаимосвязь типов идентичности, необходимо отметить, что социальная идентичность как результат процесса идентификации характеризуется наибольшим количеством ярко выраженных вербальных маркеров, что дает богатый материал для лингвистических изысканий. Однако социальная идентичность неоднородна и включает в себя следующие типы: цивилизационная, культурная, национальная, религиозная, территориальная, гендерная, политическая, профессиональная [Лаппо 2013: 18]. В рамках исследования рассматриваются вопросы, связанные с понятием территориальной (или региональной) идентичности. Региональная идентичность – это мысли и чувства субъекта относительно региона, которые формируют территориальную принадлежность индивида. Е.В. Головнева определяет региональную идентичность как «форму коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотнесению с внешним миром» [Головнева 2013: 43].

Ценностный компонент региональной идентичности, на наш взгляд, во многом соотносится с проблемой восприятия времени и толкования культурного прошлого региона. Этот компонент не всегда вербализуется и часто характеризуется неоднородностью, мозаичностью, поскольку субъекты региональной идентичности обладают различными профессиональными, возрастными, гендерными характеристиками.

Эмоциональный компонент территориальной идентичности основывается на стереотипных представлениях возможного психоэмоционального поведения субъекта, его поведенческих реакций, их быстроте и интенсивности.

Регулятивный компонент основывается на способах поведения и представляет собой конкретные поведенческие реакции в тех или иных условиях в пространстве региона, способы ориентирования на данной территории.

Основным в структуре региональной идентичности, на наш взгляд, выступает пространственно-временной, или когнитивный, компонент, который базируется на так называемых географических образах, являющих собой, по словам Д.Н. Замятина, «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)» [Замятин 2006: 92]. Таким образом, ключевым при формировании географических образов оказывается как природный, так и культурный ландшафт.

Одним из способов вербализации компонентов региональной идентичности служат онимы. На наш взгляд, изучение ономастического пространства региона позволяет выявить значимые вербализованные знаки, символы, образы, отражающие этноментальные особенности той или иной территории.

Анализ ономастических материалов ведется в русле антропоцентрического подхода, который в настоящее время утвердился в гуманитарных науках, в центре изучения которых находится человек. Давая характеристику онимам, мы можем проследить весь процесс номинации: от возникновения образа до его вербализации. Значимо и показательно то, что кладется в основу номинации. Все это позволяет познать социум через язык, сделать выводы о важности тех или иных событий и явлений. В процессе присвоения имен собственных «важную роль выполняет функция

идентичности, позволяющая номинатору отразить традиционные территориальные, этнические и межкультурные ценности, сформированные на протяжении длительного исторического периода и отражающие знания человека о мире, в которых сконцентрирован его национально-культурный и межэтнический опыт» [Исакова 2012: 15].

Одним из общепризнанных положений ономазиологии является признание ведущей роли субъекта номинации в ходе всего номинативного процесса. Как указывает И.С. Торопцев, «возникновение лексических единиц в ономазиологии рассматривается с точки зрения их творца» [Торопцев 1974: 4].

Поскольку именно номинатор есть организующее начало всего номинативного процесса, повышение внимания к субъекту номинации становится необходимым на современном этапе развития ономазиологии.

Перспективен для «субъективного» ономазиологического изучения ономастический материал. Собственные имена вообще весьма показательны для ономазиологического исследования, поскольку номинативная функция онима служит причиной его возникновения, доминантой существования и функционирования в языке. Но для изучения ономастического материала в «субъективном ключе» необходимо выбирать не центральные онимические классы – устоявшиеся, традиционные для данного языка и общества, а наиболее динамичные, периферийные, формирующиеся «на глазах» у исследователя.

Среди многочисленных онимов наиболее показательными в контексте вышесказанного являются онимы вторичной номинации – прагмонимы (от греч. *pragma* «вещь, товар» + *онума* «имя»). Термин был предложен З.П. Комоловой для обозначения товарной марки как объекта лингвистического изучения [Комолова 1971: 67]. А.В. Суперанская считает, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллятивами, именуя их товарными марками, или словесными товарными знаками [Соболева, Суперанская 1986]. Существуют и другие варианты этого термина, например

«прагмат» или «праматоним». В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской под термином «прагматоним» понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [Подольская 1988: 113]. В последующем изложении мы будем придерживаться наиболее частотного термина «прагмоним».

Интерес в аспекте избранной темы представляет такая разновидность прагмонимов, как чоконимы. Традиционно под чоконимами понимается название шоколадной продукции, считаем возможным расширить использование указанного термина для номинации кондитерской продукции в целом.

Материалом исследования послужили названия изделий кондитерско-макаронной фабрики «Краскон» – крупнейшего производителя кондитерских и макаронных изделий в Красноярском крае. "Краскон" производит более 200 наименований кондитерских изделий. Мощности производства кондитерских изделий составляют 10 тыс.т. в год.

Наряду с качеством производимого товара на рынке продвижения продукции значимым оказывается и название. Часто наименование продукции привлекает потребителя, побуждает к приобретению товара. Большая часть чоконимов включает оним Краскоша («Краскоша капитан Авроры», «Краскоша на Енисее», «Краскоша на балу», «Мечта Краскоши» и др.) и его производные («Краскошино загорье», «Краскошино», «Краскошино шоу» и др.). Собственное существительное Краскоша представляет собой вымышленное имя, образованное путем множественной мотивации от имени собственного «Краскон» и созвучного нарицательного существительного *дракон*. Название фабрики «Краскон» в свою очередь образовано путем слоговой аббревиации от словосочетания *красноярские конфеты* и созвучно существительному *дракон*. Возможно, именно поэтому производные аббревиатуры Краскон повторяют все словообразовательные модели лексемы дракон (*дракоша – Краскоша, дракошино – Краскошино, дракончики – краскончики*) и характеризуется

такими же парадигматическими и синтагматическими отношениями (*Дракоша озорной – «Краскоша озорной», Дракоша – друг... - «Краскоша – друг белочки», Дракошино... – «Краскошино шоу», Дракоша любит... – «Краскоша любит загадки»* и др.).

Анализируя названия шоколадных конфет, включающих лексему *Краскоша*, с точки зрения синтагматических отношений, можно указать следующие характерологические черты данного образа: Краскоша – провинциал, проживающей в местности, названной в его честь: «Краскошино» (скорее всего, данный топоним образован по словообразовательной аналогии с лексемой *Простоквашино*), «Краскошино загорье». Краскоша любит путешествовать: «Краскоша на севере», «Краскоша в столице», «Краскоша на Енисее». Краскоша открыт для общения («Краскоша – друг буреветника», «Краскоша – друг белочки», «Краскоша с коровкой на лужайке», «Краскоша дарит букет роз»), любит праздники («Краскошино торжество», «Краскошино шоу», «Краскоша на балу»). Краскоша – весельчак («Краскоша озорной», «Краскоша забавный», «Краскоша заводной», «Краскоша любит загадки»).

Отметим, что образ Краскоши широко известен и положительно воспринимается сибиряками, что подтверждается результатами опроса, проведенного среди жителей г. Лесосибирска. Так, 87 % респондентов без особых затруднений смогли назвать продукцию фабрики «Краскон», примечательно, что большинство указали конфеты, названия которых включают оним Краскоша. На вопрос «С чем ассоциируется слово Краскоша» были получены следующие ответы: *конфеты, красноярские конфеты, вкусные конфеты, наши конфеты, новогодний подарок, дракон, Красноярск, дракончик*. Фигурирование в ответах таких лексических единиц, как *красноярские, Красноярск, наши*, указывает на то, что Краскоша – это символ, или так называемый географический образ, имеющий некую территориальную закрепленность.

Результаты опроса позволяют утверждать, что продукция Абаканской кондитерской фабрики практически не известна жителям города, несмотря на то, что в силу территориальной близости регионов многие из опрошенных регулярно отдыхают на озерах Хакасии. Напротив, такие торговые марки центральных регионов России, как «РотФронт», «Красный октябрь», «Яшкино», «Славянка», широко известны жителям провинциального сибирского города. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что с точки зрения маркетинга вымышленный персонаж Краскоша оправдал брендинговую стратегию красноярской кондитерской фабрики.

В рамках исследования представляют интерес такие чоконимы, как «Саянита» и «Саянале», в которых прослеживается желание кондитеров, с одной стороны, привнести ореол изысканности (по типу названий «Италиано», «Белиссимо», «Венециано», «Шарм», «Элит»), с другой – сохранить свою региональную специфику. Аффиксальные морфемы в лексемах Саянита и Саянале делают отсыл к «заморскому», европейскому, иностранному, иноязычному, однако смысловое наполнение регионально и культурно маркировано: корневая морфема – саян – позволяет указанные наименования включить в ряд однокоренных с такими лексическими единицами, как Саяны, Саянские.

Еще одним фактом проявления территориальной маркированности можно считать маркетинговый ответ фабрики «Краскон» на принятие в 2008 г. поправок к закону о товарных знаках. Введение закона закрепляет право на использование «старых» названий за столичным холдингом «Объединённые кондитеры». Все остальные производители шоколадной продукции должны были либо выкупать у «Объединённых кондитеров» лицензии, либо прекратить использовать в качестве названия известные «советские» чоконимы типа «Белочка», «Мишка на севере», «Аврора», «Красная шапочка» и др. И вот «Уралкондитер» выпускает конфеты «Умелочка» в привычной для глаза обёртке конфет «Белочка». Кондитерская фабрика «Краскон» в данной

ситуации использовала стратегию сохранения колористики шоколадной обертки и совмещения в чоконимах уже известных названий конфет с региональными образами. Так, в результате нейминга появились такие названия, как «Краскоша на верблюде», «Краскоша друг белочки», «Красноярская птичка», «Красноярское танго», «Краскоша капитан Авроры», «Краскоша друг буреветника», «Сибирская красавица в шапочке», «Краскоша любит загадки», «Краскоша вечером» и др., представляющие своего рода аллюзию с известными советскими товарными знаками «Кара-Кум», «Белочка», «Птичье молоко», «Танго», «Аврора», «Буреветник», «Красная шапочка», «Загадка», «Вечер».

Обращает на себя внимание тот факт, что включение в названия шоколадной продукции ярких представителей сибирской фауны (медведь, соболь, лиса и др.) нами не отмечено, за исключением единичного случая – набора шоколадных конфет «Питомцы Роева ручья».

При анализе чоконимов кондитерской фабрики «Краскон» выявлено, что чаще всего в основу номинации кладутся следующие топонимические образы Красноярского края.

1. Саяны – общее название для двух горных систем на юге Сибири в пределах субъектов Российской Федерации: Красноярского края, Иркутской области, Республик Хакасия, Тыва, Бурятия, а также северных районов Монголии. (Например, «Саянские росы», «Саянские поля», «Саянское лето», «Саянские озера», «Саянские жарки» др.)

2. Красноярск – один из крупнейших городов России, крупнейший культурный, экономический, промышленный и образовательный центр Центральной и Восточной Сибири; административный центр Красноярского края. (Например, «Красноярская птичка», «Красноярское танго», «Красноярские вечера», «Красноярские сюжеты», «Красноярский вальс», «Красноярские рассветы» и др.)

3. Енисей – самая многоводная река России, занимает в мире пятое место по длине. (*Например, «Енисейские морозы», «Енисейские»*)

4. Загорье – территория в предгорьях Западных Саян (*Например, «Краскошино загорье», «Красноярское загорье».*)

5. «Столбы» – Государственный природный заповедник, расположенный на северо-западных отрогах Восточных Саян, граничащих со Среднесибирским плоскогорьем (*«Красноярские столбы», «Заповедные столбы»* и др.).

Данные номинации отражают конкретные, реальные географические образы, которые характеризуются знаковостью, узнаваемостью.

Таким образом, чоконимы, с одной стороны, могут рассматриваться как вербальные ресурсы выражения и описания процесса региональной идентичности, с другой – могут являться средством маркирования и конструирования территориальной идентичности, создавать так называемый имидж региона.

2.2. Топонимы как репрезентация региональной идентичности

Не менее показательны и значимы в аспекте маркирования территориальной самоидентификации топонимы. Топонимика (от др. греч. "топос" – место, местность и "онома" – имя) – раздел науки о языке, изучающий происхождение и функционирование географических названий. Интерес к происхождению географических наименований проявляется уже в "Книге Большому чертежу" и "Чертежной книге" С. Ремизова. В трудах М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и других представлены попытки аналитической трактовки топонимов. Важный вклад в топонимику внесли А.Х. Востоков, М.А. Кастерен, В.И. Даль. Основы сибирско-тюркской и монгольской топонимики заложил известный русский археолог В.В. Радлов. Историк Н.И. Надеждин считал, что изучение истории должно начинаться с

географической карты. Он писал: «Топонимика – это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» [Надеждин 1837].

Я.К. Грот отмечал, что топографическое имя никогда не бывает случайным и лишенным всякого значения. В нем по большей части выражается или какой-нибудь признак самого объекта, или характерная черта местности, или сведения об истории местности, или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более или менее любопытное для ума и воображения [Грот 1873].

Одной из разновидностей топонимов являются астионимы – наименования городских поселений. Считаем целесообразным рассмотреть особенности именования некоторых городов Приенисейской Сибири.

Город Лесосибирск как региональный моноиндустриальный центр лесодеревоперерабатывающей промышленности возник на карте Сибири в 1975 г. в результате "перестройки" поселков Маклаково и Новомаклаково, а позднее и Новоиенисейска и их объединения (вместе с поселками Стрелка и Подтесово) в город краевого подчинения. Самый старший из поселков – Маклаково – имеет гораздо более древнюю историю. Уже в 1668 г. появляются упоминания о «деревне Моклоковой» близ речки Моклоковой. Маклаково сложилось как поселение старожильческого типа со своим говором, со своей культурой. Освоение приенисейских земель, богатых черноземом, шло, как и в других регионах Сибири, естественным путем, по рекам и волокам [Шайдт 1993]. Земли заселяли сначала выходцы в основном с Русского Севера, речь которых легла, как известно, в основу русских старожильческих говоров Сибири. Заселение приенисейских земель продолжалось в XVIII -XIX вв. с участием уже переселенцев из южно-, западно- и среднерусских губерний, этнокультурный менталитет которых значительно отличался от северорусов

(старожилов - "чалдонов"). Все это обусловило довольно уникальную диалектную ситуацию в Приенисейском крае.

Городское население современного Лесосибирска сложилось на основе слияния, конвергенции нескольких источников: коренного населения Маклаково и близрасположенных сел и поселков, сохраняющего отчасти свои речевые обычаи, которые восходят к сибирскому старожильческому говору; потомков переселенцев XIX - начала XX в., в том числе потомков ссыльнокаторжных, как уголовных, так и политических, т.е. тех, кто оказался в Енисейском регионе не по своей воле, а в результате массового выселения "раскулаченных" и других "врагов народа" в 20-40-е гг.; добровольцев, завербованных из разных концов бывшего СССР на строительство крупных комбинатов лесной отрасли; переселенцев из бывших союзных республик, прибывших в Лесосибирск на сезонные лесосплавные и лесоприемные работы и оставшихся здесь жить [Шарифуллин 1997].

Астенизм Лесосибирск возник в результате сложения основ лексических единиц «лес» и «Сибирь». Свидетельством возникновения названия города может служить рассказ Н.Т. Колпакова, почетного гражданина г. Лесосибирска. *«Название города придумал я. Было два предложения, которые не прошли: назвать город Маклаково, да и за рубежом этот посёлок был известен с 1924 года. Правительство отклонило это предложение. Мы же считали, что название посёлка Маклаково происходило от фамилии путешественника, а оказалось, что он никогда не был в этих краях. Учёные Академии наук расшифровали слово «маклаки» – это, дескать, перекупицики краденого. В советское время, конечно же, не могли допустить название города с этим словом. Тогда начали советоваться. Пробовали назвать будущий город Новоенисейском хотя бы потому, что рабочий посёлок был с таким названием, и он входил в административное подчинение. Но непосредственно в наш город не входил, и нужно было созвать сход жителей, получить их согласие. Народ не согласился. Стали думать. Мне пришла мысль: есть в*

Сибири город Новосибирск, связанный с Сибирью, а мы же лесники, у нас, в основном, лесная промышленность... Итак - Лесосибирск! По всем параметрам вроде подходит: лес, Сибирь... Обосновали название, и его легко приняли в правительстве» [Красноярская газета 2006: <https://web.archive.org/web/20081024174730/http://krsgz.narod.ru/2006/84/1.htm>].

История города Красноярска начинается с 6 августа 1628 года. Воевода Андрей Дубенский заложил деревянный острог на стрелке между реками Енисей и Кача. Острог представлял из себя деревянную крепость, обнесённую рвом, валом и стенами с пятью башнями. На вершине близлежащего холма Кум-Тигей была поставлена сторожевая вышка. Вышка выполняла совершенно практическую функцию: с неё хорошо просматривалась вся близлежащая территория острога. Когда караул, находящийся на вышке, замечал приближающегося неприятеля, то разжигал костёр. На остроге, видя костёр, спешно готовились к осаде. Красноярский острог выполнял функцию защиты от набегов монгольских и тюркских племён на Енисейск, Томск, а позже на деревни русских поселенцев. В 1805 году на месте сторожевой вышки была построена деревянная Часовня, которая стала визитной карточкой в истории города Красноярска. Название города образовано от двух слов «красный» и «яр». «Яр» – это высокий крутой обрывистый берег, который был рядом с городом в момент его основания. «Красный» потому, что почва этого яра красного оттенка.

Таким образом, в основу астионимов Приенисейской Сибири заложена идея отражения особенностей природного ландшафта территории.

Одной из разновидностей городской топонимии являются названия улиц – годонимы.

Годонимы – самый подвижный и изменяемый пласт лексики, они предстают зеркалом национальной культуры, содержат большой объем информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество. Они

позволяют увидеть историю городов глазами далеких предков [Подольская 1988].

Традиционно основой номинации улиц являются названия рек (*Енисейская, Маклаковская, Ангарская, Тасеевский переулок*), растений (*Еловая, Сосновая, Кедровая, Рябиновая, Лесная, Хвойная*), значимые персоналии (*Белинского, Абалаковская, Бабкина, Заломова, Портнягина*), геоклиматические особенности региона (*Сибирская, Снежная, Таежная, мкр-н Северный*).

Используя разные языковые средства и актуализируя некоторые из них, жители Приенисейской Сибири проявляют свою территориальную идентичность: демонстрируют знания ключевых образов и реалий, которые репрезентируют специфические черты края, желание выразить отношение к родной земле, к культурному прошлому региона и чувство единения с земляками.

Важной разновидностью топонимов для носителей языка традиционно являются гидронимы. Отметим, что река – это природный водный поток (водоток), текущий в выработанном им углублении. Очевидно, что в названии гидронима должна содержаться характеристика реки, т.е. потока, притом охватывающая немалый отрезок. Поток – это, прежде всего, движение, которое можно охарактеризовать глаголом. Это, с одной стороны. С другой – река – это широкий спектр восприятия человеком природного объекта. Например, в Древней Греции это олицетворялось в виде божества. Можно предположить, что кроме характеристики движения потока название должно создавать определенный образ, понятный восприятию древнего человека. Каждая из рек имеет не только хозяйственное, но и историческое значение в силу того, что каждое название несет в себе определенную информацию.

Город Лесосибирск расположен на месте слияния рек Енисей и Ангара. Название Енисей происходит от «селькупск., хантыйск или эвенк. *Иондесси* – «Большая река», на тувинском языке эта река называется Улуг-хем – «большая река» [Никонов 1966]. Наименование Енисей образовалось как сращение двух

слов со значением «река»: эвенкийского *енэ* и кетского *сесь*. Но, как известно, население любой территории со временем меняется, на берегах рек появляются новые народы, для которых слово «река», данное на языке их предшественников, становится уже непонятным, лишенным смысла и воспринимается как имя собственное. Для эвенков, живших некогда на берегах среднего течения Енисея, он был просто *енэ* или *йэне* – «большая река». Более поздние жители края кеты приняли этот термин за название реки. Но в соответствии с нормами языка кетов имя собственное должно сопровождаться географическим термином, определяющим вид объекта, в данном случае термином «река», который у кетов звучал как *сесь* или *сьесь*. В результате получилось кетское название Енэсесь или Йэнесьесь, означающее «река Река», которое в языке русских землепроходцев трансформировалось в Енисей [Поспелов 2008].

Вопрос о происхождении названия реки Ангары не нашел однозначного ответа. Одна из точек зрения: название реки происходит от тунгусского, собственно эвенского слова *онга:р* – «оленье коповище, место, где олени добывали мох», т.е. зимнее моховое оленье пастбище [Бурькин 2011].

Условная граница деления города на южную и северную части проходит по течению реки Маклаковка. В основе указанного гидронима лежит корень словарной единицы «маклак» – посредник при мелких торговых сделках, торговец подержанными вещами.

Южная граница города определяется Бурмакиным ручьем. Происхождение гидронима бурмакин ручей точно не определено, однако есть предположение, что он образован от имени собственного. Гидронимы оказываются значимыми для горожан и часто являются основой вторичных номинаций:

- названий улиц и районов (Ангарская, Енисейская, Маклаковская, район Новоенисейск, район Маклаково);
- магазинов («Ангара», «Енисей», «Бурмашка», «Маклаковец»);

- строительных компаний (ООО «Ангара-лес», строительная группа «Ангара», жилищно-строительный кооператив «Ангара», проектная компания «Ангара Пейпа»);

- гаражных кооперативов («Ангара», «Енисей»);

- спортивно-досуговых центров (физкультурно-оздоровительный комплекс «Енисей», Дом культуры «Маклаковский», Дом культуры «Ангара»);

- газеты (Лесосибирская городская газета «Заря Енисея»);

- праздников («Енисейская уха», «Маклаковская слобода»).

Эмпоронимы (разновидности топонимов, представляющие собой названия различного рода организаций) тоже могут рассматриваться в качестве отражения процесса региональной самоидентификации жителей Приенисейской Сибири. Показательными в этом отношении являются названия:

- магазинов: «Бирюсинка», «Тайга», «Мана», «Енисей», «Ангара», «Малаковец», «Бурмашка», «Медведь», «Север»;

- садовых товариществ: «Жарки», «Лесник»;

- дошкольных образовательных учреждений: «Сибирячок», «Лесная сказка»;

- гостиниц: «Кедр», «Белая медведица».

Таким образом, в основу топонимики Приенисейской Сибири, включая онимы вторичной номинации (эмпоронимы, комонимы, ктематонимы, микротопонимы, хоронимы), положены названия рек, климатические особенности региона, специфика флоры и фауны, особенности ландшафта, это позволяет выявить концептуально значимые для носителей языка категории, которые, в свою очередь, выступают маркерами процесса региональной самоидентификации.

2.3. Отражение самоидентификации в региональных печатных средствах массовой информации

Идентичность неоднородна. Так, И.С. Кон выделяет следующие разновидности идентичности: «1) психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма; 2) социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; 3) личная идентичность, или эго-идентичность, обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя как «самость» [Кон 1984: 28]. Все эти три типа теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку причисление к определенному социуму (группе, направлению, течению, школе) нуждается в обращении внутрь себя, к своей «самости», так как «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [Кон 1984: 131].

Отметим, что социальная идентичность как результат процесса идентификации характеризуется наибольшим количеством ярко выраженных вербальных и невербальных маркеров, что дает богатый материал для лингвокультурологических и социолингвистических изысканий. Социальная идентичность неоднородна и включает в себя следующие типы: цивилизационная, культурная, национальная, религиозная, территориальная, гендерная, возрастная, политическая, профессиональная [Лаппо 2013: 18]. Однако наибольший интерес представляет региональная идентичность, поскольку она отражает как изменения в понимании индивидами себя, своего

места в мире, так и многообразие процессов глобализации или локализации и их культурных, политических, экономических эффектов.

Важным для понимания проблемы идентичности вообще может быть изучение средств массовой информации. Специфике публицистических текстов также посвящено много работ. На наш взгляд, современный человек воспринимает окружающий мир в проекции, создаваемой средствами массовой информации.

С.Г. Корконосенко предлагает следующую классификацию периодических изданий:

- по региону распространения (транснациональная, национальная, региональная, местная пресса);
- по учредителю (государственная и негосударственная пресса);
- по аудиторной характеристике (возрастной, половой, профессиональный, конфессиональный признаки);
- по издательским характеристикам (периодичность, тираж, формат, объем);
- по легитимности (с точки зрения наличия разрешения на издательскую деятельность) [Корконосенко 2016: 78].

Представляется, что государственные СМИ формируют и отражают национальную идентичность, например, такие издания, как «Российская газета», «Известия», «Труд» и т.п.: *«История народа и России учит: нападать на нас – самоубийство. («Русские не сдаются» в газете «Труд», №045 от 7.07.2017), «Конечно, это неприятно, когда на соревнованиях не объявляют твою страну, а называют только имя и фамилию. Но все прекрасно знают, что я представляю Россию и защищаю честь моей страны» («Обидно, когда не объявляют твою страну» в газете «Известия», №104 от 9.07.2017).*

Однако результаты исследований, проведенных отечественными социологами, свидетельствуют о том, что «доля респондентов, ассоциирующих себя только с локальными или региональными общностями, доминирует над

долей тех, кто в первую очередь идентифицирует себя с россиянами» [Галактионова2010: 35]. В этой связи считаем, что в аспекте изучения территориальной идентичности важным и показательным выступает анализ текстов региональных печатных СМИ.

Отметим, что под местной прессой в последние годы стали понимать главным образом издания, выходящие в районах и городах областного подчинения, газеты малых населенных пунктов в пределах полномочий муниципальной власти. Материалом нашего исследования является местная, или «локальная», пресса, в частности газета «Заря Енисея» (городская общественно-политическая газета города Лесосибирска), «Ангарский рабочий» (общественно-политическая газета Мотыгинского района), «Енисейская правда» (общественно-политическая газета города Енисейска и Енисейского района), «Заря» (общественно-политическая газета Пировского района Красноярского края), «Северо-Енисейский вестник» (муниципальная газета Северо-Енисейского района), «Новая жизнь» (Казачинская общественно-политическая газета Красноярского края).

Вышеуказанные издания имеют определённые черты, отражающие и формирующие территориальную «самость», что свойственно провинциальным газетам в целом и отличает их от федеральных СМИ.

Анализ тематики прессы Приенисейского региона позволил сделать следующие заключения:

1. Основным источником информации журналистов провинциальных газет становятся личные наблюдения. Опытный газетчик видит район, поселок или маленький город как на ладони. Он всегда знает, какие значимые мероприятия (культурные и социальные) и события произошли: *«Снежный бум» набирает обороты*, *«В Новоенисейском доме культуры состоялся фестиваль «Рождество в Лесосибирске»*, *В конце декабря в ГДК «Магистраль» состоялся финал молодежного творческого фестиваля «Арт-квадрат»*. Участники фестиваля демонстрировали свое мастерство в таких

направлениях, как танцы, музыка, мода, фотография, кино» («Заря Енисея», №2, 2017). Зачастую корреспондент сам является участником или очевидцем описываемых событий: «<...> И мы не зря спешили! На сцене нас ждали приключения снеговиков, песни, танцы и, конечно, самые главные новогодние герои. Мы с сыном остались в восторге!» (№1, 2017); «В Енисейском районе состоялся праздник «Енисейская уха». Это самое масштабное и многими любимое культурное событие района начиналось в проливной дождь». Безусловно, это формирует содержательную модель провинциальной газеты, ее жанровую и языковую специфику.

2. Статьи отличаются локальностью тематики: освещается жизнь близлежащих районов и городов, предприятий, расположенных на этих территориях: «Важный транспортный узел Енисея. Лесосибирский порт отмечает 40-летие со дня основания предприятия» («Заря Енисея» №3, 2015) «<...>Женщина на производстве – к успеху. На Лесосибирском ЛДК № 1 трудится немало женщин. Познакомившись с несколькими, я обратила внимание, какие они красивые, милые и обаятельные» («Заря Енисея» №17, 2017).

3. Ориентированность на конкретные социально-экономические особенности сибирской провинции. Знание журналистом численности населения, учет его менталитета, интересов, предпочтений делают газету незаменимой для жителей: «Сибирская традиция взаимного уважения. В воскресенье, 22 января, в Енисейске открылась после реставрации старейшая мечеть Красноярского края» («Заря Енисея» от №4, 2017); «Лесосибирск: как это было...» («Заря Енисея» №4, 2017); «К нам едет «Поезд здоровья» («Заря Енисея» №3,2015), «В Кирсантьево. 14.07.2017); «Представители районного Совета продолжают поездки по поселениям района, чтобы собрать сведения о проблемах на местах» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017).

4. Героями репортажей и заметок являются простые люди, живущие рядом: «Работа и семья – гавани фортуны в океане жизни. Педагог, завуч

общеобразовательной школы № 1, начальник управления образования, заместитель главы города Лесосибирска – таков путь профессиональной деятельности Раисы Сергеевны Вири, Почетного работника среднего образования РФ» («Заря Енисея» №2, 2017); «Герою сегодняшнего материала, дому № 37, что расположен на улице Первомайской в пос. Раздолинске, просто сильно повезло по сравнению с другими пятиэтажными зданиями. В квартире № 13 живет человек большой позитивной энергии Надежда Ивановна Лихобабина: именно она с группой активных жильцов стала сердечным мотором огромного по местным меркам 80-квартирного строения, заставляя жить полноценной жизнью не совсем молодой дом» («Ангарский рабочий» от 07.07.2017).

5. Используются специальные методы диалога с читателем, максимально приближенного к условиям непосредственной коммуникации. Так, постоянными являются рубрики «Опрос недели», «Вопрос – ответ» («Заря Енисея»), «Спасибо» («Ангарский рабочий»), «Читатель – газета» («Ангарский рабочий»).

6. Большая степень информационного и организационного взаимодействия с муниципальной властью, что в целом также свидетельствует о близости и к этому сегменту аудитории: «Плюсы и минусы: обо всем подробно и открыто на встречах с главой города» («Заря Енисея» №6, 2017); «Добились лучших результатов. В 2016-м подведены итоги краевого конкурса «На лучшую организацию работы представительного органа муниципального образования» («Заря Енисея» №4, 2017).

Таким образом, функционирование издания в маленьком провинциальном городе или селе, поселке накладывает «местечковый» отпечаток на тематику газеты.

Выше отмечалось, что средства массовой информации, с одной стороны, отражают, а с другой – формируют территориальную идентичность жителей.

Маркерами процесса самоидентификации в языке региональных печатных СМИ могут выступать:

1) использование местоименных дейктиков. Чаще всего роль дейктиков выполняют притяжательные и личные местоимения. Используя эту разновидность местоименных слов, авторы текстов мыслят и чувствуют себя частью территориальной (локальной, региональной, государственной) и духовной общности: *«Несколько лет в Орджоникидзевской сельской администрации установлено правило: нашим жителям, стоящим на учете в Центре занятости населения, в случае организации временных работ в летний период обеспечивается трудоустройство» («Ангарский рабочий», 23.06.2017); «Наша чемпионка» (Енисейская правда», 8.09.2016);*

2) обращение к региональному ономастикону: *«Закрылся Пит-Городок и поселок Суворовский. Суворовский был в основном дражным поселком, драга ушла далеко и практически всех перевезли на Тею. Пит-Городок – это поселок спецпереселенцев, то есть раскулаченных. <...> Жителям всем дали жилье и перевезли в пгп. Северо-Енисейский, Тею, Брянку» («Северо-Енисейский вестник» от 13.06.2017). «В июне 2017 года в Раздолинском филиале Енисейского многопрофильного техникума прошла интересная встреча. Ребята познакомились с человеком, на счету которого не одна спасенная человеческая жизнь. Начальник автотранспортной базы ООО «Боголюбовское» Виктор Николаевич Щетинин награжден медалью МЧС «За заслуги» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017);*

3) включение в текст статей региональной и узкопрофессиональной лексики: *«Прохладным летним июльским утром мы выехали по направлению на Южно-Енисейск. Дорога «ленинградка» встретила не очень приветливо...» («Ангарский рабочий» от 14.07.2017); «Зимник станет крепче» («Енисейская правда» от 14.07.2017); «На 67-69-м километрах трассы предстоит устроить лежневку, обеспечив тем самым проезд по болотистой местности» («Енисейская правда» от 14.07.2017); «Открыт верхний зимник» («Енисейская*

правда» от 24.11.2016). Без пояснений значения достаточно активно используется терминологическая промысловая лексика: «... было заготовлено более 93 кубометров хлыстов. Из них произведено 41 тысяча километров пиловочника. На маковском участке уже началась вывозка деловой древесины...» («Енисейская правда» от 24.11.2016);

4) использование обращений, указывающих на территориальную принадлежность: «Дорогие красноярцы!», «С Новым годом, казачинцы!», «Земляки!», «Внимание, лесосибирцы!», «Дорогие жители Красноярского края!», «Сибиряки и сибирячки!» и т.д.

Заметим, что региональные средства массовой информации тиражируют представление о провинции как акторе возрождения России, подчас это стремление «выливается в мифологию, в которой центр противопоставляется конкретному региону» [Галактионова 2010: 37], причем последний выступает как полюс порядка. Особо подчеркивается сверхзначимость провинции для судьбы всей России: «Красноярский край – зона стабильности» («Новая жизнь» от 1.01.2016), «Кто кормит страну и мир: красноярские аграрии снова лучшие в Сибири» («Новая жизнь» от 15.02.2016). Благодаря СМИ возникают и культивируются разного рода региональные символы: «Лесосибирск – лесная столица России», «Северо-Енисейск – золотая жила России», «Сибирская тайга – легкие России».

Авторы статей и очерков региональных печатных изданий часто при описании территории обращаются к оценочной лексике («Вести золотой провинции» – постоянная рубрика «Северо-Енисейского вестника»), к особым лексико-грамматическим формам («Однако капризы природы не смогли испугать тех, кто готов был посостязаться в мастерстве приготовления ухи, и тех, кто готов был ждать этой самой ухи, чтобы насладиться ею в полной мере на берегу самой великолепной и могучей реки в России – Енисея» («Енисейская правда от 14.07.2017), к средствам художественной выразительности разного рода («Говорили и о планах, о посещении родных

мест, о том, как скучается ему там, в Таджикистане, по доброй енисейской земле, по ее бескрайним снегам и мудрым и щедрым людям; о том, как почитают на его земле русских стариков; о том, как рад он будет когда-нибудь каждому гостю из ставшей ему вторым домом Сибири...» («Енисейская правда» от 14.07.2017). Деревни и поселки воспринимаются как нечто олицетворенное и одушевленное, имеющее способность жить и умирать. Не случайно автор одной из статей употребляет устаревшее идиоматическое выражение «почить в бозе»: «Уж и совхоза нет, и деревня Леднево почила в бозе, а брошенное когда-то оборудование переживает второе рождение под визг ребятни» («Енисейская правда» от 24.11.2016). Это церковно-славянское по происхождению выражение, церковная христианская формула, встречающаяся в заупокойных молитвах, в ритуальных поминовениях. «В бозе» здесь – форма предложного падежа существительного «Бог» в церковно-славянском языке. Таким образом, выражение «почить в Бозе» буквально означает «уснуть в Боге», т.е. уйти из жизни мирно, веруя, отдать свою душу Богу.

Интересно представление о сибиряках в портретных очерках местных СМИ, например, очерк «Воробьевы горы» («Енисейская правда» от 24.11.2016). Сама структура статьи основана на дихотомии «центр» – «Сибирь», о которой упоминалось выше. В национальной картине мира сложился стереотипный образ сибиряка: это человек, интересующийся, «*как уродилась ягода, пошли ли грибы, сколько соболя в тайге, есть ли рыба в Енисее. В сезон об этом говорят много и можно подумать, что людей интересует только это*». Однако в качестве героя очерка выступает человек утонченной натуры, что удивляет автора: «*Откуда у простого парня из сибирской глубинки такая тяга к украшению мира вокруг себя?*» Примечательно, что в качестве эпиграфа к очерку избран диалог из известного мультипликационного фильма «Большой Ух»:

– А в нашем лесу тоже есть звезда.

– *Звезда? В вашем болоте?*

– *В нашем. Пойдем.*

В тексте для обозначения одной реалии используются контекстуальные антонимы *лес – болото*, в чем видится типичное расхождение авто- и гетеростереотипов. Традиционно считается, что лес для Сибири – это источник жизни, болото – это смерть, нечистая сила. На наш взгляд, значимо в отношении биполярности само название статьи, представляющее собой прецедентный текст, – «Воробьевы горы». В контексте очерка Воробьевы горы – это сибирская достопримечательность, названная в честь своего «творца» – Андрея Воробьева. Мысль автора отражает восприятие своей земли, которая сильна «обычными» людьми и результатом их «обычного» труда, который превращает «болото» в «лес»: *«У него идеи рождаются, как крыжовник на кусте <...> Да уж, с виду простой, неказистый, а плоды щедрые, душистые, полезные. Вот вам и леса – болота северные!»*.

Проведенный анализ текстов региональных СМИ позволяет заключить, что средства массовой информации могут рассматриваться как способ формирования, выражения и трансляции региональных ценностей и служат действенным приемом отражения и моделирования территориальной идентичности.

Наиболее значимы в процессе формирования региональной «самости», на наш взгляд, следующие черты провинциальных СМИ: специфические методы диалога с читателем; выбор героев репортажей и заметок; ориентированность на конкретные социально-экономические особенности сибирской провинции; локальность тематики.

Ключевыми в аспекте отражения региональной самоидентификации являются такие языковые средства, как местоименные дейктики, территориальный ономастикон, региональная и узкопрофессиональная лексика, оценочная лексика, обращения, указывающие на территориальную принадлежность.

2.4. Социолингвистическая характеристика школьников как речевой маркер региональной идентичности

Исследования взаимосвязи языка и этнической идентичности в последние десятилетия проводятся в различных аспектах: социолингвистическом, этносоциологическом, этнографическом, социально-психологическом и др. Как правило, предметом изучения в них являются: языковые аттитюды, речевые маркеры, социолингвистические стереотипы и т.п. При этом все больше внимания уделяется тому, что «...этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации» [Донцов 1997: 75-86]. Одними из основных средств идентификации являются речь и ее продукты. Знания о системности речевого поведения человека, раскрывающие индивидуальность, устойчивость, вариативность устной и/или письменной речи позволяют решать задачу идентификации. В.В. Наумов отмечает, что потенциал языковой личности реализовывать совокупность языковых средств «в большей степени вербализуется за счет устойчивых речевых образцов, недавно получивших название ментального лексикона» [Наумов 2006: 12].

Подход к языковой личности с позиции её места в данном социуме, в конкретном социальном пространстве (страны, региона, города), проблематика взаимосвязей и взаимодействий между языковой личностью и обществом в социолингвистическом аспекте подробно проанализированы в ряде работ Л.П. Крысина и некоторых других авторов.

Если рассматривать личность школьника в обычной для него коммуникативной среде, то это прежде всего учебная ученическая группа, членом которой он официально является, затем класс и школа в целом. Л.П. Крысин относит учебные, производственные, служебные, спортивные,

военные и т.п. коллективы к вторичным малым группам (социальным общностям), в которые индивид входит, уже будучи членом групп первичных, формальных (например, семья) или неформальных (круг друзей, одноклассников и т.п.) [Крысин 1989: 79-80].

В малых социумах школьник вступает в личные и деловые формы взаимодействия людей, разграничение которых предложил Дж. Гамперц [Гамперц 1975: 313]. Это разграничение важно для описания типов речевого поведения языковой личности школьника, имеющих общие интересы (музыкальные, спортивные и т.д.).

Личные формы речевого взаимодействия школьника связаны с такими группами, как семья, компания друзей или сверстников, круг людей, имеющих общие интересы (музыкальные, спортивные и т.д.). Деловые формы общения – с такими микросоциумами, как учебная группа, класс. Иными словами, социальный круг коммуникативных ролей обычного школьника довольно обширен: семья, учеба, друзья по месту проживания, неформальные контакты в других сферах общения, связи с иногородними лицами и т.п.

Обычно любой человек – одновременно член нескольких малых социогрупп. Этот факт подтверждается и нашими исследованиями: школьник является членом своей семьи, у него есть своя компания близких друзей или подруг, он входит в какую-нибудь группу по интересам и, конечно, является членом своей учебной группы. При этом школьник может входить в другие малые группы, более или менее формальные, имеющиеся в классе или в школе (редколлегия школьной газеты, общешкольная команда КВН и т.п.). Более подробно мы попытались охарактеризовать социальные особенности школьников-подростков, выделяя наиболее общие признаки, чтобы показать, как они отражаются в речевом портрете языковой личности, «ведь языковая личность – это углубление, развитие и насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Полякова 2002: 5].

При всем разнообразии взглядов на языковую личность и ее составляющие исследователи в конкретных описаниях социоязыковых портретов опираются на такие социально обусловленные факторы, как время и место рождения, семья, образование, объем и разнообразие речевой деятельности и т.д., а также на психологические характеристики данной языковой личности.

Объектом для создания социолингвистического портрета стала коллективная языковая личность школьников-подростков – 150 учащихся 5-7-х классов г. Лесосибирска Красноярского края (более подробно данная проблема раскрыта в диссертационном исследовании С.В. Мамаевой [Мамаева 2007]). Нашими информантами стали школьники 10-13 лет. Большинство школьников являются коренными жителями г. Лесосибирска.

При анализе ответов нами была выявлена такая особенность: большинство детей знают, как зовут их родителей (имя, отчество), но многие из них (53 %) не могут назвать точного их места работы, либо должности. Причину таких ответов мы видим в том, что школьники данного возраста еще не достаточно сформированы в социальном плане. Они полностью находятся на обеспечении родителей. Для них пока не стоит вопрос о выборе профессии (в отличие от старшеклассников).

Подтверждением данных выводов может служить и ответ на вопрос: *Ты уже задумывался о том, какую профессию выберешь?* Большинство не смогли дать точного ответа (62 % от общего числа информантов). Наиболее частый ответ «*Нет*». Безусловно, важнейшим социальным фактором, участвующим в формировании личности, являются семейные традиции: культурные, этикетные (речевые). Но, как показал опрос, большинство школьников (85 %) затруднились ответить на вопрос о семейных традициях.

Таким образом, мы видим, что устойчивого представления о семейных традициях у школьников-подростков еще не сформировано. Скорее всего, причиной этому служит семейное воспитание. На вопрос: *Чем любят*

заниматься в вашей семье в свободное время? наиболее частые ответы: «Смотрим телевизор» – 48 % или «Играем на компьютере» – 37 %.

Более глубокий анализ семейного воспитания наших информантов мы не можем дать по той причине, что материал для анализа мы получали только со слов детей: их родители не участвовали в наших беседах.

В формировании ребенка как личности решающую роль играет его образ жизни: интересы, увлечения, привычки. «Современный подросток... он ищет себя, меняет интересы, отличается самостоятельностью и независимостью. По каждому вопросу у него может быть свое мнение. Его суждения, выводы удивляют своей зрелостью, а порой и практичностью. Его интересует многое – спорт, музыка, политика» [Ладыженская 1999: 3]. Важно отметить, что в разных коммуникативных ситуациях школьники ведут себя по-разному. Так, в ситуациях неофициально дружеского общения школьники склонны к некоторой грубости, при этом средства выражения грубости можно квалифицировать как квазисредства: не грубят, а имитируют грубость, не говорят колкость, а имитируют колкость. Если же это неформальное общение, то, в основном, используются лексические средства школьного сленга. Переключение может происходить и тогда, когда за коммуникативным общением стоит одно и то же событийное содержание. Например, при коммуникативном событии «исправление двойки» школьник сообщает своему другу: «Двойку схлопотал, надо идти подмазываться». Обращаясь же к учителю, школьник переключает код: «Когда мне прийти к вам исправить двойку?». В целом, это не говорит о каком-то «приспособленчестве» или «двуязычии» школьника как языковой личности. Скорее здесь речь идет о диглоссии, отражающей языковую компетентность школьника в разных сферах речевого общения.

Таким образом, коллективная личность школьников-подростков характеризуется следующими социальными факторами, совокупность которых влияет на процесс становления коммуникативной компетенции и в конечном

итоге на характер их речевого портрета: социальный статус семьи, передача культурных и речевых традиций семьи, привычки и навыки образа жизни, широкий круг интересов, внеучебная деятельность, экстравертный тип личности со смешением темпераментов.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

3.1. Отражение региональной самоидентификации в речевом поведении индивидуальной языковой личности – жителя сибирской провинции

Языковая личность – одно из центральных понятий современной лингвистики, что соответствует антропоцентрической направленности современного языкознания (А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов и др.). По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной целевой направленностью [Караулов 1987: 15].

Термин «языковая личность» впервые был употреблен В.В. Виноградовым в книге «О языке художественной прозы». Свое дальнейшее развитие понятие «языковая личность» получило в исследованиях Л.П. Крысина (1994), Ю.С. Караулова (1987), В.И. Карасика (2003, 2004), Н.Л. Красавского (2008,1994), Т.В. Романовой (2009), Т.П. Тарасенко (2007) и многих других. Однако до сих пор не существует единства мнений в определении понятия «языковая личность», четко не определены методы и способы ее описания.

Ю.Н. Караулов представил лингвокогнитивную структуру языковой личности. В качестве составляющих языковой способности автор выделяет:

- вербально-семантический (или вербально-грамматический, или ассоциативно-вербальный) уровень, предполагающий владение естественным языком;

- когнитивный уровень, основывающийся на когнитивной деятельности языковой личности, в результате которой человек приходит к определенному решению или знанию. Знание – это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему;

- прагматический уровень, проявляющийся в способности построить сообщение, выразить свое отношение к сообщаемому, к участникам коммуникативной ситуации, а также обозначить свою роль в ней, выразить свое «я».

В.В. Красных, характеризуя языковую личность, говорит о ней как о совокупности трех «личностных» феноменов: человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность, охватывающая как порождение, так и восприятие речевых произведений; языковая личность – как личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; речевая личность – как личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно-лингвистических, так и экстралингвистических) [Красных 2001: 22].

Понятие «языковая личность» предполагает рассмотрение каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения. Однако в сходных, или в однотипных, коммуникативных ситуациях люди ведут себя одинаково. Это связано с тем, что говорящие в своем индивидуальном речевом поведении демонстрируют общие особенности группового речевого поведения: отдельный носитель языка «как бы фокусирует в себе черты коллективных языковых личностей» [Горелов 1998: 68]. Например, житель города одновременно может выступать как языковая личность горожанина, языковая личность студента-словесника, как гендерная языковая личность и т.д.

Таким образом, возможно выделение совокупной языковой личности, которая отражает типичные черты речевого поведения определенного

языкового коллектива (русская языковая личность, языковая личность школьника, сельского жителя и т.д.) и индивидуальной языковой личности (идиолектная языковая личность). Языковая личность как совокупный объект и как конкретный носитель данного языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Как справедливо отмечает В.С. Юрченко, «абстрактный говорящий репрезентируется через конкретного говорящего, но тождества между ними нет, как нет тождества между сущностью и явлением, языком и речью» [Юрченко 1993: 5].

Предметом рассмотрения данной части монографии выступает речевое поведение индивидуальной языковой личности как один из способов отражения региональной самоидентификации. Респондентом явилась уроженка Мотыгинского района Мария Николаевна И., родившаяся в селе Денисово Мотыгинского района Красноярского края в 1936 году. Родители Марии Николаевны, старшие сестры и братья были раскулачены и высланы из Центральной России в Сибирь. С 1957 года Мария Николаевна работала учителем начальных классов в школе поселка Первомайск Мотыгинского района. Речевое поведение избранной языковой личности представляет определенный научный интерес в аспекте проблемы отражения региональной самоидентификации, поскольку Мария Николаевна в силу профессиональной деятельности выступает носителем литературного языка, и в то же время в ее речи активно проявляются диалектные и региональные элементы.

Региональная самоидентичность отражает изменения в понимании индивидами себя, своего места в мире и многообразие процессов глобализации или локализации и их культурных, политических, экономических эффектов. А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская называют территориальную (региональную) идентичность «культурным феноменом, отражающим взаимодействие глобальных тенденций или локальных откликов на них; биографическим проектом (результатом не только переосмысления территории и ее границ, но и способа взаимодействия с территорией, истории проживания индивида на

территории и за ее пределами); политическим проектом (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфичности, социальных и экономических прав» [Анисимова, Ечковская 2012: 43].

Вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири рассмотрены в ряде работ. Так, описаны особенности языковой картины мира сибиряков [Бахор 2016; Фельде 2012], охарактеризованы специфические черты литературы и фольклора региона [Веккессер 2016; Зырянова 2013; Мазурова 2016], выявлены маркеры региональной самоидентификации [Мамаева 2016; Славкина 2016; Шмутьская 2016]. Вместе с тем проблема самоидентификации отдельной языковой личности не получила в научной литературе должного освещения. Хотя стоит признать, что в языковой личности проявляются и психические, и социальные, и этнические, и региональные особенности, но преломленные через ее язык, дискурс.

Изучение процесса территориальной самоидентификации языковой личности возможно через анализ речевого поведения. Материалом исследования послужили записи текстов интервью с Марией Николаевной И., текстов ее бесед с бывшими односельчанами, протоколы наблюдения за речевым поведением информанта.

Анализ записи интервью с Марией Николаевной позволяет сделать вывод, что в ее картине мира «сибиряк» отличается от жителей других территорий: *«Сибиряк ведь он крепкий, здоровый, честный, порядочный, самостоятельный мужик, умеет рыбу добыть и медведя убить. В лесу выжить. Всегда в моде и почете. Их всегда в войну в разведывательные отряды брали, они ведь честные, крепкие, порядочные. Этим и отличаются от других: порядочностью, силой, деловыми качествами»*. Примечательно, что вопрос звучал «Кто такой сибиряк?». Информант же скорее отвечал на вопрос «Сибиряк, какой он?», перечисляя типичные, стереотипные представления о

жителей Сибири. Указанные характеристики соотносятся со многими составляющими обобщенного образа русского мужика, богатыря.

Отмечая отличия жителей Мотыгинского района от других сибиряков, Мария Николаевна обращала внимание в большей степени на речевые особенности населения соседних территорий: *«Рыбинцы, мотыгинцы, денисовские – у нас свои разговоры: чо, пошто, да зачем, да куды ты. Были у нас свои поговорки и присказки: не отпадет голова – прирастет борода; отдохнем, когда сдохнем; по колено в навозе – по локоть в масле. В окружности так все разговаривали. А кежемцы, богучанцы – те смешно разговаривали, тянули. Я в Енисейске училась с ними, так когда они отвечали, смешно было. А потом год прошел, и ничего, научились говорить. А сначала заходят и спрашивают: люmineва каштрюля эш? (алюминиевая кастрюля есть?).. Тоже сибиряки, рыбаки, грибники, рыжики лопатами брали. А у нас-то грибов не так было, как у них».* Как видим, ни поведенческих, ни личностных отличий информантом названо не было, более того, она указывает на то, что жители соседних территорий тоже сибиряки. Однако употребление в ее речи местоимений позволяет утверждать, что она неосознанно относит сибиряков из других районов к разным полюсам дихотомии «свой чужой». Ср.: *«те смешно разговаривали», «у них свои поговорки»; «у нас свои разговоры»; «у нас грибов не так было».* Неосознанно «свое» изначально воспринимается как лучшее и правильное. Ср.: *«через год научились разговаривать».*

В ходе беседы мы задали вопрос «Чем же хорош Мотыгинский район? Посоветовали бы вы жить в Мотыгинском районе?». Анализируя ответ информанта, стоит отметить, что социальные факторы, факторы материального благополучия оказываются абсолютно не значимы для нее (хотя в настоящее время Мотыгинский район испытывает известные трудности, свойственные малым провинциальным территориям). Важными для Марии Николаевны оказываются порядочные, хозяйственные, приветливые люди и удивительная природа: *«Езжайте. Живите. Тут красивая река Ангара, чистая, прозрачная.*

Народ приветливый, всем поделится, встретит хорошо, хозяйственный, смекалистый, хваткий, бесхитростный... Вот похвастаюсь вам. Мне Клавдия Дмитриевна звонит, она кежемская, и говорит: «Вы, мотыгинские, так отличаетесь, вы такие деловые, смекалистые. А мы разявые, такой хватки нет». А то! Мы же столько рек переплывали, по волнам ныряли. Вот и смелые, отчаянные люди!». Подобные рассуждения позволяют заключить, что в представлении данной языковой личности качества жителей того или иного региона во многом определяются природными условиями.

На наш взгляд, представляет интерес ответ Марии Николаевны на вопрос «Что такое для вас Родина?». В картине мира Марии Николаевны понятие «родина» – это не только территория, где родился и вырос, но и определенный период жизни – детство: *«Родина – это место, где родился, вырос, твоя земля, родители... Я выросла в этой деревне (Денисово). Подруга, она в Красноярске жила, умерла уже, вот как жизнь сложилась...позвонит, бывало, и начнем с ней: вот бы встретиться, все тропинки наши пройти, на кладбище сходили бы, в Ангаре искупались... Помню, как рыбачили, как карасей ловили, как я до горя червей боялась... Цветы, незабудки, это все такое родное.... Этот луг как зацветет жарками и незабудками.... Отчий дом... Расскажу сейчас историю. Помню, Людмила Андреевна вызвала к доске Гошу Бакулина и спросила: «Какая столица нашей Родины?», он думал, думал, а потом ответил: «Рыбная» (смеется) (прим. авт.: с. Рыбное Мотыгинского района). А то и была наша столица. У нас же там почта была...».* Таким образом, родина в представлении анализируемой языковой личности предстает как нечто идеальное, наполненное яркими воспоминаниями. Интересно, что в данном случае отсутствуют признаки национальной самоидентификации, но явно представлены элементы локальной, «местечковой» самоотнесенности [Шмульская 2016].

Записи бесед с бывшим односельчанами позволяют заключить, что Мария Николаевна охотно поддерживает темы, касающиеся прошлого и

настоящего Мотыгинского района. Одним из маркеров локализации пространства, проявляющемся в ее речи, можно считать использование таких лексических единиц, как *здесь, эти, этот*, переводящих объекты, события из разряда общих в разряд частных, наблюдаемых одновременно как автором, так и слушателем. Примечательно, что в настоящее время Мария Николаевна проживает в г. Лесосибирске, однако в своем повествовании относительно Мотыгинского района использует определенные лексико-грамматические показатели, отражающие ее сопричастность к родному селу: *тут, здесь, у нас*: «*Поселок в 1954 году построился, но здесь даже в войну было несколько домишек*»; «*Ссылных в поселке у нас было много. Артистка была, пьесы с нами ставила. Дождя нет, а она с зонтиком ходила, от солнца закрывалась*»; «*Красные пришли в нашу Рыбинскую*». Используя разновидность местоименных слов, языковая личность мыслит и чувствует себя частью территориальной (локальной, региональной) и духовной общности.

Обращает на себя внимание включение в повествование различных типов онимов: антропонимов («*Красные пришли, командиром у них Нил был*»; «*Артистка наша, Козыра, фамиль у нее такая, как мама моя говорила, дом на берегу построили. Валя ее знает*»), гидронимов (*Енисей, Ангара, Тасей, Удерей*), эргонимов (*Тасеевская сплавная контора, Слюдрудник, Машуковский леспромхоз, колхоз «Восток», колхоз «Спартак», совхоз «Чистяки», совхоз «Решающий»*), дромонимов (*Кондаковский тракт, Тасеевский тракт, Денисовская дорога, Пашина дорога, Медвежья тропа*), агроонимов (*Четверковские покосы, Кондаковские покосы*), оронимов (*скала Скородум, Гребень*), ойконимов (*поселки Первомайск, Рыбное, Денисово, Покукуй, Погорюй, Потоскуй, Зайцево др.*). Вышеуказанные онимы можно обозначить как единицы региональной прецедентности, т.е. значимые для языковой личности в когнитивном и эмоциональном отношении, отражающие общие, фоновые знания, объединяющие представителей региона. Подобные онимы могут рассматриваться как отражение регионального сознания говорящего, в

данном случае можно говорить о региональной прецедентности как об одном из устойчивых способов выражения ключевых слов смыслового поля региональности, территориальности. Проявлением подобной региональной прецедентности можно считать диалектную лексику: «*По весне такая растатуиха у нас*»; «*Занесла с веранды мясо, лежит три часа, конечно, забыгало*»; «*Может, сделал бы по-другому, да-к тяму не хватает*». Диалектной особенностью грамматического характера можно считать особенности склонения имен собственных: «*Он родом из Мотыгиной*» (поселок Мотыгино); «*Уедет в свою Денисову*» (поселок Денисово).

Наблюдая за речевым поведением информанта, возможно отметить, что повествование о Мотыгинском районе сопровождается указательными жестами, отражающими принадлежность к чему-либо или, напротив, некую дистанцированность.

Анализ речевых особенностей отдельной языковой личности позволяет заметить, что понимание своего места в мире, оценка пространственной общности проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Наиболее частотными и показательными в аспекте самоидентификации языковой личности оказались употребление диалектной лексики, включение в текст высказывания лексических единиц региональной прецедентности, использование лично-притяжательных местоименных слов. Обращаясь к указанным лингвистическим средствам, языковая личность осознанно или неосознанно мыслит и чувствует себя частью региональной (локальной) и социокультурной общности.

Таким образом, речевое поведение отдельной языковой личности репрезентирует особенности ее региональной самоидентификации как на вербально-семантическом, так и на когнитивном и прагматическом уровнях.

3.2. Творческие работы как отражение региональной самоидентификации языковой личности школьника

Потребность иметь некую свою точку пространства представляется естественной для любого человека вне зависимости от возрастных, гендерных и национальных характеристик. Традиционно подобное стремление индивида определяется как региональная идентичность [Замятин 2006; Лаппо 2013].

Особый интерес вызывают возможности выражения территориальной идентичности разного уровня (локальная – региональная – государственная – цивилизационная). Полагаем, что к ним относятся стереотипные представления возможного психоэмоционального поведения субъекта, его поведенческие реакции, их быстрота и интенсивность; конкретные поведенческие действия в тех или иных условиях в пространстве региона, способы ориентирования на определенной территории. К вербальным способам проявления идентичности можно причислить локализацию пространства через использование местоименных дейктиков, регионального ономастикона, лексических единиц со значением принадлежности, региональной и диалектной лексики, определенных семантических групп лексики и др. Анализ вербальных и невербальных факторов позволяет охарактеризовать феномен региональной идентичности, с одной стороны, «как осознание образа своего региона в качестве ментально-духовного пространства <....>, с другой стороны, как средство достижения обособления в политико-административном смысле» [Головнева 2013: 43]. В первом случае речь идет о региональных нормах и ценностях, особенностях восприятия пространства и времени, социальном коде поведения, взаимоотношениях людей, значимых исторических образах, оценочных интерпретациях действительности, а также значимых текстах региональной культуры, региональной символике. В последнем случае речь идет о так называемой валоризации образа региона, создания его привлекательного имиджа. Все указанные составляющие определяют

региональную картину мира. Нельзя не отметить и тот факт, что региональная картина мира в значительной степени определяется возрастными, гендерными, профессиональными особенностями личности. Так, результаты исследования иерархии территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения Псковской области, проведенной Н.В. Григорьевой, позволяют утверждать, что наибольшую степень близости с людьми, проживающими в одном городе, поселке, ощущают респонденты возрастных групп от 10 до 16 лет и от 50 и старше, а наименьшую степень – от 20 до 30 лет [Григорьева 2009]. Высокую степень сопричастности со своими земляками можно выявить и по результатам анализа письменных творческих работ школьников Красноярского края.

В 2014 году Министерством образования и науки Красноярского края был организован краевой конкурс сочинений «Мой Красноярский край». В конкурсе приняли участие 238 учеников 5-10 классов. Тексты сочинений школьников представляют определенный интерес в плане выявления сопричастности с судьбой и историей «малой родины», знаковых мест, событий, стереотипных представлений относительно сибирской территории, что может служить показателем уровня развития региональной идентичности.

Конкурс проводился в нескольких номинациях, каждая из которых интересна в аспекте избранной нами проблемы: «Моя малая родина», «История моей семьи», «Мои земляки», «Красота сибирской природы», "Стихотворения о Красноярском крае".

Анализ сочинений позволяет утверждать, что в работах школьники обращаются к устойчивым образам, прочно закрепившимся в сознании россиян. Так, в своих творческих наблюдениях участники конкурса отмечают: бескрайние просторы (*«тайга, тайга, без конца и без края...»*; *«...огромный и богатый край, имя которому Красноярье»*, *«какая-то огромная неповторимая широта»*, *«размах окружающих полей»*; *«бездонная глубина небосвода»*; *«неоглядные дали»*, *«любимый уголок в маленькой точке огромного*

Красноярского края»; «Моя малая родина – это река Ангара и бескрайние леса»); суровый климат («лютый холод», «за полярным кругом, где мороз трескучий, где ветра и вьюги снег несут колючий...», «налетает ветер и с силой трясет снежное покрывало, воздух смешивается со снегом, кажется густым и непроглядным», «Таймыр – край полярных ночей и вечной мерзлоты», «в моем крае экстремальные условия жизни»; «Красноярский край – это необычная северная природа, она ласковая и суровая, загадочная и переменчивая»); богатство края («рудная столица Северного края, яркими огнями сердце согревает»; «Мне посчастливилось родиться в очень богатом природой, полезными ископаемыми, красивейшем уголке нашей Родины»); уникальность людей, их силу и мужество («Горняцкий городок стал родиной для сильных и мужественных северян», «Североенисейцы – народ особенный, уникальный, способный совершать каждодневный подвиг – жить на Крайнем Севере»; «Мы, как и все настоящие сибиряки, не боимся трудностей и не намерены отступить»; «это были лучшие люди страны: грамотные, интеллигентные, образованные, собранные из всех уголков нашей необъятной родины, без вины виноватые»; «несмотря на невзгоды и тяготы, люди здесь проживают в радости»; «за широкую душу и статью, за добро, гостеприимство, за умение руку подать...»; «это люди особого мужества, выдержки и силы»; «сибирское радушие и гостеприимство давно знакомо даже за пределами нашей родины»; «Сибирь – свой особый, неповторимый кусочек России, богатый не только природными ресурсами, но и талантливыми, трудолюбивыми и просто добрыми людьми»); красивую, величественную и могущественную природу («высокие строгие сосны, роскошные кедры-бояре», «она прекрасна, многолика, богата», «могучие раскинувшиеся верхушки деревьев», «корабельные сосны упираются мохнатыми макушками в яркое синее небо», «кора сосен кажется медовой, а ее чешуйки напоминают тончайший хворост, такие они прозрачные и легкие», «вековые сосны», «природа – непревзойденный художник, настолько четкие

линии, выразительные изгибы, пропорциональные переходы оттенков»; «удивительная сила природы», «меня охватило чувство восторга и восхищения перед красотой и величием природы», «край суровой, но непревзойденной природы»; «красива и богата природа Таймыра, от такого величия голова идет кругом»; «я люблю свой край, богатый и роскошный в своем величии»; «величавые и могучие сосны, гордые кедры»).

Использование слов определенных лексико-тематических групп, лексических единиц с оценочной семантикой позволяет выявить особенности так называемой региональной картины школьника, в которой пространство Сибири представляется динамичным, наполненным разнообразными звуками, запахами и цветами. Вопреки устоявшемуся мнению, что Сибирь – это белые, снежные, суровые, бескрайние просторы, в работах школьников белый цвет используется чаще для описания летних ромашковых и одуванчиковых полей, цветущей черемухи, густого тумана (*«белоголовые сестрички-ромашки», «белая кипень лепестков», «белая душистая черемуха»; «молочно-белый туман окутывает реку от берега до берега»; «улица, как фатой, окутана белой душистой черемухой»*). При описании края и его природы школьники обращаются едва ли не к полной цветовой палитре, но преобладает все же зеленый: *«зеленая рама лесов», «любимая зеленая родина», «зеленый ковер», «дрожат на ветру фиолетовые колокольчики», «поднимает желтые головки полярный мак», «маленькие невзрачные кустики с красноватыми листочками увешанные сине-голубыми шариками-ягодками..»; «город одевается в белую шубу», «рыжими жарками тундра заиграет», «алая брусника – огонечек лета», «разноцветные окна», «снег кажется еще более белым и ярким, таким, что больно глазам, когда смотришь на него»; «синева безбрежных далей»; «природа, как великий художник, по своим законам смешивает краски и совсем не боится, что многие цвета даже определить невозможно».*

Авторы сочинений, словесно рисуя пространство своей малой родины, часто обращаются к лексико-тематической группе слов с общим смысловым

значением «обоняние»: «опьяняющий запах дурманил», «вдохнула аромат, присущий только смоле еловых иголок и какому-то секретному ингредиенту самого леса», «в сосновом бору погружаешься в обилие запахов: здесь и острый запах прошлогодней хвои, и пряный аромат сочной зелени, и сладкий запах разогретой на солнце сосновой смолы. Набираешь полную грудь целебного воздуха и чувствуешь, как по твоему телу распространяется живительная сила соснового леса», «разные ароматы манили к себе»; «от летних деревенских запахов кругом идет голова, возле каждого дома в палисаднике благоухают пестрые клумбы, в лесу пахнет нагретой корой и мхом, земляникой и грибами, от Енисей тянет свежестью и прохладой»; «теплый запах зреющих полей»; «...а запах стоит такой, что воздух хочется пить глотками, как студеною воду из ручья»; «клубничный аромат наполняет все кругом»; «первый снежок пахнет свежим огурцом»; «запах клейких листочков»; «а в воздухе особый осенний запах, будто природа с излишком добавила в воздух пригоршню специй»; «я вдохнула полной грудью аромат свободы...». Казалось бы, снежные просторы должны быть лишены запаха, но воздух края, в представлении школьников, наполнен всем спектром запахов.

Пространство края полифонично: «листва зашуришит, дятел острым клювом застучит, кедровка-шалунишка спускает на землю урожай кедровых шишек, и еще миллион разных звуков», «прижмешься к стволу дерева спиной, обнимешь крепко-крепко, приложишь ухо к коре и слышишь, как бегут жизненные соки от корней к листве», «испытать то счастье, которое дает человеку шелест листьев, робкий всплеск рыбы в озере», «морозный воздух, кажется, звенит», «в утренней тишине далеко разносятся звуки пробуждающейся жизни: несмелые переклики птиц, всплески рыб, гул мотора на невидимой в тумане лодке»; «радостное пение птиц перекликается с веселым журчанием ручейков, с деловитым жужжанием пчел, с потрескиванием лопающихся почек, все это сливается в весенний

жизнеутверждающий хор»; «сосульки плачут так, что становится жалко это творение природы».

Обращает внимание тот факт, что в нескольких сочинениях в качестве объекта описания выступают промышленные города Красноярского края, однако для характеристики обонятельных ощущений и звуковых впечатлений избираются лексемы, которые в равной степени могут характеризовать и природное пространство: *«..где еще ты можешь наслаждаться свежим воздухом, ясным небом и зеленой травой?», «дурманящий запах закружит голову, и на лицах людей появится улыбка», «пахнет землей, не прогретой солнцем, а только чуть обласканной»; «пряные запахи сменяются запахами прелых листьев»; «листья о чем-то шепчутся, шелестят, таинственно шуршат», «слушать, о чем говорит осень»; «снежинки кружились, слышно было их мелодичный звон», «наблюдая за игрой красок, кажется, что слышишь, как поет северное сияние»; «особенно завораживает утренняя тишина, которую, словно хрустальную вазу, разбивает птичий щебет: еще тихий и сонный, но хорошо слышимый в предрассветной тиши». Из сочинений школьников явствует, что силу характера и энергию сибиряк черпает именно из этого необычного сочетания звуков, запахов и цветов: «Какая пушистая зелень укрыла благодарную землю! Вдохни поглубже! Чувствуешь, как чистый поток воздуха проходит сквозь тебя, наполняя природной энергией!»; «Так жизнь леса наполняет нас постепенно любовью, учит слышать, видеть, понимать!».*

Примечательно, что для характеристики городов края – Норильска, Красноярска, Зеленогорска, Лесосибирска, Ачинска – ключевыми и определяющими выступают именно образы природы: *«Теперь, я думаю, ты готов увидеть самое сказочное место города Зеленогорска – лес! Итак, войдем в этот сказочный храм»; «В городе продают грибы в туесках, ведрах, корзиночках, шляпками кверху, а на срезе капельки грибного сока, свеженькие, только из леса; рядом брусника со своим неповторимым вкусом и цветом, в ведрах, в банках, в стаканах, россыпью. Здесь пахнет лесом, и этот запах ни с*

чем не спутаешь! Кедровые шишки, орешки – визитная карточка Сибири, лакомство и витамины»; «Для меня нет ничего дороже моего города: ведь где еще я могу наслаждаться свежим воздухом, зеленой травой, ясным небом!».

Способ категоризации действительности и формирования региональной проекции мира, так называемая локализация пространства, достигается за счет использования в текстах сочинений школьников местоименных дейктиков. Чаще всего роль дейктиков выполняют притяжательные и личные местоимения. Используя эту разновидность местоименных слов, авторы сочинений мыслят и чувствуют себя частью территориальной (локальной, региональной, государственной) и духовной общности: *«Столица России – Москва, но думаю, что сердце России находится в нашем крае, в нашей дремучей тайге» «Хочу сказать отдельные слова о наших оленеводах»; «А сколько у нас летом клубники! А сколько у нас трав! Не даром летом к нам съезжаются пчеловоды»; «Нас хвалят за широкую душу и статью, за добро, гостеприимство, за умение руку подать. А еще я хочу, чтобы нас похвалили, за хозяйскую доблесть и статью, что смогли мы сберечь...»; «Мои земляки сражались на подступах к Москве, погибали под Ленинградом и Смоленском. Не важно, что воевали и погибали в разных местах, важно, что спасли свою родину, а значит и наш поселок »; «Это мой дом, мой край, моя отчизна!»; «Если каждое село будет богато не только природной красотой, но и сильными, трудолюбивыми, веселыми людьми, будет сильной и могучей вся наша страна».*

Еще одним из маркеров локализации пространства в работах школьников можно считать использование таких лексических единиц, как *здесь, эти, этот*, переводящих объекты, события из разряда общих в разряд частных, наблюдаемых одновременно как автором, так и читателем текста: *«здесь и Енисей, и лес, и большие лайды, и заливные луга», «и здесь же будут жить мои дети и внуки, и не переведется славный род Кохов и Верецагиных на этой земле»; «Вот такой мой Красноярский край».*

Некоторые грамматические конструкции (в частности, употребление формы 2 лица глагола в значении 1 лица) указывают на духовное и территориальное родство автора, читателя и всех, кто имеет отношение к Сибирской земле: *«А сколько у нас летом клубники! Ни по сладости, ни по аромату ей нет равных! Принесешь ведро ягоды домой, и клубничный аромат тут же заполняет все кругом!»*; *«Чувствуешь, как чистый поток воздуха проходит сквозь тебя, наполняя природной энергией!»*.

Обращает на себя внимание использование в творческих работах различных типов онимов: антропонимов (*В.П. Астафьев, В.И. Суриков, Д. Хворостовский, И. Рождественский, Е.Белинский, И. Ярыгин*), гидронимов (*реки Кан, Енисей, Ангара, Муртушка, Мана, Норилка, Прорва, Туба, Монастырское озеро, озеро Карелово, ручей Пьяный, ручей шумиха*), эргонимов (*Электрохимический завод, Богучанская ГЭС, СДК, колхоз «Рассвет», колхоз «Победа», колхоз «Сибиряк», Баджейский леспромхоз*), дромонимов (*Колодцевая дорога*), агроонимов (*покосы Гусиха, Разгарки, Подгарица, Заледеевские поля, Монастырские поля, Шишикино поле, Галухино поле, Гора любви, гора Егориха*), культонимов (*часовня Параскевы Пятницы*), оронимов (*Столбы, Саяны, Дед, Спящий Саян, Воробьи, Монах*), ойконимов (*Красноярск, Норильск, Лесосибирск, Назарово, Зеленогорск, Талнах, Дудинка, село Овсянка, поселок Колбинский, село Бушуй, поселок Тугач, село Нахвальное, поселок Потапово, село Унер, село Бараит, деревня Скотопогонное, поселок Нижний Ингаши и др.*). Вышеуказанные онимы можно обозначить как единицы региональной прецедентности, т.е. «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении» [Караулов 1987:115], отражающие общие, фоновые знания, объединяющие представителей региона. Как справедливо отмечает В.П. Баскакова, подобные онимы могут рассматриваться «как репрезентация регионального сознания авторов», в данном случае можно говорить о региональной прецедентности как об одном из устойчивом способе выражения ключевых слов смыслового поля региональности [Баскакова 2012:

171]. Проявлением подобной региональной прецедентности можно считать диалектную лексику: *«Его бочонки, квашонки, туеса есть в каждом доме»; «Был когда-то в нашей деревне и свой пимокат»; «На Шишкином поле стоял долгое время небольшой, но богатый шишками кедрач».*

Вызывает интерес тот факт, что в сочинениях школьников представлена лишь первая универсалия дихотомии «свой/чужой». Смысл концепта «свой» репрезентируется за счет различных лексических средств: *«родной край», «родина», «дорогой, отчий край», «родная земля», «родной заснеженный край», «любимый город», «земля предков».* Передать смысловую наполненность универсалии «свой» помогают и устойчивые образы географического положения, особенности климата, исторических событий, метонимически отсылающие к Сибирской земле: *тундра, тайга, лес, медведь, брусника, черника, олень, северное сияние, полярная ночь, снег, пурга, ссылка, суровый климат, сибирский характер.*

По мнению школьников, не только сибирскими красотами, но и людьми славится Красноярский край. Несмотря на то, что территорию Сибири населяют представители разных национальностей (татары, немцы, евреи, украинцы, поляки, чуваша, белорусы и т.д.), участники конкурса не указывают национальную принадлежность земляков, о которых рассказывают в своих сочинениях, школьники обращаются к номинации «сибиряк». Примечательно, что героями сочинений в номинации «Мой земляк» явились простые люди, представители разных национальностей, часто ссыльные, для кого Красноярский край не был родным, но стал родиной, «суровой, но благодарной землей»: *«Корни наши крепко уцепились за эту землю, которая кормит нас, дает нам силы, учит уважать»; «Сибирь стала настоящей родиной для моего прадеда и его семьи»; «Вот и мои предки, оказавшись здесь волею судьбы, вписывали свои страницы в историю края, неся гордое звание – сибиряк».*

Таким образом, используя разные языковые средства и актуализируя некоторые из них, авторы конкурсных сочинений не всегда намеренно

проявляют свою региональную идентичность: демонстрируют знания ключевых образов и реалий, которые репрезентируют специфические черты Красноярского края, желание выразить отношение к сибирской земле, к культурному прошлому региона и чувство единения с земляками. Анализ работ на предмет выявления вербальных маркеров региональной идентичности позволяет с уверенностью заключить, что школьники идентифицируют себя, прежде всего, с поселенческим социумом, т.е. приоритет в обычной повседневной жизни отдается именно локальной идентичности. Другими словами, можем сказать, что юные сибиряки выстраивают иерархию территориальной идентичности по направлению снизу – вверх, тем самым последовательно причисляя себя к локальной (деревня, село, город), далее к региональной (Красноярский край) и государственной (Российская Федерация) общности.

3.3. Вербальные средства выражения региональной идентичности автора в поэтическом дискурсе

В условиях лингвокультурологической глобализации современного общества важно сохранение региональной идентичности. К числу противоборствующих тенденций определённых лингвокультур можно отнести языковую глобализацию и национально-языковую идентичность.

Наличие таких общих картин мира, как научная, философская, религиозная, предполагают наличие и локализованных картин мира: информационной, социологической, физической, художественной. В русском языке наблюдаются территориальные различия. Это даёт возможность утверждать, что имеет место и наличие региональной картины мира, проявляющейся в результате использования авторами определённого текста литературного языка для реализации региональной самоидентификации. Региональная картина мира, воссоздаваемая в художественном тексте поэтического дискурса, нами понимается как некая локальная картина мира,

которая ограничена территориальным единством авторов, которым принадлежат определённые поэтические тексты, и набором описываемых объектов. Следует отметить, что поэтический дискурс представляет собой образное единство. Это единство – определённое суждение о мире, которое отражает и накопленный опыт, и знания, имеющиеся у поэта, в том числе репрезентирующие его региональное сознание. В.П. Баскакова отмечает, что региональный язык должен анализироваться «как система всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов художественных текстов» [Баскакова 2012: 120].

В.И. Карасик дискурс определяет так: «Дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [Карасик 2000: 6]. Автором выделяются персональный (лично-ориентированный) и институциональный типы дискурса. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института», при этом персональный дискурс реализуется в двух разновидностях – бытовом и бытийном общении [Карасик 2000: 13].

С позиций данной трактовки поэтический дискурс мы понимаем как персональный тип в его бытийной разновидности при опосредованном характере выражения. Бытийный дискурс являет собой тексты, в том числе и поэтические, в которых автором раскрываются глубины своего внутреннего мира во всем многообразии и богатстве. Опосредованное общение имеет предельную насыщенность смыслами, реализуется во всех формах речи в контексте литературного языка. Бытийная разновидность общения по большей

мере монологична. Она воплощена в текстах художественной литературы, сюда же относятся философские, психологические и некоторые другие тексты.

В лингвистике происходит становление теоретической базы, позволяющей определить объект регионального дискурса.

В спектре рассматриваемых объектов находятся не только диалектные языковые и речевые единицы, городская просторечная лексика городов, но и художественно-поэтические тексты, обладающие региональными чертами и воспринимающиеся жителями Красноярского края как часть культуры этого края. Последний аспект изучен в меньшей степени (см. указание на это [Голикова 2000: 120]). В связи с этим актуальным становится рассмотрение произведений писателей Красноярского края в контексте воплощения в них черт региональной самоидентификации авторов. Цель нашего исследования – выявление вербальных средств выражения региональной самоидентификации автора в тексте. Объектом выступает самоидентификация автора в региональном поэтическом тексте, а предметом – вербальные способы выражения региональной самоидентификации. В.П. Баскакова указывает: «В настоящее время данная область исследований энергично развивается. Наряду с понятием национальной идентичности исследуется региональная идентичность, которую рассматривают как часть социальной идентичности личности, однако в лингвистике данный объект находится на начальной стадии изучения. Региональный язык рассматривается как система всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов поэтических текстов» [Баскакова 2012: 169].

Региональная идентичность формируется при помощи определённых значимых маркеров, обеспечивающих отличие от «Чужих». Границы между «Чужими» и «Своими» особо рельефно представляют маркеры идентичности любого региона (см. о роли границ в контексте понятия региональной идентичности [Рябов 2007]). Вопросы, связанные с различными маркерами

региональной идентичности, активно обсуждаются в последнее время [Докучаев 2012, 2013; Митров 2012; Тимофеев 2011 и др.].

Ф. Барт, норвежский антрополог, в числе первых, кто определил, что особые маркеры создают границы между определёнными культурами, к числу которых относил элементы культуры, отбираемые достаточно произвольно самими представителями региона для того, чтобы подчеркнуть свои отличия от окружающих [Barth 1969: 54].

Принадлежность к региону определённым образом происходит за счёт набора маркеров, т.е. тех реалий, объектов, представлений, характерных для носителей языка определённой местности, при этом выражение региональной принадлежности во многом соотносится с личным опытом автора поэтического дискурса.

В отечественной лингвистике региональную идентичность связывают прежде всего с сообществом, которое локализовано в пределах одной территориальной целостности как части своего мира (см., например, [Митров 2012; Рябов 2000; Тимофеев 2005]). В рамках такой структуры население формирует не только особое представление о себе, но и о своей территории, о её образах и символах. Так, Ю.Л. Качанов и Н.А. Шматко отмечают, что «территориальная идентичность – это переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальной общности (“субъективной социально-географической реальности”), формирующие практическое чувство и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [Шматко 1998: 94-101]. В этом смысле основополагающим фактором в осознании идентичности субъекта относительно региона выступает связь человека и места. В исследовании М.П. Крылова региональная идентичность рассматривается как «системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [Крылов 2005: 13], при этом автор указывает, что «в региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный

патриотизм» [Крылов 2005: 13]. В таком понимании феномена региональной идентичности её определяют через «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом. Такая идентичность выражается обычно в причислении себя к жителям определенной местности, района, города, его части и т. п. территориальной единицы» [Смирнягин 2007: 87]. В работах И.П. Рязанцева, А.Ю. Завалишина изложена концепция территориальных интересов, которая определяется как чувство территории (мой дом, мой город, моя земля). Это способствует формированию территориальной рефлексии, которая в свою очередь выявляется через ощущение места себя и других в границах определённой территории, т.е. пространственное сознание. Для анализа региональной идентичности важным оказывается понимание самого феномена региона [Рязанов, Завалишина 2006: 45]. «Значимым для существования / выделения / функционирования региона является представление о некоей уникальности определенной территории, идеи его отличительности как части от других частей в рамках определенного пространства, которое принимается за целое» [Докучаев 2012: 15-22].

Уникальность территории формирует концептуальные особенности жизнедеятельности людей на вполне конкретной территории. Уникальность – это есть отличие, которое может быть сформировано за счёт совместного освоения людьми определенного пространства, при этом региональную идентичность рассматривают как некое отношение, которое конструирует реальность в режиме социального взаимодействия, имеющего групповой и индивидуальный характер проявления [Курнаева 2006: 13].

В связи с этим можно говорить о двуединой природе региональной идентичности человека. Она проявляется как внешними, так и внутренними факторами.

В проанализированных поэтических текстах статус региона представлен как особый мир, определяющий сущностную характеристику идентичности

человека в региональном аспекте. Сущностная характеристика состоит в противопоставлении смыслового центра личности с региональным сообществом, что составляет «внешнюю» идентичность, и в сопоставлении с явлениями в интеллектуальной, духовной, эмоциональной среде, что определяет «внутреннюю» идентичность. Д.С. Докучаев говорит о системном подходе при рассмотрении идентичности в региональном аспекте. По его мнению, такой подход «позволяет рассматривать региональную идентичность как сложную систему, элементы которой взаимосвязаны» [Докучаев 2012: 17]. Н.А. Курнаева считает, что оппозиция «Свои» и «Чужие» задаёт основные свойства идентичности человека. В соответствии с данной оппозицией осознаются ценности и место индивида место в социальном пространстве [Курнаева 2006: 13].

Реализация концептуальной оппозиции «Свои – Чужие» позволяет осознать региональному сообществу себя в качестве целостного самостоятельного субъекта и определяет смысл его бытия. В ходе анализа региональной идентичности мы применили подход О.В. Рябова [Рябова 2000: 16-19]. Согласно этому подходу региональная самоидентификация преимущественно происходит через маркеры, соотносимые с пространственно-временными координатами, которые определяют образ родной земли. В этой связи ценно замечание Д.С. Докучаева, который пишет: «Территория в случае с региональной идентичностью приобретает исключительное значение для самосознания. Региональное сообщество «вырастает» из сформировавшего его ландшафта и продолжает им обуславливаться через неявные и до конца еще не уясненные исследователями механизмы детерминации» [Докучаева 2012: 18]. М.Ю. Тимофеев выделил **природные** (1) и **рукотворные** (2) маркеры, выражающие территориальное осознание [Тимофеев 2005].

1. Региональные образы, связанные с уникальной первозданной природой, находят своё отражение в многочисленных поэтических текстах. В представленных ниже фрагментах текстов нами выделены региональные

маркеры, связанные с естественной природной средой без её искусственного преобразования:

Маркером уникальной природы выступает образ **тайги (леса)**:

*Вновь **тайга** туманом, словно плащиком,*

Укрываться станет по утрам

(А. Земсков. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

***Сосны** стройные, как мачты,*

*Неприветлива **тайга**,*

Волны лижут гальку смачно,

Омывая берега (Н. Омельченко. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Стоит среди **тайги**, как обелиск (В. Зарубин. Строителям Лесосибирска.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

*Зелёный дым окутал **стан берёз**.*

В весеннем воздухе таится предвкушенье

***Раздолья трав** и буйства летних гроз...*

А в сердце вкралось лёгкое томленье...

Рассвет у лета тих, прозрачен, свеж,

*Укрылся город **кисей черёмух**,*

А на горе, где снег белел, как плешь,

*Там зелень между **ёлочных изломов**.*

В лесу повсюду гомон птичьих стай,

Чуть пряный запах в воздухе струится,

А у пенька, почуяв снова май,

*Раскрывшись, тихо дремлет **медуница**.*

(С. Кураева. <https://www.stihi.ru/2009/07/14/5028>) – заметим, что в этом стихотворении представлено гармоничное соседство хвойных и лиственных лесов, а также рисуются картины, свойственные и для лесостепных регионов края: как бы сама природа благоволит возможности соседствовать, проживать

вместе различным этносам в пределах города Лесосибирска. Такое смешение растений определяет широкую цветовую гамму во время осени: от зелёного до золотого:

Засверкала осень разноцветьем,

Постелила праздничный ковёр.

И берёзки белые последний

Сбросили шуриющий свой убор.

Пробивают в ельнике дорогу

Золотые ниточки лучей.

(С. Кураева. <https://www.stihi.ru/2009/07/14/5028>).

Когда-то в пятом я грибы с друзьями собирал – уточним, что «в пятом» – это микрорайон города, в черте которого растут грибы (С. И. Алексеев. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Красавец лес манил в нехоженные дали

Он щедро нас своим богатством одарял (С. И. Алексеев. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

К числу регионального маркера можно отнести **Енисей**. Во многих поэтических текстах Енисей воспевается как некая константа и объединяющая сила:

Край единый, большой и могучий,

*Породнил земляков **Енисей***

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

*Наш могучий **Енисей** – батюшка всех речек*

(С. И. Алексеев. Город мой Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Река является гарантом мира и гармонии в природе, а также внутреннего мира человека:

*Здесь **Енисей** на зорьке ранней,*

*Когда безмолвие царит кругом,
Укрытый утренним туманом,
Ещё спит крепким богатырским сном*

(М. Гончарова. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>) – здесь образ Енисей-богатыря рождает ассоциацию с крепким сибирским здоровьем, сильным характером людей, живущих на его берегах.

*Снег с дождем – сибиряда,
На прибрежной полосе
Силуэт большого града
Охраняет Енисей.*

*Здесь его питают воды
Неспокойной Ангары...*

(Н. Омельченко. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>) – в этом фрагменте даётся характеристика и Ангары, вечной спутницы Енисея: водная стихия неразрывно связана с жизнью как самого образа города, так и его жителей.

На Енисее-батюшке любил рыбачить в детстве

(С. И. Алексеев. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

В этой связи отметим, что неслучайно Лесосибирск определяют через «водные метафоры»:

*Живой воды ты наш родник –
Лесосибирск! Лесосибирск! (С. Кураева.*

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Лесосибирск во многих контекстах представлен как царство зимы – это тоже природный маркер, связанный с особенностями регионального климата:

*О чём поведал сонный снег
Мне в тишине ночной?*

Про то, что слышал звонкий смех

На горке ледяной (С. Кураева. <https://www.stihi.ru/2009/07/14/5028>) – отметим, что в этом фрагменте поэтического текста «царство зимы» маркируется и посредством обилия снега и многочисленных снежных (ледяных) горок, которые встречаются во многих районах города в зимнее время.

Сквозь замерзшие окна автобусов

Я смотрю на тебя, город мой (А. Сибирская. Лесосибирску. <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Стоит в снегах родной Лесосибирск (В. Зарубин. Строителям Лесосибирска. <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Родился он, когда метель мела (В. Зарубин. Строителям Лесосибирска. <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Мороз полгода и сугробы,

От холода туман густой <...>

Ну а когда пурга и вьюга,

Как ястреб с соколом кружат

И завывают, как белуга,

Свернуться в кокон каждый рад (Т. Шумайлова. Сибириада. Часть 3. Зима. <http://stihidl.ru/poem/248989/>).

2. Поэты воспевают строителей, которые посредством камня и дерева, стекла и бетона «преобразовали» природу региона в цветущий город:

Здесь мастер – архитектор необычный.

Он самобытность города хранить старался,

Да так, чтоб было все в нем гармонично,

Да так, чтоб от других наш город отличался

(Т. Шумайлова. Сибириада. Лесосибирск. <http://stihidl.ru/poem/248861/>).

И браво архитектору, он молодец, конечно.

Такой красивый городок стоит на Енисее.

*И первозданные крутые берега о вечном
Расскажут вам не хуже, чем Гомер об Одиссее.
Здесь вольно чувствуют себя, вольготно
Сосна и лиственница, кедр, пихта и береза.
Опята и волнушки растут здесь беззаботно,
Чтоб город оправдал свое название тоже.*

(Т. Шумайлова. Сибириада. Лесосибирск. <http://stihidl.ru/poem/248861/>).

*Родился он, когда метель мела,
Секла лицо под ветра свист и пение,
Но не свела она людей с ума –*

Пришедшее на стройку поколение!

*Лесосибирск – их муки и дела,
Победы их и духа становленья.*

(В. Зарубин. Строителям Лесосибирска.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Поэты представления о своей уникальности и уникальности своего региона выражают в особой эмоционально-экспрессивной тональности, в которой звучат:

- восхищение:

Здесь богатств и сокровищ немало

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

Я восхищусь твоим владеньем,

А восхитит туманный взор

Твой бесконечный лес, простор

(С. Перов. Лесосибирск. <http://www.obshelit.ru/works/20059/>).

Всех дивил красотой несравненною

полноводный гордец Енисей

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>);

- прославление:

*Сторона родная славится,
всех богатств не перечесть...*

*Повстречает вас улыбкою,
красотой заворожит.*

*И по русскому обычаю
хлебом солью угостит*

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>);

- гордость:

*Я землёю горжусь этой древнею,
много тайн неразгаданных в ней!*

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>);

- значимость родного города:

*Ты воспитал детей достойных,
Чтоб дальше в жизнь их пронести*

(С. Перов. Лесосибирск. <http://www.obshelit.ru/works/20059/>);

- благодатность:

*Заворожат места красотой,
Посмотри хоть куда – благодать!*

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>);

- первозданность, единение с природой:

*Лесосибирск стоит в лесу как в сказке,
И островок лесной есть даже в центре,
Кусочек леса дикого оставил мастер,
Нет, то не парк, лесок живой, поверьте*

(Т. Шумайлова. Сибириада. Часть 2. Лесосибирск.

<http://stihidl.ru/poem/248861/>);

- любование:

И Бог воздаст всем нам за труд, за благо

Здоровьем, радостью, спокойствием в душе

Природа щедро одарит дарами

Нерукотворной сибирской красоты (С. И. Алексеев.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Красотой люблюсь я города родного

(С. И. Алексеев Город мой Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Сквозь окно я смотрю. Я люблюсь.

Я люблюсь твоей новизной,

Как же всё-таки ты изменился.

Как бы жизни успеть за тобой (А. Сибирская. Лесосибирску.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>);

- забота и призыв:

Уже грядёт экологическая катастрофа!

От нас зависит многое, друзья!

Начни с себя, своих детей учи любить природу,

Заботится о ней как о родном дитя (С. И. Алексеев. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>);

Во многих стихах Лесосибирск прославляется как земля обетованная:

Звуки голоса певучего

унесут вас в облака,

не найдёте счастья лучшего,

чем у нас, наверняка!

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

В поэтическом дискурсе обнаруживается соотношение родной земли с матерью:

Всех земля своей щедрой рукою

Привечает, как добрая мать

(Н. Анишина. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

Иногда авторы используют перифразу, в основе которой лежит пространственный маркер региона:

Бесконечной тайги столица

(Ю. Лысаков. <https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

Распространённая мифологема «в Сибири по улицам медведи ходят» оказывается вполне реальной, о чём свидетельствуют следующие строки:

Да вы не удивляйтесь, город-то в Сибири,

Там лес и лес кругом, и редко, но бывает,

Сама не видела, но горожане говорили,

Что из тайги голодный мишка забредает

(Т. Шумайлова. Сибириада. Лесосибирск. <http://stihidl.ru/poem/248861/>).

Авторы уникальность города определяют историческим контекстом:

Ты – вечный памятник спасённых,

Ты друг «преступников» в чести

(С. Перов. Лесосибирск. <http://www.obshelit.ru/works/20059/>) – здесь обнаруживается явное указание на место, где было много ссыльных, репрессированных людей в разные времена исторических «сломов».

Таким образом, выделение в контексте лингворегиональной идентичности пространственно-временных компонентов предполагает наличие определённых границ, в которых существует региональное общество. Их критерии порождены не только историческим контекстом, но и оппозицией «Свои» и «Чужие» в рамках определенного геофизического пространства.

Ф. Барт указывал, что «граница – это результат не межкультурных различий, а сознательного действия группы, которая разделяет «свой» мир и «чужой». Эти границы объективируются в знаковой форме, а знаки и символы, в свою очередь, через уже имеющиеся значения или вновь приписываемые определяют сферу смыслов, в которой существует общество. Сообщество обозначает свои границы с помощью маркеров-отличий, не обязательно

объективных, но являющихся существенными в данный момент» [Барт 2006: 10].

Образ «Мы» – следующий структурный компонент в системе региональной идентичности. Этот компонент предполагает презентацию особенностей регионального сообщества через его представителей. Одним из основных элементов образа «Мы» является представление о «региональном характере» или «региональной душе». В этой связи обычно говорят о сибирском характере, подчеркивая особенности регионального сообщества (см., например [Смирнов]). Каждое региональное сообщество репрезентируется эталоном, который воплощает специфические черты. Например, существовал эталон советского человека, русского интеллигента. То же говорят и о региональной идентичности. Следует отметить, что структура региональной идентичности, кроме пространственно-временных характеристик, включает еще и политические, этнические, религиозные и др. отношения, которые не являются предметом нашего отдельного рассмотрения.

Эталоном сибирского характера служат качества, которые сформировались в особых климатических и географических условиях Сибири. На его формирование оказывают влияние такие факторы, как низкая температура и длительность зимы, малонаселенность и удаленность от центра России, первозданность и богатство недр, лесов, рек и др. Вот почему сибирский характер представляет собой набор определённых качеств (сила, выносливость, трудолюбие, выдержка, воля, устойчивость моральных ценностей), при этом коренной сибиряк готов прийти на выручку другим людям. Это качество характера, по мнению самих сибиряков, имеет место в связи с тем, что наши края суровые: человек может попасть в трудное положение, требующее помощи со стороны (поломка машины на зимней дороге, серьёзные испытания тайгой и большой рекой – Енисеем, дальние расстояния). Это обуславливает ситуации взаимопомощи и взаимовыручки:

каждый может оказаться в беде: ты поможешь – помогут и тебе. Ю. Козлов подчёркивает суровость нашего региона в следующих строках:

Наш город расположен там,

Где заключён всему на радость свету

Сибири с Крайним Севером марьяж (<https://www.stihi.ru/2007/01/23-1363>).

Так, в поэтических текстах мы находим выражение готовности радушно принять гостей и разделить свой дом с другими:

Да что там говорить, вы поезжайте сами,

Не пожалеете. Вас увлечет Сибирь собою.

И красоту ее увидите своими вы глазами,

И даже, может, станет вам она судьбою

(Т. Шумайлова. Сибириада. Лесосибирск. <http://stihidl.ru/poem/248861/>).

Также соседство с большой и суровой рекой опосредованно определяет характер:

Я к реке спустился с кручи,

Ветер северный кляня,

Енисей волной могучей,

Окатил всего меня (Н. Омельченко. Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>) – эти строки свидетельствуют о том, что стихия реки содержит огромную энергию, которая обязывает и самого человека быть сильным.

В результате рассмотрения поэтических текстов региональных авторов мы установили типичные способы, представляющие собой творческое выражение региональной идентичности. К числу таких способов мы относим:

- 1) локализацию пространства через вербальные средства литературного языка;
- 2) выражение принадлежности к определённому региону;
- 3) использование единиц региональной прецедентности;

4) реализация лингвокультурологической оппозиции «свой – чужой» средствами языка и речи.

Рассмотрим каждый из вышеуказанных способов.

1. Пространственная локализация. Данный способ основывается на процессе семантического «сужения». Семантическое «сужение» языковых единиц, которые актуализируют значимые и важные смысловые акценты в структуре поэтического текста, позволяют нам говорить о пространственной локализации. Ю.Н. Караулов под семантическим сужением понимает процесс, в результате которого происходит уменьшение «семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [Русский ассоциативный словарь 2002].

В проанализированных поэтических текстах такое сужение реализуется за счет описания природы Красноярского края. Примеры: *Не знает, что здесь Ангара круглый год в одних берегах с Енисеем течет / Когда-то давно здесь деревня была, река Маклаковка спокойно текла* (В.Ф. Серков); *Он построен в сосновом бору* (В.В. Морозов); *И встречаются сосны на опушке / Кедры прозвенели свои мотивы* (В.В. Лендель); *В краю черемухи душистой* (Е.И. Левента) [Радуга 2011].

Там Енисейск и Красноярск в соседстве,

А между ними все в лесах дороги

(Т. Шумайлова. Сибириада. Лесосибирск. <http://stihidl.ru/poem/248861/>).

Не зря на Севере возник

Лесосибирск! Лесосибирск!

(С. Кураева. <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Город мой Лесосибирск, ты стоишь средь леса (С. И. Алексеев Город мой Лесосибирск. <http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

2. **Выражение принадлежности к данному региону.** В рассмотренных стихотворениях сужение достигается посредством использования дейктических знаков-указателей, которые конкретизируют семантику определённых слов и целых выражений. Зачастую с этой целью используют местоименные дейктики – указательные, относительные, притяжательные местоимения. Например: *Мой город любимый, мой Лесосибирск / Мой город любимый живет и растет / Наш край – от могучих Саян до Таймыра / Отмечен мой город, тайгою рожденный / Город заснеженный мой... / В этом городе все настоящее / "Ты – мой берег, мой дом, моя жизнь / Моя Сибирь, моя земля* (Н. Бирюк); *Мой новый город зародился* (В.Н. Соловецкая); *Те берега, где мы встречались / И та река, где мы купались* (В.В. Лендель) [Радуга 2011].

*Мой город молодости, юности и детства –
Лесосибирск, мой милый и далекий*

(Т. Шумайлова **Сибириада**. Часть 2. Лесосибирск.

<http://stihidl.ru/poem/248861/>).

*Шли годы, и мой город рос,
Со мною вместе развивался,
Проблемы были, но прогноз
Оптимистичным оставался*

(С. Кураева. Лесосибирск! Лесосибирск!

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

3. **Использование единиц региональной прецедентности.** Мы вслед за Ю.Н. Карауловым под прецедентными текстами понимаем тексты, важные для человека в познавательном и эмоциональном отношениях, несущие сверхличностный характер [Караулов 1987]. К прецедентным единицам можно отнести названия для обозначения святынь, исторических объектов, а также названия городов нашего региона. Например: *Енисейск – это маленький город* (В.И. Ивченко); *У города все впереди, а пока повсюду известны его ЛДК / Но планы есть, и есть надежда: вновь возродиться Енисейск* (В.Ф. Серков);

*Лесосибирск, родной наш город, на реке Енисее стоит / Есть у нас
златоглавый **собор** – величавый и строгий собою* (В.В. Морозов) [Радуга 2011:
205-300].

Я помню детство, школьный зал...

Глядел февраль в окно сурово.

И вдруг учитель нам сказал:

*– Лесосибирск! Не **Маклаково!***

Все зашумели, поднялись...

Лесосибирск! Лесосибирск! ([С. Кураева](http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html). Лесосибирск! Лесосибирск!
<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Лесосибирск, родной мой город,

*Совсем недавно был посёлком **Маклаково*** (С. И. Алексеев.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).

Дыма нету без огня, а добра - без Бога:

*С **храма** в городе у нас, новые дороги <...>*

***Золотые купола** согревают душу <...>*

Православная гимназия, имени Йордана кадетский корпус

Радуют меня, друзья, согревают душу (С. И. Алексеев. Город мой

Лесосибирск.

<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>)

4. **Лингвокультурологическая оппозиция «свой – чужой».** Данная оппозиция – реализация способа, основанного на противопоставлении универсальных концептов «свой» и «чужой». Отметим, что в исследованных текстах явно доминирует компонента «свой». Например: *Из **родной** сторонки / Земли **родной**. Да свет **родного** дома* (В.В. Лендель); *Но сердце не покинет никогда тепло **родного** нам Лесосибирска* (В.И. Ивченко); *Приеду в **родные** края* (Н. Бирюк); *Пряный запах **чужбины** и моря* (Д. Глухов) [Радуга 2015: 158-256].

Я знаю каждый уголок

*Моего города родного,
В любой поездке, как итог,
Я вспоминаю его снова.
И возвращенья сладок миг –
Есть сын и дочка у меня,
Хоть поколение моложе –
Не рвутся в дальние края –
Для них нет города дорожке! (С. Кураева. Лесосибирск! Лесосибирск!
<http://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/938-stikhi-pro-gorod-lesosibirsk.html>).*

Таким образом, региональная идентичность – это разновидность идентификации в ряду таких, как национальная, этническая, культурная, профессиональная и т.д. Они составляют идентичность человека. Представления человека о самом себе определяет сущностную характеристику региональной идентичности, локализованной в части социально освоенного определённого пространства. Через отбор и актуализацию языковых средств авторы поэтического дискурса соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация: демонстрируют знание наименований объектов, образов, которые известны жителям Красноярского края. Читающий по этим «знакам» сможет воссоздать специфические черты упоминаемого региона. Данный анализ позволяет сделать вывод, что целью употребления авторами средств «регионального языка» в поэтических текстах является стремление показать принадлежность к географическому или культурному пространству Приенисейского региона, желание выразить свое отношение к этой земле, к жителям этого края и местности. Система языковых средств, которая обеспечивает региональную идентичность автора поэтического текста, рассматривается нами как некий вербальный код. Он является своего рода активизирующим фактором при выражении региональной картины мира.

3.4. Проявление региональной самоидентификации рассказчика в контексте мемората

Вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири рассмотрены в ряде работ. Так, изучено воплощение региональной самоидентификации посредством ассоциативного эксперимента [Бахор 2016]; выявлены способы региональной самоидентификации авторов в художественном дискурсе указанного выше региона [Веккесер и др. 2016; Зырянова и др. 2013; Мазурова и др. 2016]; определён социолингвистический портрет школьников-подростков в аспекте региональной идентичности [Мамаева и др. 2016; Шмультская и др. 2016]; охарактеризованы вербальные маркеры региональной идентичности [Славкина и др. 2016].

Однако исследователи отмечают, что недостаточно разработанным остаётся понятие единицы регионального языка. Отсутствует и единство в выделении способов представления региональной информации, инвентарь средств описания регионального языкового сознания и классификация текстов, производимая по названным основаниям [Ионова 2009]. В связи с этим актуальным и теоретически значимым представляется рассмотрение мемората как речевого жанра и источника маркеров региональной самоидентификации рассказчика.

В современном обществе не перестают выделяться всё новые и новые речевые жанры. Но в связи с этим явлением не ослабевает внимание и изучение уже устоявшихся жанров во всевозможных сферах речевой деятельности [Веккесер, Воробьёва, 2010; Веккесер 2013].

Согласно М.М. Бахтину, речевой жанр – это относительно устойчивый тип высказывания, который сформирован благодаря единению тематического содержания, стиля, композиционного построения и определён спецификой конкретной сферы общения. Наполняясь конкретным содержанием, эти общие признаки реализуются в единичных высказываниях и, тем самым, включаются

в конкретную ситуацию общения [Бахтин 1979]. Т.В. Шмелёва выделяет три подхода к проблеме речевого жанра: лексический, стилистический и речеведческий.

Лексический подход предполагает обращение к именам жанров, толкованию их семантики.

Стилистический подход согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов в аспекте их жанровой природы.

Речеведческий подход исходит из того, что речевой жанр – это особая модель высказывания, из чего вытекает, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях [Шмелёва 1992].

Основываясь на сформулированных М.М. Бахтиным положениях, Т.В. Шмелёва выделяет семь конститутивных признаков речевого жанра. Главнейший из них – коммуникативная цель, согласно которой все речевые жанры могут быть разделены на информативные (а), императивные (б), этикетные (в) и оценочные (г):

а) информативные имеют своей целью выполнение различных операций с информацией: её предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;

б) императивные предполагают следующую цель: вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения;

в) этикетные, цель которых осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и др.;

г) оценочные изменяют самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей.

Другие жанрообразующие признаки – образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и способ языкового воплощения [Шмелёва 1992].

В дополнение типологии речевых жанров Т.В. Шмелёвой, основанной на коммуникативной цели говорящих / пишущих, следует отметить, что Б.Я. Шарифуллин выделяет инвективные речевые жанры, поскольку они реализуют форму словесного выражения языковой агрессии. «Инвектива в её вербальном воплощении <...> один из основных типов речевых жанров, наряду с информационными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свои собственные коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки» [Шарифуллин 2000: 57].

М.М. Бахтин по типу текста выделяет речевые жанры: 1) первичные (простые) речевые жанры близки к речевым актам; 2) первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту; 3) вторичные (простые) речевые жанры – функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование и др.; 4) вторичные (сложные) речевые жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде.

Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт разграничивают речевые жанры на: «индивидуальные/ коллективные, естественные/ искусственные, моноадресные /полиадресные, поликодовые/монокодовые, художественные /нехудожественные, отмеченные/ неотмеченные, клишированные/ неклишированные, полные/неполные, базовые/производные, монофункциональные / полифункциональные» (цитируется по [Шмелёва 1992: 216]).

В классификации Г.И. Богина РЖ подразделяются:

- по субъекту: анонимное авторство; безразличное авторство; коллективное авторство; персональное авторство;
- по объекту: индивидуально ориентировано; массово ориентировано; неопределённо ориентировано; двусторонне ориентировано.

Таким образом, единого подхода к определению речевого жанра в современной русистике не наблюдается. Существование многих классификаций также указывает на рассмотрение речевого жанра с различных позиций. Далее охарактеризуем меморат как речевой жанр: выявим его жанрообразующие признаки.

В силу своей связи с «естественным» языком аппарат описания в гуманитарном знании неустойчив, терминологический и научно-аналитический инструментарий включает разночтения, полисемию, синонимию.

Многие гуманитарные дисциплины пользуются общим понятийно-терминологическим аппаратом, причем это касается не только смежных областей науки, но и тех, которые прямо не соприкасаются.

Однако подчас исследователи, говорящие об одном и том же предмете, не просто плохо понимают друг друга, но возникает и более опасный эффект «полного понимания» – при вкладывании разных смыслов в одни и те же слова. Именно поэтому мы решили рассмотреть трактовку понятия «меморат» разными исследователями и выделить в данном понятии значимые признаки, на которые будем опираться при осуществлении нашего исследования.

В переводе с английского, итальянского, польского слово «мето» означает напоминание, в испанском языке «метога» – память, в немецком и французском языке слово «мето» означает заметка, памятка. С латинского языка «*memoria*» – *память* [Зуева 2002].

В научной статье И.А. Голованова «меморат» определяется как устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик. Автор отмечает, что от преданий меморат отличается минимальной степенью обобщения жизненного материала, однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем «оторваться» от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации [Голованова 2013].

О.С. Прокофьева отмечает, что это понятие используется в описании краеведческой деятельности центральных библиотек страны [Прокофьева 2009]. В публикациях Н.М. Балацкой, Н.А. Масловой, научных сотрудников Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), в качестве инновационных процессов, характеризующих данную сферу культуры, названо расширение исследовательской, собирательской, издательской работы. Таким образом, речь идет о создании текстов, имеющих значение документов. В данных обстоятельствах жанр мемората предстает одним из инструментов, позволяющих накапливать фактический материал. В контексте библиотечного краеведения меморат определяется как письменная запись устных воспоминаний. Как видим, выходя за пределы фольклора, жанр мемората несколько изменяет свои параметры. Языковые нюансы, вариативность содержания отступают перед вниманием к фактам. Исследователь отмечает, что термин «меморат» был продублирован во время общения с авторами воспоминаний двумя понятиями – «очерк» и «мемуары». Таким образом, «меморат» вообрал в себя фактографичность, привязку к конкретным судьбам и событиям («очерк») и в то же время отразил обусловленную личными особенностями рассказчиков избирательность их памяти («мемуары»).

Исследователь А.Н. Липатова отмечает, что меморат относится к субъективным формам текста. Указывает на возможность возникновения понимания мемората как свидетельских показаний. Автор считает, что меморат и свидетельское показание – это разные формы бытования текста, главное различие которых заключается в том, что событие, лежащие в их основе, воспринимаются рассказчиками по-разному. В своей статье А.Н. Липатова опирается на определение мемората как «устного рассказа, передающего воспоминание рассказчика о событиях, участником или очевидцем которых он был» [Липатов 2008: 25].

Меморат в соответствии с моделью речевого жанра Т.В. Шмелёвой обладает следующими характеристиками:

1) его коммуникативная цель состоит в передаче воспоминания в устной форме, воспроизводящего личные впечатления рассказчика о событиях, фактах и пр.;

2) образ автора – непосредственный участник или очевидец событий, о которых идёт речь, это обуславливает высокую степень фактологичности;

3) образ адресата – заинтересованный, благодарный слушатель/слушатели, фиксирующие устный рассказ.

4) фактор коммуникативного будущего: накопление фактического материала, связанного в первую очередь с социальной сферой, поэтому рассказчик несёт определённую ответственность за содержание излагаемого материала (позиционирование личности в определённом социуме);

5) образ прошлого – фактографичность, привязка к конкретным судьбам и событиям, отражение которых обусловлено личными особенностями рассказчиков, «избирательностью» их памяти;

6) тип диктумного содержания (речевая ситуация как событийная составляющая) определяется эмоциональным комфортом, раскрепощённостью и доверительностью между рассказчиком и слушателем/слушателями; возможностью задавать со стороны слушателей уточняющие вопросы и т.п.;

7) языковое воплощение: разговорная лексика с включением эмоционально-оценочных слов; обилие синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи; некоторая спонтанность, передающаяся за счёт определённого синтаксического строя и др.

По типу текста (классификация М.М. Бахтина) меморат – это первичный тип речевого жанра.

По классификации Г.В. Ейгера и В.Л. Юхта этот жанр может быть: индивидуальным, моноадресным и полиадресным, неклишированным, монофункциональным и полифункциональным.

Согласно классификации Г.И. Богина, меморат по субъекту представляет только персональное авторство, по объекту: индивидуально ориентировано; массово ориентировано; двусторонне ориентировано.

Таким образом, под меморатом в нашей работе понимается речевой информативный первичный жанр, который может быть индивидуальным, моноадресным или полиадресным, неклишированным, монофункциональным и полифункциональным, представлять письменную запись устных рассказов, передающих воспоминания о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик.

Важной составляющей существования современного человека является процесс событий текущей истории. В круг переживаемого и осмысляемого им постоянно включаются факты собственной жизни, жизни его родных и знакомых. Всё это непосредственно связано и с региональной принадлежностью рассказчика. Воспоминания, соотносимые со школой, дают представление слушателю, каким образом рассказывающий себя самоидентифицирует в контексте воспоминаний о родной школе, об учителях, о школьных событиях и пр. Отметим, что речевой жанр мемората сохраняет «живой» образ школы и отчасти города Лесосибирска для будущих поколений. Мы собрали более тридцати устных рассказов-воспоминаний, воспроизводящих личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик.

Мы провели анализ собранных текстов. Несмотря на то что ситуативность преобладает над сюжетностью, в текстах есть **общие места-скрепы**: описания и признания, связанные с основными этапами пережитого через свою «причастность» к региону.

1. Маркерами «причастности» чаще всего выступают особенности флоры и фауны, ландшафта и т.п.: *«Мне больше всего запомнилась учёба в шестилетках. Это был какой-то особый мир. В школе огородили рекреацию, и*

мы там занимались, приходя из детского сада. А в окна смотрели любопытные сосны, и мне казалось, они учатся и играют вместе с нами »;

*«Когда-то в школе у нас была программа «Детский сад – школа». И вот нас часто после обеда вели в школу по **нашей набережной**. Я засматривалась на **могучий Енисей** и отставала, а Валентина Георгиевна меня «приводила в чувство»;*

*«Самые первые деревья, которые растут на территории нашей школы, посадили мы... Постепенно обжались, высадили **деревья: клёны (они у нас особенные – сибирские, очень стойкие к перепадам температур: вымерзнут и вновь возрождаются... и у них сибирский характер, ели тоже хорошо прижились...»;***

*«Как приятно видеть, когда ученики, классные руководители и учителя трудятся вместе. У нас в школе до сих пор проводится акция, связанная с изготовлением кормушек для **воробышек, синичек и клестов**. Мы потом ходили наблюдать, как они кормятся. Нам было радостно: в лютые морозы не попадут».*

Все информанты, как правило, характеризуются искренностью. Рассказчик мыслит и чувствует себя частью большой школьной семьи, демонстрирует духовную общность.

2. Большинство воспоминаний связаны с образом школы, который словесно рисуется и через воспоминания о «знаковых» личностях. Рассказчики вспоминают о школе с теплотой, ностальгией: *«Как же я скучаю по школе... Наверное, именно так скучают по детству. Было хорошо и уютно, как дома. Не мыслю школьный дворик без памятника **нашему земляку Ефиму Белинскому, герою Великой Отечественной войны»;***

*«Благодаря школе я имела счастье лично общаться с **великим сибирским писателем Виктором Петровичем Астафьевым»;***

«Это моя любимая школа. Хоть школа и небольшая, но в ней очень уютно, красиво, много талантливых учителей. В моём сердце навсегда

*останутся добрые воспоминания о дорогой **Валентине Георгиевне Высотиной, о моей первой учительнице!**»;*

*«Я была такая маленькая, я так хотела в школу, но боялась очень. Когда я впервые увидела свою **первую учительницу Высотину Валентину Георгиевну**, то страх прошёл. Я поняла, что она добрая, как бабушка, и очень заботливая»;*

«А еще мы с мужем дружили во втором классе, он мне портфель до дома носил, а потом поругались из-за Сашки Гаврилова, я плакала в классе, а Ирина Казимировна Коржаева меня успокаивала и говорила, что мы помиримся, и помирились, правда через двенадцать лет, и поженились».

*«Я вдруг вспомнила, как Светка Петухова решила задачу по маленькому радиусу и сказала на весь класс: "**Людмила Викторовна (Крюкова – примечание автора), а я по маленькому сделала**"».*

*«Ну, наверное, самое незабываемое – это фраза **Павла Иннокентьевича: "ОБЖ – это вам не математика, тут – учить надо!"**»;*

*«...под свое руководство взял **талантливый учитель – Долганова Любовь Сергеевна...**».*

3. В своих воспоминаниях авторы меморатов говорят о школе с благодарностью, при этом вспоминают о событиях, увлечениях, мероприятиях, связанных с жизнью родного города, его предприятиями:

*«Многое было за 9 лет, но больше только хорошего, и сейчас я скучаю по тем временам. Когда вырастет моя дочка, я её тоже отдам в первую школу, без сомнений! А как много уделяется в нашей школе внимания спорту. Вот пропагандируются **наши традиционные сибирские зимние виды спорта – хоккей, лыжи**. Вот сделали хоккейную площадку-коробку. У ребят отличные спортивные достижения»;*

*«Мы гордимся своей школой, научившей нас работе в коллективе, привившей нам необходимые для жизни качества – ответственность и долг, трудолюбие и честь. Кстати, о трудолюбии: были «десанты» на **наш ЛДК***

№1, где мы знакомились с деревообрабатывающим производством, да и сами летом там могли подзаработать на посильной работе. У ЛДК мы были подшефными. Наши шефы очень помогли школе».

4. Много воспоминаний о школьных традициях, большинство из которых сохранились и сегодня, являются составляющей многих воспоминаний и содержат региональные маркеры:

«Самым запоминающимся моментом, связанным с нашей школой были «Дни здоровья». Когда мы всем классом бежали по сугробам за гаражи «Луч» и проходили различные испытания. Катались с горки, ползли в мешках, бросали мячи. И всё это вместе с нашими учителями. Тонули в снегу, но счастливые и довольные. А потом горячий чай и бутерброды у большого костра. Это было лучшее время!»;

«Я рада, что уже много лет подряд на линейке 1 сентября перед тем, как объявить минуту молчания в честь Героя Советского Союза Ефима Белинского, ведущие читают стихотворение, посвящённое герою. Думаю, что всем, чего я добилась сейчас, я обязана школе. Не зря меня заставляли участвовать в конференциях и конкурсах чтецов. Благодаря школе я впервые увидела море, получив путёвку в «Орлёнок»»;

«Каждую осень на набережной Енисея около школы проходит кросс «Золотая осень»;

«Вы играли когда-нибудь в КВН? А мы играли, и часто предметом наших шуток были рабочие, приезжавшие на заработки из других регионов Союза».

5. В меморатах подчёркивается уникальность школы, её неповторимость указывают в своих воспоминаниях её ученики и учителя. Это непосредственно связано с региональной самоидентификацией:

«Наша школа – уникальная, то есть удивительная и неповторимая! А знаете, почему? Это единственная школа в мире, окна которой смотрят прямо на реку Енисей! И еще – это самая первая школа города Лесосибирска – ровесница ему! Год основания – 1975»;

*«Большим счастьем было то обстоятельство, что здание школы находилось рядом с домом, в условиях **сибирских морозов** – весомый аргумент»;*

*«Я всегда мечтала, чтобы работа в школе и природа сочетались. А разве это возможно? В нашем случае – да. Выходишь из школы уставшей, утомлённой. Но только откроешь дверь – **Енисей**, и жёлтые листья кружатся повсюду в воздухе, шуршат под ногами, словно придают сил».*

Анализируя воспоминания, мы обратили внимание на гендерный аспект. Так, информанты-мужчины вспоминают о спортивных мероприятиях и трудовом десанте: *«...каждый класс посадил ряд берез вдоль забора школы»; «четырнадцать парней нашего класса занимались спортом в одной волейбольной команде»; «Мы сразу его поддержали, и стали помогать заливать и чистить каток».* Об одноклассниках они вспоминают в общем, а не конкретно: *«Многих наших одноклассников и преподавателей уже нет в живых»; «Все парни- старшекласники ходили в костюмах...»; «...у нас были очень дружные ребята»; «Все пацаны нашего класса...».*

Информанты-женщины вспоминают о коллективных мероприятиях (конференциях, конкурсах): *«Воспитательная работа в Лесосибирской школе №1 шла ежедневно: пионерская дружина, комсомольская организация, торжественные линейки, слёты лучших учащихся и активистов»; «Не зря меня заставляли участвовать в конференциях и конкурсах чтецов».*

Таким образом, речевой жанр мемуарата в аспекте регионального дискурса имеет общие места-скрепы. Так, в мемуаратах предстаёт живая история как отдельного человека, так и в целом школы в определённом регионе. Мемуарат даёт представление о региональной картине мира. Региональная картина мира, воссоздаваемая в нём, нами понимается как некая локальная картина мира, которая ограничена территориальным единством рассказчиков, набором описываемых объектов. Рассказчики в своих воспоминаниях о школе выражают идентичность через определённые маркеры. К числу таких маркеров мы

относим локализацию пространства посредством указания на особенности флоры и фауны, ландшафта, через воспоминания о «знаковых» личностях, о событиях, увлечениях, мероприятиях, связанных с жизнью родного города, о школьных традициях и уникальности школы тоже через призму региональной принадлежности. Почти все информанты соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация: демонстрируют знание наименований объектов, образов, которые известны жителям родного города Лесосибирска. По этим «знакам» мы воссоздаём специфические черты упоминаемого региона. Рассказчики стремятся в воспоминаниях о школе показать принадлежность к географическому и социально-культурному городскому пространству, выразить свое отношение к родной земле, к жителям этого края и местности. Система языковых средств, которая обеспечивает региональную идентичность рассказчика, рассматривается нами как некий вербальный код. Он является своего рода активизирующим фактором при выражении региональной картины мира.

3.5. Языковая личность школьника как объект идентификационной лингвоперсонологии

Идентификационная лингвистика уже давно и прочно стала одним из важных предметов лингвоперсонологии. Г.В. Непреенко утверждает: «Задача идентификации в лингвистике – установление тождества объектов, атрибуция каждого текста конкретному автору, при этом в качестве объектов могут выступать текст, персонотекст и языковая личность (ЯЛ). Одними из основных средств идентификации ЯЛ являются речь и её продукты. Система знаний о закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, устойчивость, вариационность устной и письменной речи

(лингвоперсонология), позволяет, таким образом, решать задачу идентификации» [Непреенко 2015: 157].

Исследование языковой личности неизбежно вовлекает в сферу интересов ученых-языковедов психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию, гендерную лингвистику, этнолингвистику, которые изучают речевое поведение человека с разных точек зрения.

Фонетическая оболочка слова, высказывания в целом является завершающим этапом во всем механизме речепроизводства. С помощью фонетических средств языка говорящий воплощает, развертывает внутреннюю речь во внешнюю, вербальную. Известный исследователь детской речи А.Н. Гвоздев отмечает, что «усвоение фонетической системы родного языка происходит у ребенка до 3 лет» [Гвоздев 1999: 63]. С данным выводом, в целом, согласны и другие исследователи детской речи, поскольку фонетический уровень – один из первых, который осваивает ребенок. Таким образом, к младшему подростковому возрасту фонетическая составляющая речевого портрета школьника, по сути, полностью сформирована.

В речи школьников представлен, по данным наших экспериментальных материалов, тот же набор фонем, что и в литературном языке, однако их реализация имеет ряд особенностей в области продуцирования как линейных (сегментных) звуковых единиц – фонетическое слово, слог, звук, так и нелинейных (просодических, супraseгментных) – ударение, интонация, темп и тембр речи. Эти особенности связаны, прежде всего, с возрастными характеристиками учащихся.

При анализе сегментных единиц в собранном нами речевом материале мы выявили следующие наиболее общие особенности речи школьников, которые можно считать в определенной степени возрастными: изменения в артикуляции звуков (гласных и согласных), вызванные как позиционными, так и комбинаторными процессами. Случаи отражения таких процессов в примерах заключены в квадратные скобки.

В области вокализма на сегментном уровне обращают на себя внимание такие особенности, которые можно считать общими в создаваемом нами речевом портрете школьников:

1. Ослабленная артикуляция и нечеткая дикция, что влечет за собой усиленную редукцию гласных (иногда с последующим усечением целых слогов и частей слов). Ср. примеры:

(1) *Он все время [гър'ит]/ [здр'ас'ть]/ [здр'ас'ть]//* (Он все время говорит, здравствуйте, здравствуйте).

(2) *Это [ч'эк]/ который не въбражайт//* (Это человек, который не воображает).

(3) *Мне очень [нрацъ] гулять//* (Мне очень нравится гулять).

Тенденция к ослаблению артикуляции и редукции безударных гласных вообще характерна для устной разговорной речи. А у школьников она еще накладывается на их возрастную особенность – специфическое интонирование и ускорение темпа речи из-за напускной небрежности в общении, вызванном стремлением показаться более взрослыми, чем они есть («чем больше я говорю, тем больше поймут, что я такой же» – из ответов на нашу анкету).

2. Стяжение гласных звуков. Данный фонетический процесс связан, скорее всего, с экономией речевых усилий не только, конечно, школьников, что проявляется на всех системно-языковых уровнях и особой возрастной спецификой не обладает. Однако и здесь определенную роль играют психологические особенности подросткового возраста: «говорить быстро, чтобы побыстрее «врубиться» в нужную ситуацию»:

(1) *Ну [ващэ]/ мне все нравится/ кроме рекламы //* (Ну, вообще, мне все нравится, кроме рекламы).

(2) *Это ч'эк/ который не [въбражайт]//* (Это человек, который не воображает).

(3) *Я люблю смотреть на [фив'эрк'и]//* (Я люблю смотреть на фейерверки).

(4) *Он пишет [иpогл'ифм'и] всякими/ не поймешь//* (Он пишет иероглифами всякими, не поймешь).

(5) *Мы были очень мало [на-тpькцyoнъx]//* (Мы были очень мало на аттракционах).

(6) *Еще фс'ак'и [разны-ицыклар'эд'и] там есть//* (Еще всякие разные энциклопедии там есть).

Контракция гласных, например, в окончаниях, после выпадения интервокального J, в принципе, характерна для некоторых русских говоров, в частности сибирских. Возможно, именно этим объясняется (учитывая определенную диалектную окрашенность городской речи Лесосибирска) такие произносительные варианты, как [въбpажajт], [фив'эpк'и], а также единичные случаи типа [матajт] (мотают) и другие. Впрочем, как предполагается, эти и иные фонетические особенности речи лесосибирских школьников, описанные ниже, объясняются на «пересечении» всех отмеченных нами факторов.

3. Более долгая артикуляция гласных [а], [о] в сильной позиции, причем это не всегда обусловлено стандартными случаями, когда, например, действительно междометие *да* может произноситься протяжно. Наши примеры:

(1) *Да(а-а), у меня есть ста(а-а)pшая сестра А(а-а)нуш.*

(2) *Я(а-а) люблю ходить в го(о-о)сти.*

(3) *В Со(о-о)чи мне понpа(а-а)вилось в дельфина(а-а)pии / и пла(а-а)вать по мо(о-о)pю//.*

Может быть, и в этом случае такой тип артикуляции гласных у наблюдаемых нами подростков можно истолковать как влияние сибирской речи (не обязательно ярко выражено диалектной). Однако пример (1) несколько выпадает из такого ряда (сестра Ануш).

4. Некоторая дифтонгизированность ударных [о], [э], особенно если на них приходится фразовый акцент.

(1) *Мы мн[yo]го где бываем/ в этом году в санат[yo]рии были//.*

(2) *Я всем понравилась/ было ст[yo]лько вост[yo]pгов//.*

(3) А мы на л'[иэ]то к бабушке собираемся//.

Как и в некоторых предыдущих случаях, данное явление также можно объяснить не только экспрессией речи, но и влиянием диалектного произношения, например, в высказывании (3).

Указанные нами фонетические явления в вокализме школьников мы наблюдали, когда они в процессе беседы-опроса увлекались темой разговора, что-то вспоминали или хотели особо выделить как наиболее важное из сказанного. Как отмечает Е.А. Земская, «ударные гласные удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле можно считать их функциональными» [Земская 1979: 144].

В области консонантизма наблюдаются, по данным наших материалов, также различные особенности, отличающие речь лесосибирских школьников от нормативной. Перечислим наиболее характерные такие особенности:

1. При сокращении фонетической структуры слова, вызванной процессом редукции гласных, происходит утрата согласных звуков, находящихся либо в инициальной (до редукции гласных), либо в интервокальной позиции. Прежде всего, это касается щелевых, фрикативных согласных, которые, как мы отметили в речи школьников, часто являются «слабыми». Впрочем, выпадению подвергаются и смычные согласные (см. пример (3)).

(1) Мне кажица/ они [с'ор'эм'а] ход'ьт// (Мне кажется, они все время ходят).

(2) [Т'иэ] не [с'ьрано]// (Тебе не все равно).

(3) Он [смар'эл]// и думал про звёзды, небо// (Он смотрел и думал, про звезды, небо).

(4) Мне [с'ьрано]// но/ [наэрнъ]// надо думать об этом// (Мне все равно, но, наверное, надо думать об этом).

(5) Я [шас] хожу в секцию// (Я сейчас хожу в секцию).

Эти фонетические явления в системе консонантизма отмечаются в обычном общении младших подростков, что объясняется, прежде всего, возрастными факторами: подростковая эмоциональность, повышающая темп речи, сокращает фазу артикуляции, что и приводит к выпадению отдельных звуков. Конечно, не всё так просто, поскольку начинают действовать и иные коммуникативные факторы.

Например, мы отметили, что в основном фонетической деформации (иногда и специально осознанной и подчеркнута продуцируемой) в речи подростков подвергаются малозначимые слова (конечно, с их точки зрения), либо слова, не имеющие смысловой ценности для данного речевого акта, либо заключающие в себе просто уточнение, конкретизацию события, факта, явления:

(1) *Я/ [када] в школу пошел/ читать уже умел//* (Я, когда в школу пошел, читать уже умел).

(2) *[Инада] я задумываюсь об этих проблемах//* (Иногда я задумываюсь об этих проблемах).

(3) *Мы [ч'уч'ут'] играем/ [ч'уч'ут'] читаем/ [ч'уч'ут'] танцуем//* (Мы чуть-чуть играем, чуть-чуть читаем, чуть-чуть танцуем).

(4) *Ну [з'эс'ь] весело//* (Ну, здесь весело).

(5) *Мы [д'эс'] все вместе собираемся//* (Мы здесь все вместе собираемся).

(6) *Он [нач'ит] говорит ему...//* (Он, значит, говорит ему).

(7) *Да он [сас'эм] не такой/ как должен быть//* (Да он совсем не такой, как должен быть).

Естественно, вывод о «малозначимости» и «неинформативности» не абсолютен, о чем свидетельствуют и наши материалы.

Так, в примерах 4 и 5 слово *здесь* произносится по-разному, что говорит не столько о его «неинформативности» в данных речевых актах (тема локуса подростками, конечно, воспринимается весьма информативно – особенно,

когда речь идет о «тусовках»), сколько о малозначимости («если мы собираемся – так ясно, что здесь, а где иначе?») – из ответов на нашу анкету).

2. При эмфатическом произношении в ударных или предупредительных слогах напряженность и длительность согласных возрастает. Это известное фонетическое явление повышенной экспрессивной тональности устной речи, и оно довольно часто встречается в наших материалах:

(1) *Мне было так [ж:]арко!//* (Мне было так жарко).

(2) *Ну/ ты/[к:]о[з':]ёл/ адай быстро!//* (Ну, ты, козел, отдай быстро).

(3) *Ду[р:]ак/ я же тебе показал//* (Дурак, я же тебе показал).

С чисто фонетической точки зрения данное эмфатическое удлинение согласных звуков отражается в устной речи школьников, по-видимому, в результате влияния предшествующих и сопутствующих просодических единиц, в частности акцентного выделения.

3. Противоположное этому явление – сокращение при ускоренном темпе речи некоторых долгих согласных, например [ц:], [д:], как в наших примерах:

(1) *Мне [кажица]/ они с'ор'эм'а ход'ят //* (Мне кажется, они все время ходят).

(2) *Ну ты/к:оз':ёл/ [адай] быстро!//* (Ну, ты, козел, отдай быстро).

(3) *Это [пад'эрж'ивът] в форме меня//* (Это поддерживает в форме меня).

4. Следует отметить еще одну особенность, которая не носила в наших опросах массовый характер, но в то же время встретилась в нескольких речевых актах: спорадическое и немотивированное смягчение звуков [ш], [ц], [ж]:

(1) *Про одного [пџ'ана] / короче/ [палиц'иъ] ищет//* (Про одного пацана, короче, полиция ищет).

(2) *Как бы [ш'ют] много/ красиво //* (Как бы шьют много, красиво).

(3) *Надо поставить [мусърниц'и] на пляже/ штрафовать за загрязнения//* (Надо поставить мусорницы на пляже, штрафовать за загрязнения).

(4) *Это [над'эрг'ивѣт] в форме меня//* (Это поддерживает в форме меня).

Данное явление ненормативно для русского языка. Но происхождение в речи школьников смягчения данных согласных можно объяснить как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Известно, что звуки [ш], [ж], [ц] исконно были мягкими, и, возможно, языковое сознание детей воспроизводит их на бессознательном уровне или под влиянием диалектной речевой среды: в некоторых русских говорах эти согласные произносятся до сих пор смягченно, в частности в ряде говоров Красноярского края [Шарифуллин 2002: 254]. Кроме того, исследуемые нами лесосибирские школьники представляет собой разнонациональную группу, и, скорее всего, эта произносительная особенность свойственна детям, воспитывающимся в двуязычных семьях, с «нерусскими» корнями: для кавказских народов, например, также характерно мягкое и даже эмфатическое произношение этих звуков в русских словах. В любом случае, эта особенность присуща скорее индивидуальным речевым портретам школьников, чем их групповому портрету.

При анализе суперсегментных фонетических единиц мы также отметили ряд особенностей, характерных для речи большинства школьников-подростков. Наши наблюдения показывают, что для ритмомелодической стороны речи школьников свойственно использование разнообразных интонаций в зависимости от ситуации общения. При помощи интонации школьники выражают «не столько мысли, сколько чувства, настроение, отношение к адресату, себе самому, другим людям» [Львов 2002: 233]. Мы отметили, что при ответе на вопросы, носящие более личный, интимный характер (например, «С каким человеком ты не стал бы дружить?» или «Что бы ты хотел изменить в своей жизни?»), школьники понижали тон, голос становился более робким, неуверенным. Речь замедлялась, появлялись паузы, способствующие смысловому выделению и членению речи. Когда же речь шла о чем-то

общеизвестном, менее субъективном (например, «О каком человеке можно сказать, что он модный?» или «Что ты знаешь о проблемах окружающей среды?»), то голос становился более громким, дикция более четкой, темп речи убыстрялся.

Анализ показал, что школьники используют и такие просодические средства, как придыхание и лабиализация. Эти средства обычно передают различные оттенки их эмоционального состояния, отношения к рассказываемому.

(1) *Вот это были (каникулы)^{пdx!} // (восхищение).*

(2) *Он мне кинуху принес/ (класс)^{пdx!} (радость).*

(3) *Она мне еще говорит/ что это (неправильно)^{лбл} (обида).*

Что касается соответствия речи школьников орфоэпическим нормам, то их речь соответствует так называемой младшей орфоэпической норме: *затра[г'иват']*, *ти[x'ий]*, *смея[с']* и т.д., но с неполным стилем произношения.

Нами были отмечены очень частые случаи отклонения от литературного произношения, прежде всего, в области акцентуации: *звОнит*, *Отбыл*, *тортЫ*, *красивЕе*, *вкЛЮчим*, *бАлуюсь*, *прИняла*, *не дАла*. Нелитературным, просторечным является и произношение таких слов, как *конеЧНо*, *скуЧНо*, *траНвай*, *еслиф*, *кажись*, *нету*, *мене*. Ср.:

(4) *Чё ты звОнишь мене/ и трубку бросаешь?*

(5) *Она на много красивЕе.*

(6) *Она ничё не дАла/ только забрАла.*

(7) *Ты конеЧНо все быстро сделала.*

(8) *Еслиф вы не придете/ я обижусь.*

Все эти примеры отражают, очевидно, «просторечную» составляющую коллективного портрета лесосибирского школьника. Такое достаточно массовое отклонение от нормы (58,7 % от числа наших информантов) можно объяснить давлением узуальной речевой практики. По словам учителей, опрошенных нами, в большинстве семей их воспитанников принято именно

такое произношение. И хотя многие дети, в принципе, знают верное произношение слов и диктанты пишут достаточно неплохо, в обыденной речевой ситуации произносят, точнее, воспроизводят их неправильно, так как в их речевой практике данные просторечные варианты являются наиболее устойчивыми. Причем, в примере (8) «фонетическое слово» *если* образуется в результате ассимиляции с последующим словом и в потоке речи звучит как [жэслифы (н'и пр'ид'от'и...)], но усвоенный фонетический навык подобного произношения настолько прочно сформировался, что данное слово произносится подобным образом в любом фонемном окружении, например:

(9) *Если* я там был бы/ нет проблем /было бы.

Таким образом, речевой портрет школьников-подростков характеризуется рядом фонетических особенностей, несущих в себе признаки возрастной принадлежности. На фонетическом уровне речевые пристрастия младших подростков обнаруживаются в характере фонетического эллипсиса, в выборе приемов акцентного выделения, в своеобразии орфоэпических вариантов, что, безусловно, связано с возрастными особенностями данной языковой личности и одновременно с коллективным признаком – характером речевой среды (диалектной, просторечной, инациональной), в которой живут и общаются школьники.

Глава 4. СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО XIX В. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МИФ, ДИАЛОГ, ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ

4.1. Сибирское областничество и проблемы социальной коммуникации

В социокультурном ключе художественную литературу можно рассматривать, в частности, как «прибежище персонажей, томящихся проблемой идентичности» [Кустарев 2008: 214-215]. Территориальные мифы и производимые ими тексты – продуктивный механизм, способствующий возникновению того самоопределения, которое как раз и анализируется в только что процитированной статье А.С. Кустарева. «Способствующий», впрочем, не значит «обуславливающий» или тем более неотвратимо «определяющий». Архетипическое содержание территориального мифа может разделяться в равной степени как носителями формирующейся локальной ментальности, так и участниками историко-культурных процессов, не имеющими к ней отношения. Классические мифы о «далеких землях» не только мало что говорят о самих этих землях; будучи, по мысли А. Эткинды, Д. Уффельмана и И. Кукулина, опытом «искусствен[ого] производств[а] культурных различий» [Эткинд и др. 2012: 14], они дают яркие примеры ориентализации, т.е. этносоциального, расового, религиозного дистанцирования объекта, которое в будущем делает возможным применение к нему практик административного и экономического контроля. В этом отношении они противостоят текстам «местного самосознания», как этот феномен именовался сибирскими областниками. В свою очередь, для того, чтобы самосознание такого типа возникло, требуется, в числе прочих факторов, «возгонка» традиционных локальных мифов к идеологическим и

публицистическим дискуссиям, их своего рода «диалогизация», включение в полемический контекст эпохи модерна.

В намеченной перспективе популярный ныне как предмет исследований сибирский текст подлежит двум альтернативным прочтениям. Первый, неоднократно апробированный нашим литературоведением в свете новаторских для своего времени работ В.Н. Топорова, заключается в реконструкции череды архетипов, имплицированных в «сибирские» литературные сюжеты русской классикой, которая, переживая в XIX в. этап бурного становления, «изобретала», наряду с характерологическими «галереями» национальных «типов», также национальную географию, ментальную карту, продолжая тем самым традицию идеологической и политической перекройки русского ландшафта, начавшейся еще в первой половине XVIII в. [Бассин 2005]. Ю.М. Лотман, а вслед за ним В.И. Тюпа показали, что в глазах ряда ключевых русских писателей XIX в. Сибирь превратилась в своего рода «чистилище», инициационное пространство проблематического возрождения человека, который, пройдя через каторжные страдания, обретал новый духовно-социальный статус [Лотман 1997; Тюпа 2006]. Вариантом этой интертекстуальной сюжетной модели была связанная с нею группа текстов, в которой сопоставляемые территориальные миры словно менялись местами: знаками безысходного страдания и социально-политического тупика наделялось пространство Европейской России, а Сибирь, напротив, начинала рассматриваться как утопическая антитеза погрязшей в пороках исторической государственности. Воспринятая в этой перспективе, Сибирь символически избавлялась от ассоциации с государственным репрессивным аппаратом и, полностью отходя в ведение Природы, превращалась в очаг руссоистских и романтических сюжетов с националистическим оттенком. Вместе с тем исследование внутренней архетипической структуры сибирского текста не представляется ни единственно возможным, ни тем более исчерпывающим. Семантическая

сторона воссозданного аналитиками конструкта не может господствовать над его прагматическими коммуникативными возможностями, в том числе над вероятным полемическим откликом на транслируемые им смыслы. Между тем накрепко привязанные к культурному прошлому архетипические модели, возводя изменчивую социополитическую реальность к незыблемой инстанции мифа, существенно препятствовали возникновению, говоря по-бахтински, моментов диалогической незавершенности, которые запускали бы процессы индивидуализации и самосознания – противоположные безальтернативным мифологическим обобщениям.

Рассматривая сибирский текст в коммуникативном аспекте, подразумевающим выделение субъекта высказывания, референта и адресата, необходимо отметить необычную активизацию адресата (читателя) в момент появления локальной идентичности. Эта активизация, собственно, и есть ее надежный индикатор. Так, если допустить, что русская литература от Аввакума до Ф.М. Достоевского рисовала одни и те же суровые картины «мертвых домов» «на берегу широкой, пустынной реки» [Достоевский 1973: 410], то реакция имплицитного (идеального) читателя на комбинируемую таким образом информацию будет заведомо программироваться текстом: это реакция ужаса, сходная с тем, что пережил сам автор. Монолитная авторская позиция (в данном случае – Достоевского), реализованная во всей структуре текста, не предполагала расщепления адресата и появление в его виртуальной конструкции каких-то геокультурных «швов». Примечательно, что сам феномен «петербургского» романа от Достоевского до Андрея Белого воспринимался в России не в метонимическом смысле – как насыщенный топографической конкретикой корпус текстов о Петербурге (притом что такая конкретика присутствовала), а в метафорическом – как художественный анализ имперского периода русской истории в целом. Односторонний, в известном смысле архаико-авторитарный характер такой коммуникации менялся с появлением «активного» читателя, заявлявшего о своей субъектности как

представителя определенной локальности и подрывавшего привычные коммуникативные конвенции с автором.

Используя категорию имплицитного читателя, нетрудно понять парадокс, на который обратил внимание поздний М. Бахтин: идеальный читатель ничем не будет отличаться от абстрактного автора и будет во всем его дублировать [См.: Шмид 2008: 66]. Модерная эпоха, наступившая в России с началом Великих реформ и в течение второй половины XIX – начала XX в. кардинально перестроившая русскую культуру, сделала образ читателя значительно более динамичным и менее предсказуемым (См. об этом: [Гаспаров 1993; Тюпа 2004]): автор проблематизировал фигуру читателя, а читатель в свою очередь обретал собственный голос, хотя автор мог и не ожидать от него ответной реплики.

Интересным прецедентом оживления читательского сознания и возникновения диалоговой ситуации в структуре сибирского текста русской литературы является хорошо известная в науке [Гайдук 1978; Очерки 1982: 490; Серебренников 2004: 23] заочная полемика одного из лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева с А.П. Чеховым, автором «Писем из Сибири», публиковавшихся в 1890 г. Исходная метафора, к которой прибег Ядринцев, заключала в себе уподобление «местного» реципиента чеховского текста подсудимому, который, если следовать социальному пафосу воспитавшей обоих авторов эпохи Великих реформ, становился не просто молчаливым объектом обвинительного вердикта, но обретал право на защиту, ответное слово. Таким словом и стали выступления самого Ядринцева на страницах «Восточного обозрения». «Читаю письма г. Антона Чехова в “Новом времени”, слежу за письмами профессора Исаева, узнаю, что в Сибирь собираются какие-то иностранцы, а за ними велосипедисты. Что-то они найдут, как-то опишут Сибирь? <...> Ведь это будет суд над моею родиной, над моими соотечественниками. Проезд путешественника по Сибири – это род экзамена, род генерального смотра» [Добродушный сибиряк 1890: 7]. В том случае, если

оправдательных слов не находилось и филиппики путешественника оказывались справедливыми, ответ в диалоге со «столичным» писателем оформлялся как запись травмы: уязвленность провинциальной вторичностью осмысливалась как страдание ребенка. «Когда нас уличают во всем этом, я чувствую себя в положении школьника, у которого открывают и разорванную куртку, и отсутствие пуговиц, и запачканные рейтузы. Но я знаю, что школьнику скажут: болван! и заставят переменить куртку и рейтузы. Я же чувствую себя виноватым, я теряюсь, мечусь и суечусь в совершенном отчаянии» [Добродушный сибиряк 1890: 8]. Наконец, дискуссия могла принимать привычные формы острого идеологического спора. Таковы возражения Ядринцева на чеховские слова об интеллигентных ссыльных, которых будущий создатель «Острова Сахалин» описывал как жертв, а публицист-областник – как порчу местного общества [Неисправимый резонер 1890]. Принадлежащий перу Ядринцева полемический комментарий к «Письмам из Сибири» усложнял и разнообразил не только рецептивную среду чеховского текста в целом, он конфликтно противоречил открыто изложенной позиции самого Чехова, который многократно засвидетельствовал свое негативное отношение к встреченной им в Сибири местной интеллигенции и, очевидно, не предполагал встречного творческого импульса с ее стороны: «...спрос на художество здесь большой, но Бог не дает художников» [Чехов 1978: 14].

В историко-культурной перспективе приведенная в качестве примера новация была закономерной. В русском историческом опыте кризис империи (и ее национально-интеграционного проекта) совпал с широким распространением предмодернистских течений в искусстве, согласно правилам которых автор и читатель «встречались» и взаимодействовали в формировании смыслов текста. В рамках отмеченной тенденции культурные и социальные практики были заодно. Описанное Б. Андерсоном «воображаемое сообщество» [Андерсон 2001], которое складывалось по мере стандартизации культуры,

универсализации языка, распространения грамотности, облегчения доступа к образованию, интенсификации всех форм культурного обмена (вспомним меткое замечание Э. Ренана: «существование нации – это <...> ежедневный плебисцит» [Renan 1994: 19]) и в конечном счете делалось основой нациестроительства, обуславливало и нормативные типы самих участников процесса. Главным среди них был секулярный интеллигент, воспитанный прессой и литературой, проповедовавший деколонизацию территории и депровинциализацию ее культурной среды, т.е. устранение основных обстоятельств, вызывавших болезненное ощущение вторичности жизни на отдаленной окраине.

В этих процессах кристаллизовались отличительные черты новой, областнической идентичности: современные антитрадиционализм и индивидуализм, сложно сочетавшиеся с попытками «изобрести традицию» и соотнести индивидуализирующую установку с поиском нового «сообщества». Другой лидер областничества, Г.Н. Потанин, пояснял: «...так как в окружающей среде мы единомышленников не встречали, то и смотрели на себя, как на носителей мысли, ранее никем не высказанной, как на провозвестников новой жизни в Сибири» [Потанин 1983: 196]. Сразу после этих слов, говоря об областной литературе и значении своего друга Н.М. Ядринцева в ее формировании, Потанин отметил: «...сибирской литературы еще нет, она вся в будущем, а пока она только заключается в его (Ядринцева. – К.А.) письмах ко мне» [Потанин 1983: 196].

В свою очередь, под углом зрения индивидуализма рассматривалась важнейшая для всех социальных теорий середины – второй половины XIX в. среда: крестьянство. Показательно, что биографически (но не мировоззренчески) близкий областникам Н.И. Наумов, увлеченный народническим поиском общины, в середине 1880-х гг. писал: «...ищу везде общину, общинные инстинкты, так звучно воспетые Златовратским и, о горе

<...> не нахожу. Нахожу только одно, что все тащат друг у друга» [Очерки 1982: 393].

Потанин дал этому феномену разъяснение в областническом духе. Он обратился к почерпнутому из бесед с М.А. Бакуниным тезису о коррозии крестьянской общины на территории Сибири, о превращении сибирского мужика в заведомого единоличника: «Русский крестьянин, землепашец, общинник, коллективист, перейдя через Уральский хребет, превратился в зверолова: жизнь в тайге, часто одинокая наедине с природой, в борьбе с опасностями, требовала от него большей инициативы, и он из коллективиста превратился в индивидуалиста» [Потанин 1983: 87]. «Колонизационная волна унесла русских людей на восточный простор, и конец коллективизму. Русский коллективный человек превращается в необузданного индивидуалиста, от русской общины не остается следа. Яровой клин, озимый клин, пар – всё это стало незнакомыми словами» [Потанин 1983: 148-149]. И тем не менее в будущем, как показала Г.И. Пелих, Потанину всё равно виделась сибирская община, но качественно нового типа – способная примирить автономного индивидуума с коллективом и сочетающая в себе крестьянский традиционализм с современной интеллигентской установкой на самобытность края [Пелих 2006: 48]. Подчеркнем главное: согласно Потанину, сибиряка делает индивидуалистом именно сопротивление природе, борьба с нею. При всей значимости органицистских (климатических и этнологических) построений в областническом наследии прямого утопического уподобления крестьянского социума «храму» природной жизни Потанин и Ядринцев старались избегать.

Векторы индивидуализации не могли не затронуть наиболее чувствительную тему всякой территориальной идентичности: этнос, ибо сама по себе этничность и есть опыт индивидуализации группы по ряду врожденных качеств. Основной вклад в разработку темы сибирского «народно-областного» типа внес, как известно, Н.М. Ядринцев. И если востоковед Г.Н. Потанин, в общем, не преувеличивал этнографическую оригинальность русского сибиряка,

предпочитая говорить о влиянии на него естественно-природных условий, а также о взаимодействии Востока и Запада в общем контексте фольклорной компаративистики, то Ядринцев, заимствовав многое из радикальных статей А.П. Шапова, создал концепцию жителя Сибири, отличающегося рядом своих главных черт от русского из европейской части страны. В глазах Ядринцева «народно-областной тип» был продуктом метисации, но из этого сравнительно нейтрального тезиса им делался политический вывод: новый этнографический тип не столько наследовал черты своих прародителей, сколько ликвидировал их. Перемешав в новой комбинации, отвергнув традиции прошлого, сибиряк выступал в качестве материала для экспериментов, обращенных в будущее: «Наши земляки, как я замечал, были весьма восприимчивы к новым теориям, к новаторству, из них выходили самые ревностные прозелиты новых направлений. Я могу объяснить это разве тем, что сибиряки вообще не имеют традиций, предрассудков, у них нет ничего позади, и взор их устремлен вечно в будущее» [Ядринцев 1979а: 313].

В отличие от Ядринцева Потанин предпочитал говорить не столько об этнографическом типе, сколько об «областном темпераменте», зависящем от условий воспитания конкретного человека. Под областническую идеологию им подводился фундамент ментальности, а процесс индивидуализации прочно укоренялся в онтологии становления личности. В построениях Потанина психологические основы характера будущего областника и направленная на его воспитание педагогическая практика «концентрического родиноведения» скрыто противопоставлялись этническим чертам, которые присущи многим и не зависят от частного выбора, отчетливо персональным сценариям личностного развития.

Разрабатывавшееся областниками самосознание сибирской интеллигенции резко конфликтовало с обычной для постколониальных обществ этнической консолидацией. Формируясь в границах огромного макрорегиона, сибирская идентичность сталкивалась с главной угрозой – этническим автохтонным и

русским местечковым партикуляризмом: в этом отношении при всех имеющихся параллелях с движением украинофилов, а также похожести юридических последствий выступлений обеих политических групп (ср. омский процесс по делу сепаратистов 1865 г.) [Миллер 2000: 130] налицо принципиальное отличие сибирского областничества от национального движения на Украине. В программе Ядринцева граница между его интересом к этнической генетике сибиряка и межэтническим самоопределением весьма заметна, что, в частности, ярко иллюстрирует его высказывание о кружке молодых сибиряков в Петербурге в 1860-е гг.: «В Петербурге картина сближения разных представителей окраины имеет в себе нечто особенное. Немудрено, что томич льнет к томичу и иркутянин к иркутянину... но весьма любопытно было видеть, как соединялись представитель Камчатки, якут с тоболяком, забайкалец с омским казаком, бурят с томичом и чувствовали, что у них бьется одно сердце» [Ядринцев 1979а: 298]. В понимании Потанина Ядринцев «был адвокатом не одной какой-нибудь расы – он принял на себя защиту всего населения Сибири, не различая племен» [Потанин 1986: 45]. Ломая этнический шаблон, Потанин далее уподобляет друг другу главные группы сибирского населения – аборигенов и русских крестьян: «В состав его (Ядринцева. – К.А.) клиентов входили многочисленные сибирские инородцы; литературная деятельность по инородческому вопросу была для него таким же средством для гуманизирования сибирского общества, каким для писателей Европейской России, для Тургенева и других, было описание быта крепостных крестьян. Становясь на защиту инородцев, Ядринцев должен был выступать против своих соплеменников, т.е. против русских сибиряков. Такой позиции судьба не создала ни для уральца – Железнова, ни для малоросса – Шевченко» [Потанин 1986: 45].

Редукция под пером Потанина идеи сибирской этничности приводила не только к внутриобластной полемике с утопической, восходящей к Щапову концепцией «народно-областного типа» как продукта метисации, она принципиально подрывала эссенциальные основания территориальной

идентичности, к которым весьма часто апеллирует национальное чувство и в числе которых этнографическая специфика всегда была одним из сильнейших аргументов. В этом смысле Потанин оказывался в парадоксальной и, как кажется, весьма выигрышной позиции не только разработчика, но и аналитика «областнической идеи»: «Инстинктивной любви к природе, какую мы встречаем у партикуляристов, у Ядринцева не могло образоваться, потому что Сибирь не однообразна: в ней есть жаркие сухие степи, есть мокрые тундры. Не могло в нем образоваться и непосредственной любви и исключительной привязанности к сибирскому крестьянству, потому что сибирская раса почти не отличается от великорусского племени. И если звуки национальной песни пробуждали в нем расовое чувство, то это были звуки той же русской песни, которую поют в Европейской России. К своим патриотическим чувствам Ядринцев пришел рассудочным путем» [Потанин 1986: 46].

Развиваясь в русле современного национализма XIX-XX вв., областники в разработке концепции самобытной местной истории руководствовались все тем же принципом индивидуализации, фундаментальным для историзма. По-своему истолковывая теорию народной колонизации, во всех исторически сменявшихся одна другую фазах освоения Сибири они видели желание человека жить вдали от государственного контроля. Однако закрепление за Сибирью символического статуса «вольной земли» все же не способствовало достижению искомой цели – равноправия центра и периферии, деколонизации последней. Противоречие, которое были вынуждены разрешать молодые сибирские интеллектуалы, было болезненным. Знатоки столичной университетской среды, завсегда и петербургских журнальных редакций, они не могли не сознавать культурную отсталость своей «родины» («и из всех неравноправий, созданных злой судьбой человечества, самое обидное на равноправие – это неравенство в правах на творчество» [Потанин 1983: 303]). Производство местной культуры, с точки зрения областников, должно стать тигелем, в котором выплавляется «местное самосознание». Таким образом, не

укоренение в косной среде локальных мифов, не ресентиментная подозрительность к центру, считающаяся сутью новейшего провинциализма [Гудков 1998], а попытка решительно преодолеть то и другое стала центральным пунктом исторической концепции областников. В универсальной антитезе *природы* и *культуры* данное обстоятельство предопределило приверженность Потанина, Ядринцева и их последователей к полюсу культуры, институциям, в которых она воспроизводится и, в конечном счете, при всех реверансах в сторону крестьянской среды, – к урбанизму.

Реконструкцию идеологических и культурных параметров областнической программы уместно продолжить на конкретном примере одной из ярких «обсессий» Н.М. Ядринцева – его увлеченностью темой Европы, а в особенности – Франции, столица которой, Париж, сделалась в XIX в. символом имперской централизации, которой областники стремились бросить осмысленный вызов.

4.2. Франция как автоописательный концепт

в риторике раннего сибирского областничества: Н.М. Ядринцев

Наряду с историко-культурной перспективой, особый интерес представляет самопозиционирование сибирских областников в историко-политической повестке второй половины XIX в. Потанин и Ядринцев выделяли для себя страны-ориентиры, изучение региональной политики которых позволяло им точнее локализовать их собственный опыт переживания Сибири, осмысления ее перспектив в составе империи. Особой ролью в этой связи наделялась Франция.

В «словаре» русской культуры Сибири наиболее известным упоминанием Франции, несомненно, стал рассказ В.Г. Распутина «Уроки французского», написанный в 1973 г. Однако за 100 лет до появления этого произведения, у самых истоков сибирской региональной идентичности, дискуссии на

французские темы в среде местных интеллектуалов были весьма распространены.

Пытаясь разместить свою формирующуюся идеологию в широком поле европейских и русских политических дискуссий, создатели сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин превратили несколько крупнейших западных стран в автоописательные концепты, отталкиваясь от которых, оспаривая или принимая господствовавшие в них традиции государственности, они стремились ярче проявить оригинальность как общерусской, так и сибирской региональной исторических ситуаций. Наводя свою рецептивную оптику на европейский мир, первооткрыватели локального сибирского «самосознания» создали в итоге оригинальные местные «прочтения» европейского опыта, своего рода имагологические «тексты» Европы в Сибири. В статьях и эпистолярной Н.М. Ядринцева они представлены весьма ярко.

Первой ближайшей аналогией для Сибири казались Соединенные Штаты. Говоря о Ядринцеве, А.В. Ремнев верно подметил: «...через всю жизнь Ядринцев пронес свое увлечение Северо-Американскими Штатами и уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее» [Ремнев 1997]. Причем задолго до того, как областник действительно побывал в 1893 г. в Северной Америке, параллель между крайней западной и крайней восточной оконечностями европейского мира сказалась в наименовании знаменитого омского процесса 1865 г., инициированного как «дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам» [Дело об отделении Сибири от России 2002]. В Америке областникам виделась сибирская утопия, постколониальное будущее Зауралья.

Другим важнейшим ориентиром в риторике молодых публицистов была Англия. Внимание к Англии в первую очередь обусловлено ее новаторскими практиками административного управления в колониях. Причем закономерно, что в более широком контексте тема господства в колониях выводит

публициста на проблему военно-политического соперничества России и Англии в Азии, знаменитую «большую игру», the Great Game, вдохновлявшую многих – от Р. Киплинга до новейших конспирологов.

Примечательно, что как «американская» проекция сибирского будущего, так и преимущественно «английский» колорит колониальной проблематики эксцентрически выносят интерес Ядринцева за пределы самой России, погружая Русское государство в зону дискурсивного умолчания: ни в образе Америки, ни в наблюдениях о британском обустройстве Индии не просматривается никаких аналогий Петербургу и Москве как имперской метрополии. Иное дело – Франция.

Предваряя анализ, заметим, что намеченная триада автоописательных концептов не является абстракцией: она точно сформулирована в письме Ядринцева к Потанину от 12 марта 1873 г., где сказано следующее: «Я <...> занялся историей провинции в Европе и за океаном при всех ее разнообразных условиях. Для изложения этой истории я хотел взять три исторических типа провинции: провинцию под условиями централизации (Франция), в условиях конституционн.<ого> самоуправления (Англия); федеральную провинцию (Штаты и Швейцария)»[Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину 1918: 14-15].

Сплошное прочтение как ранних, так и зрелых ядринцевских работ показало, что именно связанная с французским историко-культурным миром фразеология, фактография и воображаемая география Ядринцевым остро и болезненно интериоризируются, вводятся внутрь как собственно русской системы координат, так и психологического мира самого повествователя.

Первый и наиболее очевидный слой «французского» у Ядринцева – фразеологический. (Будучи питомцем французского пансиона в Томске, Ядринцев хорошо владел французским языком и даже, как информирует Г.Н. Потанин, преподавал его в 1865 г. «семинаристам, собирающимся в университет» [Потанин 1987: 77])

Уже в одной из ранних статей публициста читаем цитату из лексикона Великой французской революции. “L’histoire... est martyrologue des nations” («История... – это мартиролог народов») [Ядринцев 1919а: 3]. На самом деле 21 сентября 1792 г. Аббат Анри Жан-Батист Грегуар сказал в Конвенте: «История *королей* – это мартиролог народов». На месте «королей» у Ядринцева стоит предусмотрительное многоточие. Примеров такого рода в наследии областника немало. Интереснее, однако, проследить, как из фрагментов растиражированного радикал-революционного словаря, ядро которого в середине XIX в. действительно было франкоязычным, публицист переходит на следующий уровень в процессе приспособления европейских теорий к сибирской повестке дня.

В науке не раз отмечалось, что решающую роль в формировании федералистской теории областников сыграли труды Пьера-Жозефа Прудона [Сесюнина 1974: 94; Серебренников 2004: 38-39; Головинов 2012], и в особенности его работа «О федеративном принципе», которую 12 июля 1872 г. Ядринцев в своем письме к Потанину упоминает специально – как очевидно уже прочитанную. Увлеченный французским анархистом Ядринцев называет его Пьер-Жаком. В следующем письме к своему другу от 30 июля 1872 г. читаем такое признание: «Одним словом, я склонился к теории децентрализации во всех ее фазисах по стопам Пьер-Жака и старался найти ей основания, согласно современному движению политической науки» [Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину 1918: 76].

Однако, как нередко бывает в региональных исследованиях, выясняется, что источником интереса к федерализму, Прудону и французской повестке дня вообще послужили события отнюдь не локального масштаба: в этом смысле было бы неверным рассматривать областников только в перспективе их стремления перенести на свою почву «чужой» понятийный язык с целью создать на его основе «свою» теорию. По уже упомянутому письму от 12 июля 1872 г. заметно, какое сильное впечатление на Ядринцева произвели итоги

франко-прусской войны, окончившейся в январе 1871 г. катастрофическим поражением Франции. Едва ли не в духе Достоевского публицист обрушивается на старое Просвещение и делает весьма своеобразный дискурсивный пируэт, пытаясь увязать военный провал империи Наполеона III с неизжитым влиянием Вольтера, Руссо, но самое главное – традиционной для Франции, как представляется Ядринцеву, централизации.

«Все эти Руссо и Вольтеры, что они дали самой Франции? Что этот народ сам себе дал? Он никогда не умел делать свою историю. Он шлепнулся в высоты своего политического идеализма, и политический идеализм навсегда погиб с ним в волнах истории. Не Бисмарк их разрушил, они сами себя разрушили централизацией. Этот Луи-Блан уже ничего не может сказать нового, изживший труп для конституционного аксессуара, а этот юноша Гамбетта, корчащий республиканского Макиавелли, – они ли пророки будущего? Или это будущее в Кайене только ключ, на который оно заперто в кармане Тьера», – пишет Ядринцев, демонстрируя своё почерпнутое из газет знание французских дел, и наставительно заключает: «...во всей этой истории Франции только уроки отрицательные, она стоит назади других народов. Не французам поэтому мальтретировать англичан и американцев. Здесь есть ядро самоуправления, клеточки этого организма здоровы, сельская община дышит жизнью и научена selfgovernment'ом к коалиции и ассоциации...» [Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину 1918: 53]. Необходимо отметить, что адресат письма Потанин, приверженец Ж.-Ж. Руссо, решительно не принял этого антифранцузского пафоса своего друга. «Я вспомнил Ваше письмо, в котором Вы упрекали французам, что они не умеют сделать свою историю. Вы забываете, что другие, которые умеют-то, делают ее при свете лампы, которую всегда держит Франция. Ведь нигде не умирают за свободу, за человечество. Немец много что ради науки пожертвует своим спокойствием и редко жизнью; из англичан герои только китобои; одни французы умирают за счастье человечества. Чем же они виноваты, что у них такие традиции, такие

образовались исторические рефлексy, что им обратилось в плоть и кровь быть народом-жертвой?» [Потанин 1987: 186] (Письмо от 10 авг. 1873 г.).

Год спустя, словно суммируя цитированные эпистолярные эскапады, Ядринцев создает одну из своих, вне всякого сомнения, программных статей – «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции», которая была опубликована в трех номерах «Камско-Волжской газеты» за 1873 г.

Вначале публицист говорит об особом интересе к Франции как к культурному донору России: позиции истока и реципиента намечаются тем самым весьма реалистично: «Франция с издавна приковывает к себе внимание цивилизованного мира. Едва ли есть страна, к которой бы европейский человек устремлялся с большею симпатией, которая возбуждала бы более энтузиазма. Мы, русские, любим Францию и французов. Наши передовые люди нам часто рекомендовали ее; наше высшее общество получило французское воспитание; наши публицисты и ученые пользовались французскими теориями. У нас до сих пор к этой стране сохраняются симпатии как в либеральном, так и в консервативном лагере» [Ядринцев 1919б: 137].

Сожалев о военном поражении 1871 г. и стремясь обнаружить его внутренние, собственно французские причины, Ядринцев, как кажется, начинает вовлекать французские реалии в актуальный русский политический дискурс, т.е. в широком смысле начинает говорить о Франции при помощи русского понятийного языка. Центральным действующим лицом культурно-политической сцены в России 1870-х гг. было народничество. Областническая «транскрипция» народнических идей заключалась в настойчивом уподоблении «народа» – «провинции». «История провинции, – пишет публицист, – есть история масс, следовательно, по преимуществу *народная* (курсив автора. – К.А.)» [Ядринцев 1919б: 138].

Далее на многообразных примерах автор показывает занявший несколько веков процесс усиления Парижа и ослабления французской провинции, что в конечном счете привело, по мнению Ядринцева, к параличу областных

интеллектуальных и военных сил, не сумевших начать «народную войну». Этот едва ли не толстовский концепт звучит в статье открыто: «Участь Франции, как всегда, была решена Парижем, и нация оказалась неспособной к народной войне» [Ядринцев 1919б: 149-150]. Входила ли «народная война» в планы французского общества, Ядринцева не интересует: воспитанный 1812-м годом отечественный этос без обиняков впечатывается публицистом во французские реалии.

Тем не менее статья «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции» не должна создавать иллюзии совсем уж бескомпромиссной критики автором значения центра. И хотя, с одной стороны, Ядринцев с видимым удовольствием цитирует известную фразу Монтескье о том, что «во Франции есть только Париж и отдаленные провинции <...>, потому что Париж не имел времени поглотить их» [Ядринцев 1919б: 142], с другой же – в вопросе о распространении цивилизации мысль Ядринцева вполне рационально присоединяется к имперской программе просвещения отдаленных периферий. Интересно отметить совпадения именно с французской цивилизаторской программой в колониях. О выражении ее приоритетов автором показательно знакомым с сибирскими областниками и внимательным к ряду положений их доктрины см.: [Данилова 2014: 75 и сл.].

В этом пункте современным исследователям, увлеченным главным образом сепаратистскими настроениями молодых Потанина и Ядринцева, нужно быть очень осторожными в трактовках и вообще избегать излишнего накала страстей вокруг областничества XIX столетия. Характерно, что именно «французский», «английский» и «американский» рецептивные «тексты» Ядринцева позволяют увидеть, как создатель сибирского регионализма пытается рационализировать функции центра и приспособить их к решению «областных» вопросов.

Весьма иллюстративными для этого фрагмента программы Ядринцева являются его статьи «Новые отношения Европы к Азии», «Возрождающаяся

Азия», «Чем мы покорили Среднюю Азию», «Цивилизация и Восток», «Крестовый поход науки на Восток», напечатанные в интервале между 1873 и 1876 гг. – под впечатлением от главных событий русского продвижения в Туркестан. Статья «Новые отношения Европы к Азии» открывается именем Фердинанда де Лессеписа, французского дипломата и строителя Суэцкого канала, а ее продолжение предвосхищает знаменитые предсмертные заметки Ф.М. Достоевского из «Дневника писателя» под названием «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» и «Вопросы и ответы» [Достоевский 1984: 32-40]. Важные замечания на тему «областники и Достоевский» см. в: [Серебренников 2004: 105-112].

Централиста Достоевского трудно заподозрить в каких бы то ни было областных симпатиях и предпочтениях, однако, как известно, централизм соседствовал в сознании великого писателя с убежденностью в первозданной силе простого человека, и в этой точке почвеннический нарратив Достоевского парадоксально пересекался с западническими воззрениями Ядринцева. Областнику важно *приобщить* Азию (в том числе и Сибирь) к Европе, Достоевскому – цивилизовать Азию *в споре* с Европой. По его словам, «в Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы» [Достоевский 1984: 36-37]. Ср. у Ядринцева: «Нечего бояться, что нас назовут “азиатскою страной”, нечего бояться насмешек над нашим слиянием с инородцами на Востоке. Покровительство инородцу, просвещение Азии, помощь другим народностям – роль благородная, гуманная, в высшей степени, до которой только может возвыситься европейский цивилизатор» [Ядринцев 1919в: 137]. «Европейские» стартовые позиции у обоих публицистов различались, но «восточный вопрос» объединял их почти всецело.

В названных статьях Ядринцева областнический сентимент теряет свое влияние, уступая место общецивилизационной повестке, в которой деяния «центра», распространяющего просвещение, органично увязываются с

приоритетами самого областничества. Имя Лессепса, планировавшего, по слухам, распространявшимся газетчиками, заняться проектом сооружения железной дороги из Европы в Китай, делается своего рода символом новой русской политики на Востоке. Дело, впрочем, не в личности самого Лессепса, а в том, как в определенный момент имперская повестка дня вдруг вторгается в областнический дискурс сибирского «патриота» и буквально подминает этот дискурс под себя. Централизм, осужденный в работе «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции», теперь, пусть и с немалым количеством оговорок, задействуется при освещении благотворных усилий европейских и русских властей на азиатских просторах. Вслушаемся в суждения сибирского публициста. «Не может быть, чтобы цивилизованные нации остались равнодушны к судьбе миллионов, ожидающих жизни» [Ядринцев 1919г: 85]. «Нет сомнения, что дорога (сибирская железная дорога. – *К.А.*) послужит не для исключительных интересов кяхтинских торговцев, но будет иметь более обширное европейское значение. Можно надеяться, что она послужит и проводником цивилизации» [Ядринцев 1919г: 85]. «России, при ее географическом положении, более чем кому-либо выпадает на долю подумать о цивилизаторских задачах и создании просветительских средств вроде университетов, обсерваторий, инородческих школ, высшего уровня промышленной жизни...» [Ядринцев 1919г: 86].

На переломе от областнической критики централизма к имперской апологетике просвещения меняется и европейский ориентир Ядринцева: «на смену» Франции приходит Англия. «...В Азии есть сторона, где уже довольно сильно видно проявление европейского влияния. Мы говорим об Индии. Несмотря на своекорыстную политику, англичане в Индостане оказали на народности свое цивилизующее влияние. <...> Англия дала Индии университет (теперь, кажется, уже два), где учится до 2000 индусов. Индусами издаются газеты и переводятся лучшие книги» [Ядринцев 1919д: 90]. Напомним здесь, что университет и издательская деятельность – ключевые аспекты деятельности

самых областников в Сибири. «Итак, европейская цивилизация охватывает Азию с трех сторон: американцы распространяют ее в Японии, англичане в Индии, русские должны будут взять на себя Среднюю Азию» [Ядринцев 1919д: 91]. Примечательно, однако, что сформулированное ранее правило действует и здесь: если Англия снабжает Ядринцева примерами активности центра в колониях, то Франция интересна ему в качестве центра как такового. Можно также предположить, что агентом имперского интереса на перифериях Ядринцев видит самого себя (учтем здесь его роль в работе Западно-Сибирского отдела Русского географического общества), в то время как перед Парижем он чувствует себя вечным провинциалом. Ситуацию можно описать и в терминах психологии: Франция с ее исторической ролью Парижа функционирует в качестве объекта переноса типовой русской ситуации «провинциал в Петербурге», которую травматически пережил буквально каждый сибиряк, учившийся в столичном университете и обивавший пороги столичных газет и издательств.

Здесь мы переходим к последней в данной работе теме – психологическому переживанию Ядринцевым своего французского опыта. Сибирский публицист посещал Францию дважды – в 1885 и 1890 гг. Рассказ «Ночь в “Avenue de l’Opera”» (1896) стал столь же знаковым сочинением внутри корпуса ядринцевской эссеистики, как и статья «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции» – в блоке историко-политических сочинений областника. Такая оценка роли французского текста не наш домисел: если «Судьба провинции...» намекает не только на реалии французской, но и русской централизации, то «психологический очерк», как назвал его сам автор, «Ночь в “Avenue de l’Opera”» перекликается с едва ли не важнейшими в контуре прозы Ядринцева рассказами «Петербург в его прелестях» и «На чужбине (из исповеди абсентеиста)», в каждом из которых детально описана травма провинциального интеллектуала в холодной и безразличной к нему имперской столице.

Повествовательная модальность эволюционирует: в раннем очерке «Петербург в его прелестях» (1861) всецело господствует острабяющий иронический модус – травма отчетливо компенсируется ерническим стилем. Спустя более чем двадцать лет ситуация решительно меняется. В рассказе «На чужбине (из исповеди абсентеиста)» (1883), который презентуется повествователем как отрывок из старого дневника, всецело господствует лирико-исповедальная интонация, служащая не острабяению, а, напротив, углублению чувства фрустрации человека, не нашедшего себя ни в столице, ни в провинции, что, подобно камертону, усиливает и идеологическую установку текста, направленного, в общем-то, на тривиальный для русских реалий процесс: утечку юных «мозгов» с периферии в центр (это и есть «абсентеизм») с последующим романтическим стремлением вернуться «на родину» и неизбежным на этом пути крушением наивных надежд. «С особенным чувством загадочной грусти я смотрю каждый учебный семестр на молодых сибиряков, по окончании курса возвращающихся служить на родину. И благословить их хочется, и грустно за них» [Ядринцев 1979б: 128], – этими словами начинается «исповедь абсентеиста», конфликтом в которой является болезненная раздвоенность субъекта повествования между чуждой ему столицей, с одной стороны, и, с другой – слабыми умственными и культурными силами в Сибири. «Я чувствовал недостаток нравственной атмосферы, необходимой для личности, когда-то хоть раз подышавшей чистым воздухом, я чувствовал влечение к свету европейского мира, к солнечному лучу мирового тепла...» [Ядринцев 1979б: 130].

Как наблюдалось и прежде на идеологическом уровне публицистики областника, парижский локус интериоризирует «русскую» проблематику ядринцевских сочинений. Действенная сила данной тенденции дает о себе знать даже в курьезных примерах применения одних и тех же словесных клише. Так, центральным эпизодом «...Исповеди абсентеиста» является знаковый эпизод пересечения уральской границы во время «бегства» героя-рассказчика из

Сибири: «...Переправа через Обь, Иртыш, последний обоз, последняя сибирская деревня, Урал, прощанье с памятником, отделяющим Азию от Европы, последние кинутые “слеза и роза”. Так я уехал, или, скорее бежал из Сибири...» [Ядринцев 1979б: 129]. Ср. с пассажем о парижском вояже писателя из его письма к М. Лемке: «Я остался одинок в Париже, как везде. Кончил дело, выбросил последнюю увядшую розу из петлицы и выехал» [Ядринцев 1979в: 239 (коммент.)]. Такие совпадения являются бесспорными индикаторами общего, одинакового в обоих случаях, переживания своей психологической исключенности одновременно из областного, столичного и европейского контекстов.

Как из Петербурга в Сибирь уезжал автор «...Исповеди абсентеиста», так и Париж покидал герой «Ночи в “Avenue de L’Opera”»: «С русским идеализмом в душе он уехал тогда из Парижа на практическую работу, где открывалось такое широкое поприще и такая торная дорога для осуществления лучших стремлений. Теперь он знает эту работу, ей были отданы лучшие годы, свежие силы» [Ядринцев 1979в: 231]. Как видим, и общее направление движения (из центра на окраину), и заданная героем самому себе миссия (от теории к практической деятельности) функционально едины, только заменой Петербургу оказывается Париж, а Сибири – Россия. Одинаковы и итоги: крушение иллюзий на скорое преобразование края, считающегося периферийным.

На психологическом срезе поэтики «Ночи в “Avenue de L’Opera”» осознание беспочвенности иллюзий причудливо переплетается с монументализмом геополитических сдвигов: по окончании «романа» с Пруссией в России на волне заключения в 1891 г. нового альянса с Францией усилились профранцузские симпатии. Однако эмоциональный подъем от новых союзнических отношений подрывался, по Ядринцеву, написавшему рассказ именно в феврале 1891 г., слабостью русской общественной среды, которая не могла в новых русско-французских связях четко сформулировать свой собственный интерес: «Мог ли он, – говорит в третьем лице о своем

автобиографическом герое Ядринцев, – <...> утешить этого француза и, положив руку на сердце, сказать: “Мы с вами, надейтесь! Мы не выдадим вас немцам!” Ему казалось, что было время для нас этих симпатий к Франции, время увлечения ею, но оно прошло вместе с иллюзией прошлого, и когда Франция нуждается теперь в нашей помощи, что он мог ответить? Где наши симпатии? Ей-богу, он не мог сказать. <...> Чем же объясняется наше раннее разочарование, наше изнеможение» [Ядринцев 1979в: 234].

Психологический сюжет о выдвижении провинциального автора в столицу – будь то Санкт-Петербург или Париж – в любом случае оканчивался финалом, который воспроизводился в минорных тонах. Для историка сибирской областнической литературы, тем не менее, интересна системная вовлеченность французских политических дискурсов и военно-исторических событий в важные тексты, документировавшие во второй половине XIX в. становление сибирской региональной идентичности. На подобных примерах исследователь в очередной раз убеждается в том, что, обращаясь преимущественно к местному обществу, областники стремились максимально укрепить историко-культурный фундамент своей теории, ввести ее в общенациональные и мировые контексты, не противостоять центру с позиций провинциального партикуляризма, но смело и многогранно взаимодействовать со столичной культурой.

Глава 5. ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИРИЧЕСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

5.1. Образ Сибири и сибиряка в лирике поэтов Красноярского края второй половины XX в. (50-70х гг. XX в.)

В художественном творчестве идентификация чаще всего проявляется в малых формах, в т. ч. стихотворениях. Изучение и типологизация природных знаков и образов, формирующих локальный текст, способствует «интерпретации культурных смыслов, компромиссу, обогащению культуры, выделению самобытного, индивидуального проявления на региональном уровне» [Эпштейн 1990: 11].

В корпусе стихотворений сибирских поэтов конца 50-70-х гг. (И. Рождественский, К. Лисовский, Р. Солнцев и др.) большая часть посвящена Сибири и сибирякам.

Стихотворение И. Рождественского «Мой край» наиболее полно отразило самобытный колорит енисейской земли, воплощающий одно из существующих в народе представлений о Сибири как о райском уголке, земле обетованной:

Где ещё найдёшь края такие —
Хоть пройди полсвета, полземли?
Здесь у нас потоки буревые,
Соболя, пшеницы наливные,
Лиственницы, скалы, хрустали.

Здесь у нас морошка и черника,
Сливы, не боящиеся зим,
Люди здесь от мала до велика
Хлебосольством славятся своим.
Где найдёшь места такие в мире?

Столько птиц и рыбьих косяков!
Столько леса, пашен и лугов!
Столько светлой, необъятной шири!

Это стихотворение отражает лишь одну из составляющих мифа о Сибири, издавна существующем в народном сознании. Природные богатства Сибири, которые могли бы сделать человека спокойным, богатым, счастливым, увидел в Сибири еще протопоп Аввакум. Такова Сибирь в изображении И. Рождественского, подчеркивающего ее сказочное изобилие. Соответствуют такому художественному пространству и населяющие его персонажи, личности сильные, целеустремленные, способные преодолеть любые трудности («Тропа богатырей», «Землепроходец», «Топограф» и др.).

Героями стихотворений И. Рождественского одновременно с лирическими персонажами-борцами с естественными природными условиями являются и другие сибиряки, в характерах которых преобладает душевная чуткость, теплота, внимание к живущим рядом людям и окружающему миру:

Лесничий строгий только с виду,
А сколько в сердце доброты!
Он никому не даст в обиду
Деревья, травы и цветы.
(«Лесничий»)

В русской литературе закрепилось представление о Сибири как о суровом крае: «Уникальное взаимоположение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающего проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [Тюпа 2002: 28]. У И. Рождественского эти черты Сибири отчетливо проступают в стихотворениях, посвященных ее горам, скалам, рекам, в облике которых поэт подчеркивает хищническое начало:

Здесь пороги, зубцами клацая,

Наши лодочки стерегли.
Эх, сторонушка ты ангарская,
От больших городов вдали.
(«Кежма»)

Или:

Метель, волчицей раненой скуля,
Проковыляла и легла в затишке...
(«Метель, волчицей раненой скуля»)

В пейзажной лирике Р. Солнцева, с 1962 г. связавшего свою судьбу с Красноярским краем, преобладают зимние зарисовки. Именно зимний пейзаж, по наблюдению М. Эпштейна, можно рассматривать как конкретное воплощение и развитие темы национального пейзажа [Эпштейн 1990: 169].

В стихотворениях Р. Солнцева 1960-х гг. зима представлена как враждебная человеку пора года, время обмана, пустых надежд и обещаний:

Над станцией морозный, лунный чад...
Молчат тоннели. И леса молчат...
.....
Заходишь, закуржавленный, как в баню,
У ног, как свора белых лаек, - пар.
(«Над станцией морозный, лунный чад»)

Используемые поэтом метафоры подчеркивают агрессивность зимней стихии (сравнение с лайками), ее враждебность человеку (мороз, как чад).

В лирике Р. Солнцева зима изображается как пора проявления силы и мощи стихий Севера; такова она в стихотворении 1964 г., которое так и называется – «Север»:

Под этими прямыми ветрами
не вздуть костра, не взвесь курка.
Кубическими километрами
Перемещается пурга.

Господство зимней стихии заставляет человека осознать свою физическую слабость, но, собрав силы, человек стремится стать сильным:

И в вечном сумраке навечерном,
чтоб телу слабому помочь,
ты, перепутав утро с вечером,
сам установишь: день и ночь.

В этом стихотворении Р. Солнцев стремился передать масштабность происходящих событий, что было характерно в целом для 1960-70-х гг. Решая эту задачу, поэт использует образы, отражающие крайние полюсы жизни природы и человека (утро и вечер, день и ночь).

Человек способен, организовав свою жизнь, свой быт, противостоять мощи природы, испытывая при этом радость от осознания ее силы и величия:

Здесь, где свобода абсолютная,
ты установишь сам себе,
что можно, что нельзя... И смутные
придут восторги по тебе...

Воплощенный в стихотворении «Север» восторг лирического героя – это сознательное выражение человеком уважения стихии, без чего невозможна жизнь на Севере:

Ведь так спокойней и привычнее.
Так можно выжить. Будет ночь.
И будет день. Хотя отличия
Меж ними мне не превозмочь.

Анализируемое стихотворение «Север» отражает характерное для красноярских поэтов представление о Сибири, о северной зиме. Этот же масштаб изображаемой поры года запечатлен и в стихотворениях И. Рождественского:

Ох, и холодно, звезды и те посинели,
И Венера от стужи ушла в облака.

Бросив вызов морозу и дикой метели,
Ты идешь по застругам...
(«Ох, и холодно, звезды и те посинели...»)

В это же время, в середине 1960-х гг., в поэзии Р. Солнцева встречаются произведения с иной тональностью переживаний, пейзажные зарисовки становятся менее масштабными, менее эпическими, усиливается их лиризм, доверительность интонаций. Таково одно из стихотворений 1965 г. («Березовый и чистый, очень зимний»), в котором зима проявляет присущую природе чистоту, ее самодостаточность:

Березовый и чистый, очень зимний,
как пачка «Беломора», мой лесок.
Он наверху, на сопке, сочно-синий,
а здесь он бел и призрачно высок.

Жизнь леса идет сама по себе, вне зависимости от человека. Зимнюю жизнь природы не прекращается, ее тайны оказываются недоступными для человека, который, стремясь проникнуть в глубь леса, остается все же ему чужим:

Я, палки опустив, смежив глаза,
Съезжаю наугад, но тем не менее
расходятся белесые леса,
расходятся березы онемелые.

Эпитет «онемелые» указывает не только на сезонное состояние деревьев, но, может быть, и на их нежелание общаться с человеком. Лирический герой ощущает их существами иного мира:

Как привидения, опять они
Смыкаются – я чувствую спиною...
Вон там, внизу уже горят огни,
А наверху – еще закат стеною!

В конце 1960-х гг. восторг перед гармонией природной жизни становится определяющим во многих стихотворениях Р. Солнцева. Так, в стихотворении 1966 г. «Снег выпал» воплощено радостное приятие мира героем, у которого восторг перед белизной и чистотой снега сливается с восторгом перед возлюбленной. Снег – отражение праздника в природе:

Снег выпал – как в праздник счастливый билет!

Он чудный...

Он, знаете, белый, из снега!

В 1970-е гг. в произведениях Р. Солнцева мы видим и иное значение образа снега как знака многообразия природного мира, в котором между явлениями нет и не может быть четкой границы, раз и навсегда установленной:

Снова снег, переходящий в дождь.

Снова день, переходящий в ночь.

Снова мрак, что переходит в свет.

Снова «да», что переходит в «нет».

Полу-«да», и полу-«нет», и дождь.

Полу-«нет» и полу-«да», и снег.

И сквозь все привычно ты идешь,

С тонкою улыбкой, человек...

В этих строчках воплощено представление поэта об изменчивости мира, в котором герой постоянно находится на границе определенного и неопределенного, на их своеобразном пороге. Более того, для лирического героя отсутствие четкой границы между противоположностями – закон существования человека.

В это же время, в 1970-е гг., в лирике Р. Солнцева воплощается и другая грань отношений человека с Севером. Зима предстает перед читателями не только как пора проявления суровости природы, но и как чрезвычайно важный

период, когда человек в своем желании сблизиться с природой стремится познать самого себя:

...еле бредешь ты сквозь иней падучий,
в глубь проникая снегов и сомнений.

И забываются мелкие страсти,
И остаются лишь главные мысли –
Голые, словно замерзшие чаши,
Ясные, словно морозные выси...

Как видим, в 1960 - 70-е гг. в лирике поэта зима становится порою сомнений, именно зимние переживания заставляют лирического героя Р. Солнцева уйти от мелких страстей, сосредоточиться на главных мыслях. Таким образом, зима соотносится с существенным, основным и главным в человеческой жизни.

В итоговой книге «Серебряный шнур» зимние пейзажи занимают значительное место, есть они и в открывающем книгу разделе «Первые годы XXI века». Здесь также вместо обобщенных образов герой видит отдельные предметы, он стремится постигнуть суть единичных явлений. Философское звучание присуще и зимней зарисовке «Сучья тонут на снегу», герой которой, вглядываясь в снег, начинает осознавать ценность мгновений обычной человеческой жизни:

Сучья тонут на снегу,
На свету нагревшись за день.
Рассказать я не могу,
Как теперь до жизни жаден!
Выпал звонко поршень льда
На углу под водостоком.
Ты скажи мне только: да...
Я умею жить с восторгом.

Я и часу не сгублю.

Если выстрелю – то в десять.

Потому что я люблю.

Изменчивость природных явлений («сучья тонут на снегу», «выпал звонко поршень льда») заставляет лирического героя остро осознать хрупкость человеческого существования и признаться в любви к мгновениям прожитой жизни.

В стихотворении «Среди густого снегопада» зимний снег – явленная герою судьбой возможность по-новому осмыслить свою жизнь, определить место в ней дорогого человека. Зима – тот сон, который позволяет людям почувствовать и продлить мгновение счастья:

Среди густого снегопада

В невзрачном городе чужом

Вдруг ты отстала и пропала...

И я во тьме застыл столбом...

Ты где? – но исчезает голос...

Бегу, ищу – да где же ты?!

Никто не видел? Тьма и холод,

Все окна чужды и пусты.

И вдруг бежишь в метели темной...

Ты?

Я!..

Стоим в краю чужом,

как будто мы и не знакомы...

все годы счастья были сном...

Таким образом, в лирике поэтов Красноярского края 1950-70х гг. отражены разные составляющие образа Сибири. Через пейзажные зарисовки, которые в большей степени становятся описанием зимней природы, зимней стихии, поэты определяют территориальную, природную, психологическую,

мифологическую составляющую региона. Зима предстает и как враждебная человеку пора года, время обмана, пустых надежд и обещаний, как пора проявления силы и мощи стихий Севера, что заставляет сибиряка болезненно осознавать свою физическую слабость и стремиться преодолеть ее, быть сильным, целеустремленным, способным преодолеть любые трудности, определяет его суровый характер. Без сознательного уважения человеком мощи стихии невозможна жизнь на севере. Но, важна и другая сторона: сибирская зима не только проявление суровости природы, но и важный период, когда человек в своем желании сблизиться с природой стремится познать самого себя. Переживания лирического героя, воплощенные в зимних пейзажах, осознаются нами как чувства человека, стремящегося уйти от мелочей и сосредоточиться на чем-то основном, главном, еще не определенном самим героем. Описывая зиму, герой остро осознает хрупкость человеческого существования и не боится признаться в любви к мгновениям прожитой жизни. В пейзажной лирике поэтов Красноярского края, как показал анализ, присутствуют, более того, составляют единство, обе части мифа о Сибири – райский уголок, земля обетованная, и пространство смерти, земля, враждебная человеку. И эта бинарность представляет особенность региональной идентификации и самоидентификации в лирическом дискурсе 1950-70-х гг.

5.2. Маркеры самоидентификации в самодеятельной поэзии жителей Приенисейской Сибири конца XX-начала XXI вв.

Так как самоидентификация предполагает «смыслонаполнение территории», ее «человеческое измерение», то наиболее яркими формами ее творческого освоения становятся малые жанры, к которым относятся государственные гимны, гимны регионов и входящих в их состав территорий. Известно, что гимн – торжественная песнь, которая «служит для выражения

национальных патриотических чувств и исполняется при проведении торжественных официальных мероприятий», спортивных соревнований, национальных праздников и т.п.» [Зотеева 2013: 133]. Генетически этот жанр восходит к древним гимнам, воспевающим богов и героев, и изначально связан с их культами. Исследователи считают, что в современных гимнах «память жанра» способствует актуализации ритуального дискурса, проявляющегося в тексте констатацией участниками самого события, определения его особой ценности, интеграции и консолидации участников в единый коллектив, мобилизации их для совершения определенных действий или формирования соответствующего отношения к событию [Карасик 2002: 399]. Существенной характеристикой гимнов является их направленность на утверждение региональной идентичности, утверждение ее основных маркеров, способствующих совокупной интерпретации смыслов локального текста – «квинтэссенции региональной уникальности, при которой каждый житель соотносит себя и свою позицию с целостным образом региона» [Белкова 2015: 231].

Материалом исследования стали гимны, посвященные Лесосибирску, Енисейску, Северо-Енисейскому, Казачинскому районам Красноярского края и отражающие основные компоненты сибирского локального текста. Рассматриваемые произведения созданы непрофессиональными поэтами, это гимны городов и районов Приенисейской Сибири: городов Лесосибирска и Енисейска, а также Енисейского, Северо-Енисейского, Мотыгинского, Казачинского, Пировского районов Красноярского края, и организаций и учреждений, расположенных на их территориях. Тексты 19 гимнов были собраны в результате просмотрового обследования сайтов городских и районных администраций названных городов и районов, школ, кадетских корпусов, производственных организаций и др. Составляя необходимый для исследования корпус гимнографии, мы обратились к сайтам, поэтическим сборникам, альманахам и т.п. самодеятельных поэтических клубов и

творческих объединений, действующих на указанных территориях: литературное объединение «Зарница» и литературный клуб «Радуга» (г. Лесосибирск), поэтический клуб «Автограф» (г. Енисейск), творческий клуб «Ли́ра» (Северо-Енисейский район) и др. Для анализа были отобраны написанные в последние 10 лет гимны разного художественного достоинства, из которых наиболее известные жителям региона следующие: «Гимн Енисейска» (сл. О. Курушиной), «Гимн Енисейского речного пароходства» (сл. Н. Скобло), «Гимн Лесосибирска» (сл. Л. Проскуряковой), «Гимн Лесосибирского кадетского корпуса им. А.Б. Йордана» (сл. В. Чехонадских), «Гимн Северо-Енисейского района» (сл. С. Коробкова), «Город в зелени лесной» (сл. В. Ивченко), «Город моей надежды» (сл. Н. Бирюк), «Город молодости» (сл. Н. Бирюк), «Город на Енисее» (сл. Н. Бирюк), «Лесосибирский порт» (сл. В. Муханова), «Любимый город» (сл. В. Морозов), «Марш Енисейского казачьего войска» (сл. В. Чехонадских), «Моя Сибирь» (сл. Н. Бирюк), «Наш город» (сл. В. Морозов), «Песня о волшебном полотне» (сл. В. Безцветных), «Песня о Лесосибирске» (сл. В. Муханова) и др.

Авторы анализируемых тестов проживают на указанной территории, т.е. в данном случае речь идет об отражении в художественных произведениях процесса самоидентификации. «Образ мира, созданный в художественном произведении той или иной эпохи, отображает как реалии своего времени, так и отношение к миру в целом» [Суворова 2012: 133]. Интерпретация картины мира, воплощенной в региональных гимнах, определение основных аспектов конструирования авторами этих текстов позитивного регионального имиджа позволяют выявить наиболее значимые маркеры региональной уникальности.

Как известно, гимн, герб и флаг относятся к важнейшей региональной символике, в основе которой природный ландшафт. Справедливо мнение ученых, считающих, что «введение в региональную символику леса и снега, равно как и степи, не может индивидуализировать регион, оно лишь подчеркивает специфику, которая в общем-то свойственна и для соседних

территорий» [Туровский 2003]. Авторы указанных выше гимнов важнейшим маркером идентичности считают Енисей (он назван в 30 % заглавий текстов), что соответствует основному положению регионалистики: река является «ключевым элементом в региональной символике» [Туровский 2003]. Енисей – постоянный географический маркер региона, известный далеко за его пределами, указывающий на место расположения крупных населенных пунктов:

На крутом берегу Енисея
Город юности нашей живет.
(«Любимый город», сл. В. Морозова)

Или:

Лесосибирск, родной наш город,
На реке Енисее стоит.
(«Наш город», сл. В. Морозова)

Или:

Вдоль снежных Енисея берегов
Живет и он, для многих став судьбою...
(сл. В. Бесцветного)

Или:

Средь лесов и болот старый город живет
На могучей и славной реке.
(«Марш Енисейского казачьего войска», сл. В. Чехонадских)

Или:

Енисейск – это маленький город
Над великой могучей рекой.
(«Енисейск мой родной», сл. В. Ивченко).

Образ «великого, «могучего», «величавого», «быстрого» Енисея с берегами «крутыми», «просторными», «широкими», с «порогами» и «огромными камнями» соответствует древнейшим представлениям о реке как

«важном мифологическом символе», «стержне Вселенной», «мировом пути, пронизывающем верхний, средний и нижний миры» [Топоров 2000: 374]. В корпусе рассматриваемых стихотворений это объединяющее символическое значение воплощается в указаниях на то, что Енисей протекает по большой территории:

от могучих Саян до Таймыра
(«Город на Енисее», сл. Н. Бирюк)

Или:

Енисей свои воды несет
До угрюмых полярных широт.
(«Лесосибирский вальс», сл. В. Морозов).

Это центральное положение великой сибирской реки в «сакральной топографии» региона актуализируется образами церквей, расположенных в городах и поселках по берегам Енисея:

Лесосибирск, родной наш город,
На реке Енисее стоит.
Красотою своею нам дорог,
Куполами собора блестит.
(«Наш город», сл. В. Морозова),

Или:

... знаменитейшей иконы созерцали люди плач...
(«Казачинскому району посвящается», сл. Н. Розбицкой)

Или:

Средь таежных морей бьет волной Енисей
И горят над рекой купола.
Через тысячи лет будет знать белый свет
Енисейские колокола.
(«Гимн Енисейска», сл. О. Курушиной)

Как видим, в образе Енисея воплощается мотив соединения прошедшего, настоящего и будущего. Являясь значимым пространственным маркером региональной идентичности, этот образ определяет контекст, в котором происходит актуализация социальных, исторических, культурных, духовных и других особенностей Приенисейской Сибири.

Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию: «Наш северный город таежный» («Любимый город», В. Морозов); «Раздвигает мой город тайгу» («Лесосибирский вальс», В. Морозов), «Любимый край, таежные просторы» («Песня о Лесосибирске», В. Муханов), «...город, тайгою рожденный» («Город на Енисее», Н. Бирюк), «Люблю тебя, таежный мой приют» («Город в зелени лесной», В. Безцветных), «Поселок мой тайгою окружен.// Ему отдали сопки свои склоны» («Гимн о Северо-Енисейском», сл. В.С. Коробкова). Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, указывая природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства.

Авторы анализируемых поэтических текстов акцентируют такие важнейшие маркеры региональной идентичности, как естественность, природосообразность ландшафта (см. приведенные выше примеры), а также традиционные для сибирского характера качества:

В этом городе все настоящее:
И мечты, и любовь, и друзья.
И сердца у людей здесь горячие –
Их теплом не согреться нельзя!
Не богат красотой искусственной,
Но пред нами он честен и чист,
Город молодости, город музыки,
Город песен – Лесосибирск.

(«Город молодости», сл. Н. Бирюк)

Или:

Здесь живут и работают люди –
Настоящие сибиряки.

(«Наш город», сл. В. Морозова)

Как видим, в текстах наличествует утверждающий образ сибиряка.

В анализируемых стихотворениях, представляющих результат художественного осмысления процесса самоидентификации, важное место принадлежит определению поселений Приенисейской Сибири как своей, домашней территории. А это значит, что у населения, проживающего на преимущественно переселенческих территориях Красноярского края (города Лесосибирск и Енисейск, а также Енисейский, Северо-Енисейский, Казачинский, Пировский районы), актуализируется самоидентификация с данным регионом Сибири:

Суров наш край, но все ж сказать нам нужно,
Что он наш хлеб, отец наш и наш дом,
Что славятся здесь люди крепкой дружбой
И честным человеческим трудом!

(«Песня о Лесосибирске», сл. В. Муханова)

Или:

Только я повторяю без устали:
Ты – мой берег, мой дом, моя жизнь,
Город молодости, город музыки,
Город песен – Лесосибирск!

(«Город молодости», сл. Н. Бирюк)

Или:

Енисейск – это сон,
Енисейск – это дом...

(«Гимн Енисейска», сл. О. Курушиной)

Сравнение с домом позволяет говорить о том, что идеи отъезда из региона (переселение в центральные районы России) в Приенисейской Сибири не популярны, так как используемый в текстах образ дома имеет чрезвычайно многослойное символическое значение. Известно, что в культуре многих народов дом выступает в качестве «символа космоса как упорядоченного пространства» [Рогалевич 2004: 96]. Дом отождествляется с родом, с храмом, с человеком. Все это свидетельствует о том, что региональная идентичность как результат самоидентификации в основе своей позитивная, жизнеутверждающая.

Можно отметить активное обращение авторов к историческим и экономическим реалиям региона, способствующим актуализации широкого контекста самоидентификации. Уже в 1990 г. Поль Рикер в своей книге «*Soi-même comme un autre*» подчеркивал: «... идентичность истории образует идентичность действующего лица» [Ricoeur 1990: 175]. Это же мы видим в отражении в анализируемых стихотворениях исторических фактов, связанных с городом Енисейском, основанным в 1619 г., бывшим центром Сибирской губернии (с этим городом связаны многие страницы утверждения христианства в Сибири, а также истории Енисейского казачьего войска и др.), с поселком Северо-Енисейский, возникшим на месте Авенировского рудника и получившим уже в 1840-е гг. неофициальный статус центра золотодобычи, и др. В текстах, посвященных Енисейску и Северо-Енисейскому, активно утверждается историческая составляющая их имиджа (столичный статус, православный храм, золотопромышленность и т.д.):

Был столицей Сибири когда-то:

Все пути – в Енисейск, словно в Рим.

В небеса устремленные храмы...

Над рекой звон малиновый плыл.

Казакам, нашим дедам, спасибо...

(«Енисейск мой родной», сл. В. Ивченко)

Или:

Не так уж и обширен наш район,
Но мускулам страны и он дал силу,
Ведь с самого рождения был он
Основан как валютный цех России.

(«О Северо-Енисейском районе», сл. С. Коробкова)

Правда, следует иметь в виду, что история региона может восприниматься противоречиво, в зависимости от изменения официального взгляда на нее, что в целом характерно для восприятия национальной истории во многих странах мира [Citron 1987].

Что же касается сравнительно молодых поселений, то основное внимание авторы поэтических текстов уделяют образам, связанным с современными достижениями этих географических объектов в экономической и культурной жизни страны. Так, Лесосибирск, появившийся на карте страны в 1976 г., известен деревоперерабатывающими предприятиями, портом, вузами и ссузами, учреждениями культуры и искусства. Неслучайно в гимназах Лесосибирск называют городом молодости, юности:

В школах учатся наши дети,
В институты спешит молодежь.
Счастья большего нет на свете.
Лучше жизни нигде не найдешь.
(«Наш город» (сл. В. Морозова)

Или:

Вот закончился день трудовой,
Отдыхает мой город родной.
Запах свежей ангарской сосны
Навевает спокойные сны.

(«Лесосибирский вальс» (сл. В. Морозова)

Или:

В бескрайней тайге нелегко отыскать

Наш город – лесную столицу.

(«Лесосибирск», А. Иванов)

Несмотря на то, что жанр регионального гимна в XXI в. не стал продуктивным, в малых городах Приенисейской Сибири (Лесосибирске и Енисейске) за последние 10 лет появилось большое количество произведений этой жанровой разновидности, т.е. процесс самоидентификации активно проявляет себя в сфере художественного творчества, претендуя на самое внимательное отношение общества к поднимаемым проблемам.

В лирических стихотворениях самодельных поэтов часто встречающимися природным маркерами выступают дендрологические образы. Если обратиться к литературной традиции, то константными дендрологическими маркерами образа Сибири служат лес, тайга, кедр, ель, сосна.

Образ дерева – один из самых универсальных природных символов, а также символов духовной культуры человечества. Дерево символизирует центральную ось мира, связующую небо и землю; человека и его духовный путь; циклы жизни, смерти и возрождения, процессы обновления и законы бытия. Поэтому в художественном творчестве образы деревьев не только часть пейзажной картины, они отражают процесс самоидентификации, самоопределения, самопознания. «Человек пытается узнать, понять себя, найти себя, обнаружить самого себя среди множества образов, которые существуют в его сознании и представлениях окружающих людей», – указывает С. Гурин [Гурин 2014]. А устоявшаяся система символических значений, по мнению Осборна, обладая эмоциональной силой, воздействием способствует усилению идентификации [Osborne 2001].

В стихотворениях поэтов Лесосибирска и Енисейска представлены разные дендрологические образы: на первом месте береза, образ которой

раскрывается часто и в творчестве известных русских поэтов. Далее, по мере убывания, сосна, ель, кедр, осина, рябина, черемуха.

М. Эпштейн указывает, что образы хвойных деревьев (сосна, ель) в русской поэзии не соотносимы с эмоциональными порывами, а передают погруженность в себя, покой сна, смерти [Эпштейн 1990]. В стихотворениях лесосибирских и енисейских поэтов образ сосны также не характерен для любовной лирики, не связан с выражением преходящих чувств и эмоций, однако он не несет семантики смерти. Образ этого дерева задает вертикальную ось координат, определяя устремленность лирического героя к духовному, вечному.

В песне Н. Бирюк «Город моей надежды» о г. Лесосибирке через вертикаль, обозначенную в образе сосны, утверждается мысль о счастливом будущем города:

Сосны твои тянутся ввысь,
Новый рассвет встречая...

Сосна становится определяющим дендрологическим символом города и в стихотворении В. Ивченко «Енисейск мой родной», в котором ее образ в пространственных координатах верха и низа являет собой верхнюю точку, что обозначено в гиперболе:

В янтарях его сосны в полнеба,
И в рубинах – брусничный ковер.

Янтарь, как символ связи человека с Космосом, а также духовного и божественного притяжения [Жульен 1999] усиливает мотив вечного, устойчивого, непреходящего, заданного образом сосны. Более того, второе двустишие в следующей строфе явно перекликается с предыдущим, задавая вертикаль и усиливая символику сосны как связующей между небом и землей:

...В небеса устремленные храмы,
над рекой звон малиновый плыл...

(В. Ивченко «Енисейск мой родной»)

В анализируемых произведениях присутствуют образы и других хвойных деревьев – ель и кедр, однако они встречаются реже. В образе ели и кедра доминирует чаще всего сказочное звучание, обозначенное метафорически: «ель-недотрога» (Т. Зайцева); «ели-медвежата» (С. Кураева), «кедра могучая стать» (Т. Зайцева):

Ёлка её прикрывает
Лапой лохматой своей,
Шепчет, а что обещает,
Только понятно лишь ей.
(С. Липихина «Падают, падают листья»)

Или:

Кружевные ели –
Взгляд не отвести!
Их наряды – прелесть:
Мимо не пройти!
(Т. Хакимова «Возвратилась сказка»).

Или:

Посмотри: раскинув лапы ввысь и вширь,
Кедр стоит красавец, леса богатырь.
(С. Кураева «Снежная королева»)

Отсутствие семантики покоя, сна, смерти, характерной для образов сосны и ели в русской классической поэзии, обилие и красочность лиственных дендрологических образов позволяют говорить об особом взгляде сибиряков на образ леса вообще. Лес – традиционный образ русского сказочного фольклора, связан с царством мертвых, его населяют темные, злые силы, и герой, преодолевая их, проходя через испытания, становится сильнее, «возрождается». В рассматриваемых стихотворениях образ леса также имеет сказочную семантику: «сказочный бор» (В. Морозов), «сказочная прелесть хвойных лесов» (В. Серков), «объятия царства лесного» (Т. Зайцева), «мы попали в сказку» (С.

Кураева) и др., но лирический герой не испытывает страха, а восхищен необъяснимой, захватывающей сказочной красотой, более того, черпает душевные силы, соприкасаясь с природой:

В объятиях царства лесного
Меняется что-то во мне.
Я – сильная вновь, я готова
К любви, к созиданью, к весне!
(Т. Зайцева «В лесу»)

Или:

В лесу я, как в земном раю,
Он словно островок отрады.
Сюда печаль несу свою,
И лучше доктора не надо...
(В Соловецкая «У ручья»)

Или:

И осенней листвой
Излечу свою хворь...
(Я. Любомиров «Под высокой сосной»)

В стихотворениях лесосибирских и енисейских поэтов встречается много образов лиственных деревьев, что не совпадает с общепринятым представлением о Сибири как о крае, ассоциирующемся с хвойными лесами (М.Ю. Лермонтов «Сосна», Ю. Визбор «Сибирь», Э. Асадов «В тайге» и др.).

Образы лиственных деревьев в рассматриваемых стихотворениях связаны в большей степени с душевными переживаниями лирического героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе. Береза чаще всего олицетворяет грусть и печаль, являясь частью осеннего пейзажа: «печальные березы» (Н. Парова).

Листья роняет березка
и обнаженной стоит,

Как у девчонки-подростка
Сердце стыдливо болит.
(С. Липкина «Падают, падают листья...»)

Или:

А вместо буйства летних грёз –
Предзимняя тоска берез.
(Т. Зайцева «Прекрасна осень!»)

Или:

Вот и береза желтеет,
Август звенит холодком.
Грустною осенью веет...
(И. Кочетков «На исходе»)

М. Эпштейн указывает на эту семантику березы и в русской литературе: «Образ березы в русской поэзии многозначен: в нем и грусть опущенных ветвей, и свет, исходящий от ствола, – светлая грусть, которой овеяно это северное дерево» [Эпштейн 1990: 115].

Буйство природных осенних красок передается в стихотворениях через образы рябины и калины:

Рябина гроздьями играет,
В свои объятья зазывает
рябины поспевший ажур...
(Т. Зайцева «Прекрасна осень»)

Или:

Разрумянились кистья рябины,
И калина горит, как в огне...
(Т. Ляпина «Осень на моей картине»)

«Огненные» образы этих деревьев – продолжение традиций С. Есенина, М. Цветаевой, но в стихотворениях сибирских поэтов нет значения горечи судьбы. Яркие цвета листвы рябины и калины связаны с ощущением последних

теплых дней, дарованных осенью, с чувством умиротворения, растворения в природе.

Через образы деревьев в рассматриваемых стихотворениях авторы осуществляют так называемую внутреннюю идентичность, что «предполагает соотнесенность с единой основой, причастность к общему основанию, совпадение по сути, по природе, по сущности» [Гурин 2014]. Так, в стихотворении В. Лендель единство с сибирской природой, с родным краем обозначено метафорой, раскрывающей внутреннее родство, единение человека и дерева:

Ивы шелестят над бурной речкой,
Свой ведут неспешный разговор...
Приросла к Сибири я навечно...
Ни к чему мне и заводить и спор.
(В. Лендель «Только вот леса давно родные»).

Маркерами идентичности являются в большей степени образы хвойных деревьев – сосны, ели, кедра, используемые и в брендах экономического, социокультурного характера. Образы лиственных деревьев раскрывают интимные, личные переживания лирического героя, тогда как сосна, ель, кедр определяют в стихотворениях отношение к родному краю, выражают процесс региональной самоидентификации.

Таким образом, анализ лирических произведений самодеятельных авторов Приенисейской Сибири показал, что важнейшими маркерами региональной идентичности стали природно-географические образы (Енисей, река, тайга, сосна). Но смыслонаполнение регионального ландшафта в гимнах, воплощающих художественный результат процесса самоидентификации, происходит за счет утверждения и постепенного доминирования традиционных для этого жанра концептов: родина, народ, вера. А смысловое наполнение дендрологических маркеров, рассмотренных в поэтических текстах сибирских авторов, не противоречит общекультурному, что, как справедливо отмечает

А. Беноист, важно для понимания и единения жителей разных регионов, разных стран [Benoist 2013]. Поэты, жители региона, наполняя образ, привносят только оттенок, колорит, определяющий особенность, «самовитость» локуса.

Глава 6. ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБИРЯКА И МАРКЕРЫ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

6.1. Идентификация сибиряка в прозе писателей

Приенисейской Сибири

Вопросы самоидентификации приобретают особую актуальность в переломные времена. Согласимся с И.В. Лысак: «Идентичность формируется в условиях вполне определенной символической культурной среды, и ее необходимым условием является соотнесение человеком себя с определенной социокультурной общностью и противопоставление иной общности. Кроме того, человек должен иметь четкое представление о самой окружающей действительности, чтобы найти свое место в ней. Именно поэтому кризис самоидентификации возникает тогда, когда разрушается привычное социокультурное окружение, воспринимаемое людьми как естественное, когда человек не понимает процессов, происходящих вокруг него, и не может определить свое место в мире» [Лысак 2008]. Одновременно именно в такие эпохи человек больше всего нуждается в поддержке, стремится стать частью определенной (национальной, профессиональной, религиозной) группы людей. Вопросы идентификации и самоидентификации приобрели особое значение в 1970-е гг. Время не перемен, а ожидания их, понимание необходимости изменений в жизни страны и общества привели к обострению многих процессов, в том числе вызвали необходимость осознания своего места среди людей.

Регулярные встречи писателей на берегах Енисея способствовали глубокому осознанию сути сибирской жизни. А. Астраханцев, сформулировав риторический вопрос: «Кто они такие, эти сибиряки?», ищет на него понятный и прямой ответ, прислушиваясь к мнению проживающих здесь людей: «Я утверждаю, что мы русские и пришли в Сибирь вслед за Ермаком. Дед

Терешонков снисходительно ухмыляется, явно сознавая превосходство своих познаний над моими, не торопясь, сплевывает табачные крошки, висящие на сизых губах, и только потом, вдоволь наухмылявшись, объясняет: – Русские русскими, паря, а сибиряки сибиряками. Во-он русские живут, – показал он на избу, в которой жила приехавшая недавно откуда-то семья. – Не знаю, как ты, а я сибиряк. – Сибиряк, но ведь русский же! До Ермака здесь вообще русских не было. В шестнадцатом веке это было, при Иване Грозном, – козыряю я. – Правильно, был Ермак, был, – соглашается дед. – Дак, только он когда-а был! А мы тут всегда жили. И дед мой, и дед моего деда – все тут... Деду я, разумеется, не верил. Я знал, что он просто-напросто чалдон, потомок первых русских переселенцев, однако сказать, что ты русский, в нашем большом старинном селе ничего не значило – с каких-то еще старых времен они делились на чалдонов и кержаков, причем названия этих категорий носили на себе легкий оттенок насмешливости. Село наше было многонациональным: кроме русских жили в нем украинцы, немцы, мордва, но поверх всего этого, вне зависимости от национальности, все делились на «сибиряков» и «приезжих». Потому-то старик Терешонков и не желал называться ни чалдоном, ни русским, а несколько горделиво величал себя «сибиряком» [Астраханцев 1986: 18–19].

В данном фрагменте находит отражение давний спор о содержании понятия «сибиряк». А. Астраханцев предлагает и другую постановку вопроса: «Что такое «сибирский характер?». Ответ: «Это характер, воспитанный местными, сибирскими условиями жизни» [Астраханцев 1986: 20], недостаточен. Первая основополагающая характеристика, которую писатель дает сибиряку: «...сибиряк – это совсем не медведеподобный бородатый монстр в тулупе и пимах. Может он, конечно, носить пимы или сапоги, мятый пиджачишко, засаленную кепчонку, а может и элегантный костюм, и супермодную одежду. Может быть, даже с бородой – не в этом суть. Но вот, к примеру, садитесь вы в междугородный автобус, который везет вас из пункта А в пункт Б где-нибудь в глубинке Центральной России. Через пятнадцать минут

начинаются разговоры, а через два часа весь автобус наговорился обо всем. Не то в Сибири: можно ехать и час, и два, и четыре (дороги здесь длинные), и все в гробовом молчании. То есть говорят, конечно, и здесь, но две-три фразы, по делу, и опять молчок. А если разговорится не в меру кто-нибудь, будь то мужчина или женщина, все в автобусе поочередно повернут к нему голову и недоверчиво изучат взглядами: явно чужак. И девять против одного, что этот болтунишка, если только не под хмельком, действительно не коренной сибиряк» [Астраханцев 1986: 20]. Сибиряк – человек молчаливый, попусту говорить не любит.

Другое наблюдение: «Сибиряки более мобильный народ. Видимо, дает себя знать беспокойный, романтический дух предков, однажды сорвавшихся с теплых насиженных мест и тронувшихся в неизвестность, будь то предки в десятом колене или всего лишь папа с мамой. Попробуйте в Сибири найти в глухой тайге, в далеких горах, на гольцах нехоженые, нетронутые места — нет в Сибири таких мест. За сто, за двести, за триста километров от дороги, от ближайшего населенного пункта – везде толкуются люди, идут и идут охотники, шишкарки, ягодники, черемошники (черемшу ищут), травники, просто лесные бродяги – есть и такие, ищут каждый свое счастье, свой фарт. Кажется, зачем бы ягоднику, например, ехать за столько километров, когда можно набрать ягод за тридцать - сорок? Ан нет, он ищет свои, заповедные места и верит, что они обязательно еще где-то есть» [Астраханцев 1986: 21]. Писатель замечает: «Любовь сибиряков к перемене мест частенько не только тянет их шататься по таежным дебрям, но и забрасывает в дальние края: на Север, на Дальний Восток – на Чукотку, Сахалин, Курилы; на Запад – в Молдавию, на Украину, в Центральную Россию, в Прибалтику» [Астраханцев 1986: 22]. Задается А. Астраханцев и вопросом: почему возвращаются? «Причины же, чаще всего, бывают какие-то невразумительные, даже как будто несерьезные: по тайге соскучился, по рыбалке, по хорошей, вкусной картошке, за грибами сходить некуда, люди там какие - то не такие простые, соскучился по простору, по

хорошему морозу, по яркому солнышку и т. д.» [Астраханцев 1986: 22]. Еще одно важное качество замечает писатель в сибиряках: «Сибиряки очень любят природу и не представляют себе жизни без активного и регулярного общения с ней. В городах в выходные ... идет сплошное, массовое переселение за город» [Астраханцев 1986: 21]. Таким образом, А. Астраханцев, рассуждая об идентифицирующих сибиряка признаках, утверждает, что сибиряк – это не национальность, скорее, признак территориальный. Среди качеств характера сибиряка писатель называет скупость на слова, охоту к перемене мест, особый характер взаимоотношений с природой.

В литературе Красноярского края особое значение имеет исследование сибирской идентичности в историческом аспекте. Во второй половине XX в. были напечатаны исторические романы Д. Балашова, В. Пикуля, Б. Акунина и др. Они получили заслуженное признание у читателей и критики. Исторические сказания о сибирской земле принесли мировую славу писателю А.Т. Черкасову. Его традиции плодотворно были продолжены писателями-красноярцами А.И. Чмыхало, Ж.П. Трошевым, А.М. Бондаренко и др.

А.М. Бондаренко живет в Красноярском крае и пишет о природе и о людях Сибири. Три книги под названием «Государева вотчина» автор посвятил далекому прошлому Сибири – времени прихода на ее земли русских служилых людей. Замысел исторического повествования он объясняет так: «Я родом из села Маковского, где казаки в 1618 году поставили первый острог в Восточной Сибири. Потомки их до сих пор там живут, так что, наверное, сама судьба повернула меня к этой теме.<...> Подумать только, 70 человек шли по Енисею под руководством Рукина и Албычева – песчинка среди массы инородцев! <...> Голодали они, мерзли, теряли друзей, но дошли и основали острог, выполнили свою задачу. Героические это были люди, как же о них не писать?» [Бондаренко 1999].

А.М. Бондаренко обращает внимание читателей на характер рассуждений служилых людей перед походом в Сибирь. «Наше дело – государю бить челом

и ясак справно собирать с нехристей», – говорит герой Петр Албычев. «Наше дело государево, и поступать нам надобно, как повелел государь наш», – вторит ему другой – Черкасс Рукин.

«Степанко, казалось, и рожден для того, чтобы всю жизнь исправно трафить государево дело», – рассуждает уже автор. Поход в Восточную Сибирь казаки и «гулящие» осознают как свою судьбу, как «добровольную невольность». Автор убеждает читателей в наличии высокой гражданской позиции государевых служилых людей, которая стала основой успешного исполнения порученного дела. А.М. Бондаренко не исключает того, что им была присуща и романтика подвигов – «первыми идти в места дальние тунгусские, места, никем не знаемые, первыми ступить на эту неведомую самому государю землю», и «тайные думки обогатиться в суровом неведомом краю» [Бондаренко 1999].

На начальном этапе похода служилые воспринимают Тунгусию как чужую сторону: «Глухомань беспросветная на многие версты. Одному Господу известно, куды приведет Большая звезда». Она представляется им «гиблым местом», «глушью кромешной», «землей необетованной», но все-таки «государевой инородной вотчиной».

Песни казаков очень точно отражают их отношение к сибирской земле:

«Да со милой-то я в разлуке
Разлучила нас беда:
Неволя чужа, дальняя сторона,
Да чужа дальняя сторона» [Бондаренко 1999].

Заметим, что «чужа сторона» воспринимается каждым как судьба и поэтому в песнях называется уже ими «своей стороной»:

«Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая!».

Таким образом, Сибирь осознается «первоприборцами» как причина разлуки с милой стороной, как источник будущих бед и лишений, как земля, в которую они идут всего лишь на год по воле царя.

С первых страниц повествования автор подводит читателей к пониманию того, что вся природа неласково принимала пришедших: то солнце «не хотело жалиться над людьми-скитальцами. Оно жарило сверху во всю силу, в досталь, как могло», то «хмарь несусветная» окутывала тайгу»; даже «вода в реке точно обезумела – волны поднимались выше бортов кочей, потоками катились сверху», а «от кровососов-гнуса лица служилых людей, как подушки, пухлые стали, глаза дымокурами выедает».

А.М. Бондаренко начинает историческое повествование об освоении приенисейских земель с трагического события: «Ваську Ворожея заломал медведь» [Бондаренко 1999].

Следует отметить, что в одной из своих повестей («Шатун») писатель создал образ медведя, который защищал тайгу от варварского отношения к ней человека. В мифологическом сознании многих народов медведь понимается как «хозяин» леса, или земли. Так, можно предположить, что героя повествования Ваську Ворожея «заломал» хозяин территории, законами которой казак пренебрег: он отделился от товарищей и ушел вглубь тайги по нужде. В определенном смысле Васька стал первой жертвой сибирской тайги.

С другой стороны, медведь, как мифологическое божество, получил жертву от служилых людей и заставил их жить по своим законам.

Автор акцентирует внимание на том, что казаки в дальнейшем не могли следовать некоторым указам царя. Государь приказал им поставить острог в определенном месте, но случилась лютая зима, и поэтому первый острог им пришлось поставить в другом.

Намереваясь на новом месте сначала построить избы – «уж шибко хотелось погреть замерзшие косточки в теплой рубленой избе», они вынуждены были строить амбар для съестных припасов, чтобы «мыши не

точили провизию, дождь не мочил, не сырела от земли». Чужая сторона диктовала им свои законы – и «первоприборцы» научились соотносить свою волю с окружающими обстоятельствами.

Проживавшие на берегах Енисея народы воспринимались пришедшими как чужеродные: «злынь несусветная», «нехристи», «самоядь нечистая». Служилые осознавали, что «какая-то непреодолимая пропасть отделяла их от инородцев. Будто далекое замшелое и совсем позабытое прошлое столкнулось вдруг с современным, прогрессивным и реальным настоящим. И было трудно преодолеть ту грань, разделяющую прошлое и настоящее».

Так, два встретившихся мира противостояли друг другу, но в то же время они были «принадлежностью» единой «государевой вотчины».

Постепенно русские люди начинают чувствовать себя в Сибири как дома, она уже не кажется им смертельно опасной и суровой: «Служилые, оживающие дикие места, повеселели, как муравьи, работали скопом, от темна до темна». Герои замечают: «Вовсе-то не гиблый край с погаными инородцами. <...> Это наша земля, русская»; «какое богатство», «чудна сторона», «землица тут твердая, примет нас», «красотишша какая!».

А. М. Бондаренко, во-первых, обуславливает факт быстрого и успешного продвижения русских, их «вживания» в условия сибирской земли осознанным исполнением служилыми своего долга («Никто из них не бранит судьбину; устремленные вперед, они смело идут навстречу немалой опасности, прибирая вольные туземные земли под государеву руку»); во-вторых, видит в этом проявление высших сил: путь их лежал «встречь солнцу», а его указывала «Большая звезда» (Большая Медведица). Повествование о строительстве Енисейского острога автор предварил в романе глубоко пафосным рассуждением: «Огромная страна Тунгусия, и им выпала великая честь прочувствовать сердцем ширь ее.<...> Об истории они не думали».

Таким образом, повествуя о трудном пути героев, автор развивает тему служилых людей в двух планах: с точки зрения службы и служения.

Предпринятое «первоприборцами» служилыми дело, в его понимании, не просто выполнение государственной службы, а служение – выполнение святого долга по родовой памяти, которое потребовало от них напряжения не только умственных, физических, но и духовных сил.

Значимым в этом смысле оказывается название повествования – «Государева вотчина». Слово «вотчина» имеет значение «родина, место рождения», «отчая земля», т.е. «родовая земля», что позволяет рассматривать Сибирь как прародину пришедших в нее служилых людей.

В романе «Государева вотчина» характерные качества сибиряка, в понимании автора, наиболее ярко и полно представлены в образе Степанки Мещеряка.

В художественной форме писатель изобразил нравственный облик сибирского казака-енисейца. В енисейской провинции нет деления по национальному признаку. И хотя население в своем составе многонационально: русские, украинцы, латыши, эстонцы, немцы, татары, евреи и др., – все именуют себя за ее пределами сибиряками, подчеркивая приоритетность объединяющего свойства.

Сибиряк – это с точки зрения науки качественно новый субэтнос, образовавшийся вследствие смешения культурных традиций аборигенов Сибири и русских землепроходцев. А возникновение нового субэтноса ведет за собой и образование особого стереотипа поведения. Самосознание, как известно, формируется в определенной географической и социальной среде, окружающей человека. Сибиряк как субэтнос воплощает в себе культурные традиции великороссов и аборигенов.

Герой романа казак Мещеряк изображается автором уже состоявшимся воином, побывавшим в походах по царскому указу. Степанке шестьдесят лет, он уже не раз участвовал в дальних походах, воевал вместе с Ермаком. Он всю жизнь верой и правдой служил государю. От постоянных походов он был весь в

рубцах. Но в этих бесконечных походах он не приобрел богатства. Не за почести нес Степанко службу, он исполнял свой долг.

Становление Степанки как хорошего служилого произошло еще до описываемого похода, в процессе долгой службы. Ко времени похода он был уже достаточно опытным человеком. Именно с осознания себя хорошим казаком и начинается путь развития самосознания Степанки.

В силу своего знания и опыта Степанко во время похода в Сибирь сознает себя человеком, который может и должен помочь другим. В отряде Петра Албычева и Черкаса Рукина Степанко самый старший, поэтому к его мнению прислушиваются, ему доверяют самые трудные дела, но и он чувствует свою ответственность за весь отряд.

Писатель отмечает как одну из основных черт Степанки «радушие», его сердечное, ласковое и открытое отношение к людям. Он подчеркивает, что сибиряк славился «во все времена своим неподдельным гостеприимством», способностью даже в самые трудные времена накормить досыта, не требуя взамен платы. Не случайно самыми частыми определениями Степанки в романе являются «хлебосол» и «доброхот». В словаре В.И. Даля слово «доброхот» трактуется как доброжелательный, радушный, благосклонный человек, «покровитель и радетель». «Хлебосол» – человек, готовый принимать у себя гостей, угощать их, держать открытый стол и давать званые обеды, человек, который живет открыто. Все эти характеристики в полной мере свойственны Степанке. Он все делает для блага других, старается не для себя, чтобы «служилый был сыт и одет, спал спокойно, работал от души». Как хлебосол, Степанко старается, чтобы служилые всегда были сыты, а в праздники хочет порадовать их, накрывая богатый стол и украшая помещение.

Даже в далекой Сибири ему удастся сделать так, что служилые чувствуют себя как дома, у него всегда все находится: «Не впустую старался Степанко – сам хотел хорошего праздника. Хлебосол загодя наломал березовых веток, расставил в избе по углам. Густо пахло черемухой. Все здесь благоухало и

манило свежестью. <...> Столы ломились от жареного, пареного, вяленого мяса диких зверей и боровой дичи, лесной ягоды, кедрового ореха». Степанко беспокоится и за здоровье служилых. Он долго корил себя за то, что не доглядел, когда у служилых началась цинга. Особенно он старается помочь тем, кого любит, кого считает хорошими людьми. Так, за Ондрюшку, которого он любит, как своего сына, он замолвил слово перед поводырем: «Сердце ликовало, что для своего приемыша Ондрюшки сделал послугу. Не загинет на государевой службе». Живет Степанко открыто, ничего не тая. Служилые всегда надеются на него, знают, что он всегда поможет, посоветует. Именно поэтому Давыдка, когда на душе у него плохо и он чувствует, что надо кому-то высказаться, идет к Степанке. Чувство ответственности за судьбу младших казаков – одно из самых ярких качеств героя романа.

А.М. Бондаренко считает, что именно сибирякам свойственна постоянная тяга к общению, привычка работать сообща, помогать друг другу. Степанко, подобно Тарасу Бульбе, произносит в романе очень важные слова о товариществе: «Оно, братство наше, дороже всего на свете». Можно сказать, что поведение и осознание Степанкой себя в качестве доброхота и хлебосола – следующий этап в становлении его самосознания.

Степанко осознает себя не только служилым, но и представителем всего русского народа и государства. Из всех служилых поводыри в посольство выбрали именно Степанку, так как он самый опытный. Но Степанке быть послом впервые, поэтому он сомневается: « Да могу ли я? Это ить не черемшу собирать в логовинах. Кабы не осрамиться при таком деле». Он боится ударить в грязь лицом и, таким образом, опозорить себя и русский народ. Для него это большая ответственность. Но Степанко соглашается, так как привык выполнять все порученное ему. Он старается сделать все как можно лучше, чтобы соответствовать ситуации.

Прожив в Сибири годы, Степанко остался «верен исконным традициям», сложившимся на Руси. Прежде чем предпринять что-то важное, он обязательно

«перекрестится, поклонится до земли воинству». Так, одной из первых его забот в Сибири стала забота о строительстве часовни.

Отмечает А.М. Бондаренко в рассказах о сибиряках их любовь и способности к задушевному пению, коллективному исполнению русских протяжных песен. «Песня летела окрест, трогая сердце русского человека», – замечает автор в одном из повествований о своих современниках, которые унаследовали от предков духовную культуру. Отметим, что герои романа, суровые и мужественные люди, тоже поют задушевные песни. Особый дар пения есть у Степанки: «Пущай свою, Степанко. У тя она будто до нутра достает». Песня обладает великой силой воздействия на русского человека, она «выводит» наружу глубоко спрятанные чувства, тревожит душу, то есть песня способствует пробуждению, развитию души, но самое главное, она говорит о ее наличии у сурового казака.

Несмотря на все суровые испытания, выпадавшие и выпадающие на долю сибиряков, они, по мнению автора, остаются оптимистами, не теряют способность видеть во всем светлые стороны, верить в будущее, в успех. А.М. Бондаренко указывает на то, что сибиряк всегда верен исконным традициям, заложенным накрепко предками.

Выступление Степанки в качестве посла русского народа, его представителя, сохранение и соблюдение традиций и многих качеств, свойственных всему русскому народу – следующий этап в развитии самосознания Степанки. Он сознает себя принадлежащим русскому народу, и в этом проявляется его родовая память.

Наконец, Степанко приходит к заключению, что ему, старому казаку, нужно прирасти к одному месту на земле. Именно в Сибири он решает пустить корни. Мещеряк, несмотря на то, что постоянно находится среди людей, понял, что он одинок в этом мире. В Сибири Степанко удалось обрести семью. Детей у него своих не было, но как родных он полюбил двух служилых, Ондрюшку и Давыдку. Затем он также полюбил и детей Ондрюшки. Встретил Степанко в

Сибири женщину, которую полюбил и которая полюбила его и тех, кого любит он.

Таким образом, Степанко в Сибири нашел то, к чему человек стремиться должен, здесь он обрел счастье. Одиноким он уже себя не чувствует, так как нашел дом с людьми, которые любят его, которым он нужен. Степанко уже осознает себя жителем Сибири. Любовь, желание прирасти к земле, обретение семьи – все это способствовало признанию Сибири своей «вотчиной».

А.М. Бондаренко не случайно наделяет своего героя именем Степан. Степан в переводе с греческого «венок». Слово «венок» соотносимо со словами «законченность», «совершенство», «вознаграждение», «самая высокая степень духовного развития», «символ успеха, достоинства и господства». Все эти значения можно соотнести со Степанкой. Законченность и совершенство в Степанке проявляются в том, что он сумел найти свое место в жизни, он понял, что должен жить для других, наставлять и помогать. Степанко уже сформировавшийся человек, который живет по законам чести, правды, он любит людей. Можно сказать, что он достиг высокой степени духовного развития: он соблюдает все христианские обряды, бережно относится к природе, живет праведно в мире людей. Степанко – достойный человек, его все любят и уважают, даже поводыри с ним советуются. Следовательно, он в какой-то мере имеет власть над остальными, так как самый старший и опытный. Пережив много трудностей, честно выполнив государеву службу, он получил вознаграждение: его заслуги отметил царь, люди относились к нему с уважением.

Итак, герой А. Бондаренко является одним из славных государевых служилых, от которых пошел род современных сибиряков. Он прошел долгий путь духовного развития: от осознания себя опытным казаком, полезным для своего окружения, до понимания того, что он представитель русских, пришедших в Сибирь, и, наконец, пришло осознание себя сибиряком, жителем особой русской земли – «земли-дикуши», но все-таки «государевой вотчины».

Многими качествами, которые заложены в Степанке, обладает в романе и Намак, коренной житель Сибири, вождь племени тындыгетов. Намак – опытный, мудрый человек, храбрый воин. Он хорошо знает законы предков и руководствуется ими в жизни.

Намак славился своим гостеприимством, почтительным отношением даже к врагу, если враг – его гость. Он пытается делать все необходимое для того, чтобы его люди жили хорошо. Как вождь, как старший из всех, он чувствовал свою ответственность за людей стойбища, за каждого человека в отдельности. Намак хорошо разбирался в людях, думал о чувствах окружающих его людей.

Таким образом, и лучшие из сибирских аборигенов, и лучшие из пришлых русских людей в художественном сознании автора обладают одними и теми же нравственными чертами, что может быть следствием одних родовых корней, одной родовой культуры. Как показывает практика, к какому бы народу ни принадлежал пришедший в Сибирь человек, жизнь в этой земле, ее климат, мир окружающей природы делают человека сильнее физически, нравственно чище, мудрее и опытнее, а самое главное, учат ценить окружающих людей.

6.2. Хронотоп Сибири в литературе писателей Красноярского края второй половины XX в.

Проблемы региональной идентичности особую актуальность приобрели в конце XX в. Кризис идентичности, связанный с глобализацией, обусловил «идентичность места» как более значимую систему координат, так как она «может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символистские опоры» [Жульен 1999: 216]. По словам Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [Осборн 2001].

Глубокий обзор историографической литературы конца XIX – начала XXI в., касающейся проблемы этнической идентификации хакасского этноса, выполнен Н. Неволко [Неволко 2011]. Влияние «информациональной экономики» на социальные процессы, в том числе сохранение идентичности, изучает М. Кастелльс [Кастелльс 1996].

В ряде работ рассмотрены вопросы самоидентификации жителей Приенисейской Сибири. Так, описаны особенности проявления региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе [Веккесер и др. 2016], охарактеризованы специфические черты литературы и фольклора региона [Мазуров и др. 2010; Славкина и др. 2016], выявлены маркеры региональной самоидентификации [Мамаева 2016], социолингвистический аспект региональной идентификации представлен в работах С.В. Мамаевой, И.А. Славкиной, Л.С. Шмутьской, М.В. Веккесер.

Изучению литературного дискурса посвятили свои исследования К.В. Анисимов [Анисимов 2005], Е.Ф. Гудкова [Гудкова 2007], С.В. Мельникова [Мельникова 2015].

Методологической основой являются работы М.М. Бахтина [Бахтин 1975] и В.И. Тюпа [Тюпа 2002], полезными стали также идеи Дж.Г. Мида, касающиеся таких вопросов, как социальная природа человеческого Я и сознания, роль взаимодействия с другими и принятия их установок [Мид 1934].

Понятие хронотопа, введенное М.М. Бахтиным, соединяет пространство и время. «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 235].

Считается, что литературное освоение Сибири начинается с «Жития пророка Аввакума, им самим написанного». По замечанию Е. Гудковой:

«Сибирь в его произведении хронотопична и предстает в нескольких хронотопных плоскостях. Во-первых, как место ссылки, гиблое место (социально-географическое пространство). Во-вторых, инициальное пространство, и, в-третьих, крестный путь, божий промысел» [Гудкова 2007]. Позднее возникает другой хронотоп – представление о Сибири как о богатом, вольном крае. С появлением произведений собственно сибирских писателей это представление расширяется. Сибирь перестает быть чужим, сонным, гиблым местом.

Повесть Н. Волокитина «Демидов кедр» строится на оппозициях «тогда/сейчас», «там/здесь».

Повесть открывается описанием пышной, яркой осени: «Подобралась к Вагино осень. Зарумянились, вспыхнули снегириным огнем осины, пошли желтыми пятнами березы и тополя, побурели на сограх еще недавно ярко-зеленые, буйные черемушники и смородинники» [Волокитин 1981: 137].

Использованные эпитеты («ярко-зеленые», «желтые», «снегириные») неразрывно связывают прошлое настоящее и будущее. Рядом возникает картина зимы: «Но как-то налетел резкий сиверко,дохнул студено на березы, осины, на ракитники и черемушники... А там и до снега недалеконько. Оглянутся не успеешь, как повалит и более чем на полгода все дорожки и тропки покроет» [Волокитин 1981: 138].

Действие привязано к точно указанному месту – деревне Вагино. Противопоставление «тогда/сейчас» осуществляется на уровне синтаксической единицы («А когда-то здесь, как и в Сполошном сейчас, всю кипела жизнь» [Волокитин 1981: 138]).

Названия исчезающих деревень (комонимы), рассыпанные по всему тексту, выступают в качестве географических маркеров регионального пространства. Когда-то деревни были многолюдными, ладными, сильными («веселый» Табор, «тихая» Осинровка, «древняя» Закемь, «крепко сбитый» Дембор и др.). Сейчас деревни – «пустынные».

Изменился облик тайги: ср.: «в прежние времена сколько там малины да шиповника было» [Волокитин 1981: 145]), сейчас: «затянуло все, как крапивой, мелколесьем, и малиннику с шиповником конец наступил» [Волокитин 1981: 138]. По-другому выглядит река: «В Шилке совсем паршивая рыба сейчас: чебак, красноперка да ерш с пескарем – вот и все. Полуязок какой – так изредка попадает. А раньше и щука-метровка не редкость была, и язя добывать приходилось» [Волокитин 1981: 138].

Статичное пространство, таким образом, вписывается в динамичный поток времени и становится этапами временного процесса.

Хронотоп Сибири качественно меняется: сейчас – это «мертвый» край, но не в силу природных условий (долгая зима, убивающие все морозы), а в результате деятельности человека (вырубленная тайга, захламленные реки и озера, исчезнувшие деревни).

Одним из устойчивых маркеров регионального пространства стала река. В произведениях писателей Приенисейской Сибири художественные функции образа реки разнообразны. Это не только знак, привязывающий к месту действия, но и смыслообразующий образ.

Особое место образ реки занимает в произведениях В.П. Астафьева. Общеизвестно утверждение о том, что внимание писателя к образу реки связано с памятью о матери. Река в произведениях писателя – многогранный образ.

В рассказе «Васюткино озеро», повести «Перевал» река выполняет спасительную функцию. Героя рассказа Васютку, заблудившегося в тайге, речка, вытекающая из озера, вывела к спасительному Енисею. Из состояния сиротства выводит река мальчика-сироту Ильку – героя повести «Перевал». Илька надеется, что река поможет ему попасть к бабушке, обрести семью.

Образ реки в повести «Стародуб» связан с амбивалентной символикой воды.

С одной стороны, старожилы радуются дождю, поскольку земля нуждается в воде, в противном случае неорошенная (неосеменная) земля останется бесплодной, что влечет за собой голод. С другой стороны, вода в виде реки для вырубчан опасна, поскольку только река связывает их с большим миром, создавая тем самым угрозу жизненному укладу. Река позволяет открыть богатства тайги добрым людям, органично включенным в природный мир, и утаить от злых людей.

Образ реки смыслообразующий в рассказах «Последнего поклона». В заглавном рассказе книги «Далекая и близкая сказки» В. Астафьев соединяет образы реки и музыки: образ музыки создается через образ бегущей воды: «Но не стало Енисея, ни зимнего, ни летнего; снова забила живая ниточка ключа за Васиной избушкой. Ключ начал полнеть, и не один уже ключ, а два, три, уже грозный поток хлещет из скалы, катит камни, ломает деревья, выворачивает их с корнями. Несет, крутит... И кажется мне, что музыка эта течет вместе с ключом из-под горы. Кто-то припал к ключу губами и пьет, пьет и не может напиться» [Астафьев 1971: 131]. Соединяя образы реки и музыки, писатель выражает идею безграничной мудрости и вечности мироустройства и миропорядка, мысль о том, что в мире торжествует гармония: «Еще никогда не казался мне мир таким потаенным и величественным. Его спокойствие и беспредельность потрясали» [Астафьева 1974: 71].

Идея торжества жизни заложена в рассказе «Зорькина песня».

В работе «Художественная картина мира В.П. Астафьева» нами было установлено, что образ поющей земли дополняется новыми деталями: «наговаривает на перекатах речка», зорька славит приход утра своей песней и др. [Мазуров и др. 2010]. Все это звуки земли, ее вечная музыка.

Образ реки появляется в начале рассказа. Сначала это покрытый туманами Енисей, затем небольшая Фокинская речка, затем опять Енисей, впадающий в студеное северное море. Река вместе с землей, небом, солнцем служат опорными точками того мира, в центре которого находится герой.

Характеризуя Фокинскую речку, писатель использует слова, имеющие корень «говор»: она «картаво наговаривает на перекатах», «делается говорливей», ее «говор» обрывается. Значение слово «наговор» в толковых словарях определяется как «заклинание, имеющее магическую силу», то же что «заговор». Наговоренная вода – целебная вода. В рассказе из Фокинской речки «брали на поливку гряд, в баню, на питье, на варево и парево» [Астафьев 1974: 22]. Это только одно из значений образа реки как силы, питающей все живое.

Предлагаем еще одну цитату: «Тонкой волосинкой вплеталась речка в крутые седоватые валы Енисея, и голос ее сливался с тысячами других речных голосов, и, капля по капле, накопив силу, грозно гремела река на порогах, пробивая путь к студеному морю... и как бы живую жилой деревня наша всегда была соединена с огромной землей» [Астафьев 1974: 22].

Писатель продолжает развивать мысль о питающей силе воды. Как известно, реки и их притоки подобны разветвляющимся кровеносным сосудам. Они символ щедрости и источник плодородия земли. Вторая идея – идея «капли и океана». Это идея всеобщей взаимосвязанности и взаимозависимости. Герой Астафьева чувствует тесную связь с миром природы, со всей вселенной, он ее неотъемлемая часть.

Астафьевские реки Мана, Онья, Энде, Амыл, Курейка, Боганида, Фокинская, наконец, Енисей (потамонимы) – кормилицы и труженицы. По ним непрерывно плавают или идут герои. Они связывают человека с миром, избавляют от чувства безнадежности и потерянности.

Создавая образ реки, В. Астафьев тщательно отбирает каждое слово.

Образ Енисея центральный в рассказе «Предчувствие ледохода». Используя прием олицетворения, писатель создает яркую картину ледохода: «Натужно дыша и разъяриваясь, река вроде бы скребет и бьет копытом по дну, готовясь к рывку, к сокрушению всего, что есть на пути. Больше ей невоготу терпеть и ждать, пришла пора ломаться, двигаться» [Астафьев 1974: 78]. Река в этом описании уподобляется некоему мифологическому персонажу,

наделенному первобытной мощью. Енисей здесь предстает неуправляемым, способным все снести на своем пути. Однако здесь же воды Енисея одновременно погибельны («река уже идет, грохочет льдом, рушится погибельной водой» [Астафьев 1974: 78]) и доброжелательны к людям («Енисей, сделавший передышку, пропустив страждущих, напомнил людям, что в природе милосердие еще не извелось» [Астафьев 1974: 83]).

В образе водного чудовища предстает в повести «Перевал» речка Ознобиха: «Возле поворота, в узкой гранитной дыре, судорожно бьется речка Ознобиха. Бьется устало и озлобленно. Даже попав в Мару, она все еще беспокойно пошевеливает вспененным хвостом. И долго голубоватую змеей ползет Ознобиха по Маре, прежде чем в ней раствориться» [Астафьев 1974: 102].

Писатель одушевляет воду, реку, весь природный мир: «блеклую, изжелта мертвенную воду сперло, дышит-дышит она вровень с урезом проруби» [Астафьев 2008: 76] или «Дышат проруби, дышат забереги, дышат леса по горам, дышат горы и небо, пустынный лед на реке дышит» [Астафьев 1974: 77]. Здесь следует обратить внимание на прием повтора. Многократно повторяя слово «дышит», наделяя способностью дышать и реку, и берега, и леса, и горы, писатель одушевляет весь мир. Повтор придает фразе особый ритм. Астафьев часто использует повтор с целью ритмизации прозы. Ср., например, с фрагментом из рассказа «Хлебозары» из книги «Затеси»: «Зарницы. Зарницы. Зарницы. Земля слушает их. Хлеба слушают их» [Астафьев 2008: 2]. Повторенное трижды слово «зарницы» и одинаковая синтаксическая конструкция двух следующих предложений призваны придать фразе особый музыкальный ритм, призванный передать песню земли.

Писатель часто сравнивает реки с человеком. Вот описание слияния Маны и Енисей: «Енисей поплескивает, подталкивает Ману в бок, заигрывает и незаметно прижимает ее в угол Манского быка, так наши деревенские парни прижимают девок к забору, когда балуются» [Астафьев 1974: 92]. Еще одна картина слияния двух рек: «Бедовый, пьяный, словно новобранец с разорванной

на груди рубахой, урча, в наклон катился поток к Нижней Тунгуске, падая в ее мягкие материнские объятия» [Астафьев 1974: 259].

Особенно удаются писателю описания бушующей реки. Вот как изображает писатель Казачинский порог: «Берега к порогу сужались каменным коридором, воду закручивало, вывертывало вспученной изнанкой <...> Кипело, ахало, будто тысячи мельниц одновременно гремели жерновами, лязгали водосливом, бухали кованым вертелом, скрипели деревянными суставами передач и еще чем-то <...> все явственной нарастало глухое рокотанье откуда-то из-под реки, из земных недр – так приближается, должно быть, землетрясение... Порог дымился, бело кипел, ворочался на грядках камней» [Астафьев 1974: 245].

Преобладание глаголов, обилие однородных членов придают тексту невероятную экспрессию, определяют стремительный ритм. В.П. Астафьев использует импрессионистическую технику изображения, в которой мир дан не в застывших формах, но в движении, в переходных состояниях, в постоянных изменениях.

Мир живой, в нем идет суровая борьба, деструктивные силы стараются разрушить хрупкий баланс, но он «обречен» на жизнь.

Таким образом, можно утверждать, что маркерами регионального пространства в произведениях писателей Приенисейской Сибири являются как природные образы (реки, озера, горы, тайга (лес), так и образы культуры (дом, село (город), архитектурные объекты и др.). Пространство Приенисейской Сибири не безымянно, комонимы и потамонимы не только привязывают действие к определенному месту, но и аккумулируют в себе культурную память, играют важную роль в раскрытии авторского замысла. Амбивалентная символика воды обуславливает в произведениях В.П. Астафьева многогранность образа реки. Река – кормилица, источник и условие жизни, но одновременно река таит в себе угрозу, может быть опасна для человека. Ярko проявляется мастерство писателя при создании образа реки: ритмизованная

проза, сложные метафорические конструкции, повторы, приоритет глаголов призваны создать импрессионистическую картину жизни природы.

Пространственные маркеры становятся определяющими в характеристике «идентичности места». Близость к природе – одно из важных преимуществ жизни в Сибири, поэтому оказывает существенное влияние на формирование сибирской идентичности, «<...> природа при этом важна как сама по себе, так и в связи с культурой, когда территория неразрывно связана с культурной и духовной ценностью «своей земли» [Анисимова и др. 2012: 28]

Тайга как маркер региональной идентичности Приенисейской Сибири обозначена в работах по исследованию языковой картины мира [Васильева 2005; Мамаева 2010; Шмульская и др. 2016], статьях, посвященных выявлению особенностей самоидентификации через лирический художественный дискурс жителей данного региона [Бахор и др. 2016]. «Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию. <...> Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, акцентируя природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства» [Бахор и др. 2016: 111].

Почти все произведения А.М. Бондаренко, писателя Красноярского края, посвящены малой родине, ее природе, жителям. В.П. Астафьев в предисловии «Золотая россыпь» одной из книг писателя отмечает: «... о творчестве Алексея Бондаренко, енисейского охотника», акцентируя внимание на идентичности места, принадлежности малой родине и характере произведений – рассказов охотника-промысловика. Обращение известного сибирского писателя к воображаемому читателю: «... предлагаю побывать с охотником в приенисейской дивной тайге...» [Астафьев 2000: 27], – также определяет локус приенисейской тайги как основной пространственной координаты прозы А.М. Бондаренко. Образ тайги как маркер региональной идентичности выступает в таких

произведениях А.М. Бондаренко, как «Государева вотчина», «Шатун», «Маркелыч», «На промысел», «От самого Астафьева», «Случай в тайге», «Потерянная лыжня», «Малыш».

А.С. Янушкевич, определяя сибирский текст, указывает на историософскую и историко-культурную составляющую этого феномена, так как «... в процессе его описания и постижения сибирская – и шире русская – мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию» [Янушкевич 2007: 334]. С образом Сибири неразрывно связана, прежде всего, дихотомия «свой»/«чужой», на которой построены противоположные мифологические концепции о Сибири как «первозданном рае, обетованной земле» и «мире смерти, гибельном пространстве» [Тюпа 2002]. Архетипическая оппозиция «свой»/«чужой» проявляется во многих произведениях А.М. Бондаренко, но в большей степени она связана с исторической темой – освоением Сибири, временем прихода на ее земли русских служилых людей, что лежит в центре повествования в романе «Государева вотчина». Для пришлых людей тайга – «гиблое место», «глушь кромешная», «земля необетованная», «хмарь» [Бондаренко 1999 – 2005]. Она «проверяет» и жестоко «испытывает» их на прочность, на возможность стать «своими». Так, в начале повествования медведь, хозяин территории, заламывает казака, отделившегося от товарищей вглубь чащи, хозяин тайги, пренебрегшего простыми, суровыми условиями и правилами «места». В повести «Шатун» тоже медведь защищает тайгу от потребительского, варварского к ней отношения. В главе «Оборотень» описывается роковая встреча «хозяина тайги» с егерем Витюховским, которому чудится не медведь, а пропавший вздымщик Тимофей, обиженный егерем, в обличье зверя. Витюховский просит прощения у медведя-оборотня: «...Сам я стал, как пес паршивый, облик человеческий потерял. Жизнь проклятая заставляет крутиться: чем больше бегаю по тайге, тем приварка больше» [Бондаренко 2000: 117]. Образ медведя-оборотня, с одной стороны, соотносим с

мифологией народов Севера о первопредке, поэтому потерявшийся, погибший в тайге Тимофей принял внешний облик своего прародителя. С другой стороны, налицо парадокс: медведь «очеловечивается», «учит» слабого, грешного Витюховского нравственным законам, а человек теряет свой облик.

Образ медведя у А.М. Бондаренко знаковый для тайги, для понимания ее законов, места человека в ней, что соотносится и с восприятием «малой родины» жителей Приенисейской Сибири, 16 % опрошенных в анкетах при ответе на вопрос: «Какие ассоциации порождает у вас слово "Сибирь"?»), написали медведя, при этом других животных названо не было [Бахор 2016].

Тайга в «Государевой вотчине» со временем открывается для пришлых людей с другой стороны: она не только учит их жизни в суровых условиях, но и становится привлекательной ее природа: «Помягчели их ретивые сердца, дух захватило от красоты и невероятной силищи тайги» [Бондаренко 1999 – 2005]. И тогда в дихотомии «свой/чужой» отношения меняются: для «чужого» тайга, а значит, и Сибирь становится вторым домом и они идентифицируют ее как русскую землю: «Это наша земля, русская», – замечают герои. В повести «Шутун», повествующей о современной действительности, также тайга становится для приехавшего с Кубани Тимофея Верстакова родной: его, с одной стороны, тянет домой, к семье, с другой – «давно приглянулись северные места», и разлука тяжела. То, что Тимофей так и не уезжает домой, «тайга не отпускает его», он теряется в тайге, превратившись, по мнению охотников, в медведя-оборотня, определяет его переход в «своего» для когда-то чуждой ему Сибири.

Образ тайги связан у А.М. Бондаренко с душевными переживаниями героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе Сибири (В. Распутин, В.П. Астафьев). Для героя рассказов писателя, охотника-промысловика, тайга, несмотря на жестокие законы, непредсказуемость и коварство, – дом родной, она позволяет сохранить свое, личное, противостоять влиянию извне: «Здесь, в тайге, он был самым собой,

таким, какой он есть, каким и должен быть свободный человек, зависимый лишь от обстоятельств: простым в обращении с людьми, чистым душой и с открытым сердцем» [Бондаренко 2000: 110-111].

Сибирская идентичность проявляется в прозе писателя в особой близости к природе, мир тайги буквально «живет» в герое, заполняет его душу, тело, и разлука, расставание с ним – это тоже испытание, так как с ним связан мотив свободы, которая может исковеркать душу: «Уединенный, скрытный мир тайги еще долгое время живет во мне, медленно и трудно выходит, стараясь не расслабить тело, не исковеркать душу» [Бондаренко 2000: 315]. Разлука с тайгой подобна экзистенциальной разлуке с самим собой, и эта встреча может быть только временной, поэтому герой ищет в общении с природой то, что не может определить, «то, чего не терял» [Бондаренко 2000: 313]. Можно предположить, что это состояние поиска гармонии, которую сибиряку может дать только связь с природой.

В мифологии лес, тайга является материнским архетипом, так как он укрывает и защищает [Жульен 1999: 215]. Это смысловое наполнение образа характерно и для прозы А.М. Бондаренко. С одной стороны у него тайга может быть «коварна», «своенравна», «непредсказуема», как женщина, она манит, не отпускает. Писатель сравнивает ее с девицей: «Смотрю на тайгу. С необъяснимой силой она снова потянула меня к себе, раскрылась просветами, загадочно улыбнулась золотыми лучиками в хвое, посвежевшая и помолодевшая, как девица» [Бондаренко 2000: 314]. С другой стороны, она выполняет и функцию женщины-матери, воспитывая, утешая, укрывая от мирских забот и проблем: «Разочарования тоже бывают... Вот тогда-то я снова, потеряв голову, бегу к тебе, тайга-утешительница, здесь скулю и плачу, жалуясь на судьбу, но крепчаю телом и духом» [Бондаренко 2000: 316].

Многозначное смысловое звучание образа тайги определяет двойственное самоопределение героя А.М. Бондаренко: с одной стороны, тайга делает его сильным духом и телом, способным выжить в суровых сибирских

условиях, с другой – она делает его слабым, так как он тоскует вдали от нее, теряя гармонию в душе, успокоенность.

Таким образом, анализ образа тайги в прозе А.М. Бондаренко показал, что данный маркер региональной идентичности реализует традиционное в фольклоре и литературе значение, включаясь в дихотомию «свой/чужой», а также определяет экзистенциальность звучания образа сибиряка, актуализируя не только такие его качества, как суровость, стойкость, но и душевную ранимость, тоску по гармонии с природой, а значит, гармонии с самим собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование этнографической, лингвокультурологического дискурса региональной идентификации и самоидентификации жителей Приенисейской Сибири позволяет говорить о превалировании общечеловеческих ценностей в региональной идентичности

Это отчетливо проявляется при анализе народных календарных и семейно-бытовых обрядов и праздников, свидетельствующих о том, что процесс этнокультурной самоидентификации жителей Приенисейской Сибири разворачивается в настоящее время на поле культурного взаимодействия с разными традиционными народными культурами, интегрируя различные культурные артефакты. Это, в свою очередь, актуализирует идейно-мировоззренческую, социально-воспитательную, объединительную направленность процесса этнокультурной самоидентификации, нацеленного на освобождение человека от профанной суетности и постижение сакрального знания и радости бытия.

Представленное исследование позволяет утверждать, что разноуровневый процесс региональной самоидентификации маркируется выбором лексических, грамматических и паралингвистических средств. В качестве лексических показателей региональной «самости» могут выступать региональный ономастикон, диалектные слова и выражения, региональная и узкопрофессиональная лексика, оценочная лексика, обращения, указывающие на территориальную принадлежность. Такие грамматические показатели, как местоименные дейктики, формы субъективной оценки, подчеркивают причисление себя к некой территориальной общности. Все указанные языковые и неязыковые способы проявления процесса самоидентификации могут быть рассмотрены в разных дискурсивных пространствах (разговорный дискурс, публицистический, поэтический и пр.) применительно как к индивидуальной, так и к коллективной языковой личности.

Описанные в работе лингвистические маркеры, с одной стороны, могут рассматриваться как вербальные ресурсы выражения и описания процесса региональной идентичности, с другой – могут являться средством маркирования и конструирования территориальной идентичности, создавать так называемый имидж региона.

Определение основных маркеров региональной идентичности в творчестве писателей-сибиряков, свидетельствуют о том, что задействованными оказываются обе составляющие сибирского мифа: Сибирь – это райский уголок, земля обетованная и одновременно пространство смерти, земля, враждебная человеку. Такая бинарность образа локуса и представляет особенность региональной идентификации и самоидентификации в лирическом дискурсе 1950-70-х гг.

Анализ лирических произведений самодеятельных авторов Приенисейской Сибири рубежа XX-XXI вв. показал, что важнейшими маркерами региональной идентичности стали природно-географические образы (Енисей, река, тайга, сосна). Но смыслонаполнение регионального ландшафта в гимнах, воплощающих художественный результат процесса самоидентификации, происходит за счет утверждения и постепенного доминирования традиционных для этого жанра концептов: родина, народ, вера. А смысловое наполнение дендрологических маркеров, рассмотренных в поэтических текстах сибирских авторов, не противоречит общекультурному. Поэты, жители региона, наполняя образ, привносят только оттенок, колорит, определяющий особенность, «самовитость» локуса.

Антиномия «свой-чужой», воплощенная в прозе сибирских авторов XIX в в яркое неприятие чужого, в XX-XXI вв. изменяется: лучшие из сибирских аборигенов и лучшие из пришлых русских людей в художественном сознании авторов-сибиряков обладают одними и теми же нравственными чертами как следствие одних родовых корней, одной родовой культуры. К какому бы народу ни принадлежал пришедший в

Сибирь человек, жизнь на этой земле, ее климат, мир окружающей природы, по мнению большинства авторов, делают человека сильнее физически, нравственно чище, мудрее и опытнее, а самое главное, учат ценить окружающих людей.

Основной пространственный маркер самоидентификации – образ тайги – в творчестве писателей-сибиряков реализует содержание, традиционное в фольклоре и литературе, включаясь в указанную дихотомию «свой/чужой». Как основной природный маркер региональной идентичности именно он и определяет в целом экзистенциальность звучания образа сибиряка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдошкина Н.Н. Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. Саранск, 2005. 20 с.

Аксенова Т.В. Традиционные обряды и праздники русских Республики Мордовия: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. Саранск, 2010. 23 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц Кучково Поле, 2001. 288 с.

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

Астафьев В.П. Затеси. М.: Эксмо, 2008. 176 с.

Астафьев В.П. Золотая россыпь // Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «Офсет», 2000. 528 с.

Астафьев В.П. Перевал. Последний поклон, Кража. Пастух и пастушка. Красноярск, 1974. 738 с.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 254 с.

Барт Ф. Границы: социальная организация. Введение // Этнические группы и социальные культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.

Баскакова В.П. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации авторов в тексте // Вестник волгоградского университета. Серия 2. Языкознание. 2012. №1 (15). С.169-173.

Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 277-310.

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: Сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 83-84.

Бахор Т.А., Лобарева В.С. Этнокультурные параллели в фольклоре Красноярского края: учебное пособие. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 100 с.

Бахор Т.А., Мазурова Н.А., Зырянова О.Н. Роль семейного праздника в процессе индивидуальной и коллективной самоидентификации // Роль инноваций в трансформации современной науки: Сборник статей международной научно-практической конференции: В 4 ч. Ч.4. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 231-233.

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Румянцев М.В. Новогодние праздники как форма культурной самоидентификации // Роль инноваций в трансформации современной науки: Сборник статей международной научно-практической конференции: В 4 ч. Ч.4. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 233-236

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234 – 407.

Белкова Т.В. О полидискурсивных схождениях жанровых характеристик гимна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10-2. С. 229-232.

Бондаренко А.М. Государева вотчина: В 3 кн. Красноярск: Офсет, 1999 – 2005.

Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «ОФСЕТ», 2000. 528 с.

Бортникова Т.Г. Праздник как сфера проявления этнического // Социально-экономические явления и процессы. [Электронный ресурс].URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-sfera-proyavleniya-etnicheskogo> (дата обращения: 29.10.2017).

Бурыкин А.А. Енисей и Ангара. К истории и этимологии названий гидронимов и изучению перспектив формирования географических представлений о бассейнах рек Южной Сибири // Новые исследования Тувы. 2011. №2-3.

Быкадоров А.И. Ритуал в современной культуре: Автореф. дис. канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006- 24 с.

Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Дис. ... д-ра филол. наук: Красноярск, 2005. 327 с.

Веккессер М.В. Речевые жанры комплимента и похвалы в общении младших школьников // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. IV Международ. филолог. чтения им. проф. Р.Т. Гриб. Красноярск: Сибир. федерал. ун-т, 2013. Вып. 4. С.17-21.

Веккессер М.В., Воробьева Т.В. Речевой жанр благодарности в аспекте культуры общения младших школьников // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: Сб. науч. статей. Красноярск, Сибирский федерал. ун-т, 2010. С.368-371.

Веккессер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2 (27). С. 120-134.

Волокитин Н.И. Демидов кедр: Повести и рассказы. М.: Современник, 1981. 382 с.

Гайдук В.К. Творчество А.П. Чехова и Сибирь // Литература и фольклор Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. пед ин-та, 1978. С. 3-17.

Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионоведение. 2010. №2. С.257-264.

Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. 7. М., 1975.

Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 5-44.

Гвоздев А.Н. Значение изучения детского языка для языкознания. СПб., 1999. С. 63.

Геннеп ванн А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов /. Пер. с франц. Ю.В. Иванова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

Голикова Т.А. Сущность регионального языка (этнопсихолингвистический аспект) // Наука, культура, образование. Горно-Алтайск. 2000. № 4 / 5. С. 117-120.

Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 74, С. 14-20.

Головинов А.В. Зарубежные политико-философские истоки областнической идеологии // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4-1 (76). С. 238-240.

Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. С. 42-50.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 114 с.

Григорьева Н.В. Иерархия территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения псковской области // Псковский регионологический журнал. 2009. №7. С. 41-48.

Грот Я. К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1873; 2-е изд., 1876.

Гудков Л. Амбиции и ресентимент идеологического провинциализма // Новое лит. обозрение. 1998. № 3 (31). С. 353-371.

Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. [Электронный ресурс]. URL:<http://guuu7.narod.ru/HS.htm>.

Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Томск, 2006.–18 с.

Гурин С. Философия идентичности // Топос. 01/09/2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 28.08.2016)

Данилова О.С. Сибирские путешествия Жюль Легра сквозь призму полемики о колонизации конца XIX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 11. М.: Весь Мир, 2014. С. 72-93.

Дело об отделении Сибири от России / Публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; Сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. 388 с.

Добродушный сибиряк (Н.М. Ядринцев) Вдоль да по Сибири // Восточное обозрение. 1890. №. 37. 16 сент. С. 7-9.

Докучаев Д. С. Homo regionalis: идентичность и границы жизненного мира российского человека // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 3. № 1. С. 11-16.

Докучаев Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12. С. 15-22.

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. №4. С. 75 – 86.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1881 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. 463 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.

Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2001. №3. С. 216-222.

Жульен Н. Словарь символов. – Челябинск: Урал Л.Т.Д. 1999. 498 с.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М, 1979. С. 144.

Зотеева Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133-143.

Зуева Т.В. Меморат // Русский фольклор. Словарь-справочник: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2002.

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Лобарева В.С. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-6. С. 487-490.

Ибрагимов М.И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX века) // Филология и культура. 2013. № 1(31). С. 151-154.

Ионова С. В. Информация о Волгограде в наименованиях региональных изданий // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. Н. А. Тупиковой. Волгоград, 2009.

Казакова-Апракимова Е.Ю. Проблема региональной идентичности уральцев в публицистике и областной литературе конца XIX-начала XX века // Известия УРГЭУ. 2013. 2 (46). С.83-88.

Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере

празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003. 18 с.

Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 96-106.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-24.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Каримова О.Н., Бахор Т.А. Акатуй и Сабантуй как земледельческие календарные праздники // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2010. № 1. С. 115-116.

Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.

Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016. 272 с.

Кормина Ж.В. Рекрутский обряд: структура и семантика: На материале севера и северо-запада России XIX - XX вв.: Автореф. дис... канд. культурологических наук. М., 2000. 20 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm> (дата обращения: 29.10.2017).

Красавский Н.Л. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монографии. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

Кривых Л.В. Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. 2009. №2. С. 130–140.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 237 с.

Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13-19.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М.: РАН, Институт языкознания, 1994. 274 с.

Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989.

Культурная палитра Приенисейской Сибири (лингвокультурологический дискурс). Хрестоматия: Учеб. пособие / М.В. Веккесер, С.В. Мамаева, И.А. Славкина, Л.С. Шмульская. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 109 с.

Культурная палитра Приенисейской Сибири (литературный дискурс). Хрестоматия: Учеб. пособие / Т.А. Бахор, О.Н. Зырянова, Н.А. Мазурова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 96 с.

Курнаева Н.А. Свои и Чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ: Автореф. дис. канд. филолог. наук. Иваново, 2006.

Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: НЛО, 2008. С. 214-215.

Ладыженская Т.А. Практическая методика русского языка. М., 1999.

Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: НГПУ, 2013. 180 с.

Леонова Е.С., Бахор Т.А. Профанное и сакральное в современной свадебном обряде сибирских казаков // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2010. № 1. С. 118-120.

Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // Труды Русской антропологической школы. М., 2008. Вып. 5.

Литература Красноярского края: основные тенденции развития: учеб. пособие / Т.А. Бахор, В.С. Лобарева, О.Н. Зырянова и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 176 с.

Лобарева В.С., Бахор, Т.А. Этнокультурные параллели в фольклоре Красноярского края: Учеб. пособие. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. 100 с.

Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 724-725.

Лунгуль А.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Формирование общекультурных компетенций у бакалавров педагогического образования при реконструкции народных обрядов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16099> (дата обращения: 29.10.2017).

Львов М.Р. Основы теории речи. М., 2002. С.233.

Мазурова Н.А. Зырянова О.Н., Бахор Т.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2 (27). С. 195-207.

Мазуров К.В., Кислицына Н.В., Мазурова Н.А. Художественная картина мира Виктора Петровича Астафьева // В мире научных открытий. 2010. № 6(3). С. 149 – 151.

Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7-х классов: Дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007.

Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С., Веккессер М.В. Социолингвистический портрет школьников - подростков как речевой маркер региональной идентичности // Успехи современной науки. 2016, Т. 4. №9, С.47-50.

Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири // Приенисейская

Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177-180.

Медведева М.А. Герменевтический анализ символов праздника нового года // Аналитика культурологии. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germenevticheskiy-analiz-simvolov-prazdnika-novogo-goda> (дата обращения: 29.10.2017).

Медведева М.А. Аксиология концептуальных обоснований праздника: культурфилософский аспект: Автореф. канд. ... филос. наук. Тамбов, 2009. 18 с.

Мельникова С.В. Пространство «духовного глада» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №5 (37). С. 157 – 171.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 267 с.

Милостью отзывчивой судьбы // Красноярская газета. 2006. 12 дек. № 84.

Митров М.А. Социальные факторы культуры потребления в современном российском обществе: региональный дискурс : на материале Республики Адыгея : Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2012. 23 с.

Мучкина Е.С. Ассоциативный эксперимент в исследовании этнических стереотипов // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 192-196.

Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира. СПб., 1837.

Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2006. 240 с.

Неисправимый резонер (Н.М. Ядринцев). В столичной прессе о Сибири // Восточное обозрение. 1890. №. 40. 7 окт. С. 8-9.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Непреенко Г.В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т. 4. С. 157-162.

Орлов О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: Автореф. дисс. ... д-ра культурологии. СПб., 2004. 32 с.

Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1. 606 с.

Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 165 с.

Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. I. Красноярск: Типография Енисейского губ. союза кооперативов, 1918. 232 с.

Полякова В.Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности (на материале произведений художественной литературы): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов –на– Дону, 2002.

Поспелов Е. М. Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008.

Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1983. 273 с.

Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1986. С. 35-139.

Потанин Г.Н. Письма. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1987. 275 с.

Прокофьева О. С. Книга «Старожилы: Меморат». Нягань, 2009.

Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти : государственные праздники России XX – начала XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 24 с.

Пронина И. Н. Феномен праздника в контексте отечественной культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2001. 143 с.

Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба // Лесосибирск, 2011. №1. 328 с.

Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба // Лесосибирск, 2013. №1. 326 с.

Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского народного литературного клуба // Лесосибирск, 2015. №3. 330с.

Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: Европейский дом, 1997. [Электронный ресурс]. [URL]: <http://zaimka.ru/remnev-oblastnichestvo/> (дата обращения 26 октября 2017 г.)

Рогалевич Н.Н. Словарь символов и знаков. Минск: Харвест, 2004. 512 с.

Рождественский И. Избранное. Красноярск, 1971.

Романова Т.В. Социо- и психолингвистические основания для типологической характеристики русской языковой личности // Социальные варианты языка: Материалы междунар.науч.конф. (16-17 апр. 2009 г.). Н. Новгород, 2009. С. 24-27.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов и др. М. : Астрель, 2002. 1776 с.

Рябов О. В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007. 290 с.

Рябов О.В. Национальная идентичность: гендерный аспект: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Иваново, 2000.

Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. 456 с.

Серебренников Н.В. Опыт формирования областной литературы. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 308 с.

Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). Томск: Изд-во ТГУ, 1974. 138 с.

Славкина И.А., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В. Вербальные маркеры региональной идентичности (на материале современных чоконимов) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2 (27). С.227-243.

Смирнов В. Сибирский характер [Электронный ресурс]. [URL]: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6706/> (дата обращения 3.11.2016).

Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / Под ред. И. М. Бусыгиной. С. 81-107, с. 87.

Солнцев Р. Х. Серебряный шнур. Книга времен: Стихи. Красноярск: Платина, 2005.

Солнцев Р. Скажи сегодня: стихи 1961 –1976 годов. Красноярск, 1979.

Степанов В.Н. «Имидж» региона: опыт формирования к юбилею // Имидж государства и региона: Материалы междунар. симпозиума, 23-25 марта 2009 г. Санкт-Петербург. [Электронный ресурс]. [URL]: http://www.statebrand.ru/upload/files/doc_1237663252.doc.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 9-21.

Суворова П.Е. Культурный код стихотворной речи в социокультурном пространстве // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. №1. С. 233-139.

Табагуа С.А. Абхазские традиционные обряды и обрядовая поэзия: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 259 с. [Электронный ресурс]. [URL]: <http://www.dissercat.com/content/abkhazskie-traditsionnye-obryady-i-obryadovaya-poeziya> (дата обращения: 29.10.2017).

Танасейчук А.Б. Культурная самоидентификация американской цивилизации (на материале национальных и региональных литературных традиций США XIX века): Автореф. дис.... д-ра культурологии. Саранск, 2008. 42 с.

Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее реализации: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.

Тимофеев М. Ю. Брендинг городов в современной России: семантика и прагматика // Вестник Ивановского университета. 2011. № 2. С. 37-46;

Тимофеев М.Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005.

Топоров В.Н. Растения // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т./ Гл. ред. С.А. Токарев. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1998. С.370

Топоров В.Н. Река // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т./ Гл. ред. С.А. Токарев. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1998. С. 374-376.

Туrowsкий Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139-173.

Тюпа В.И. Мифологема Сибири; к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Тюпа В.И. Модернизм // Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1. М.: Academia, 2004. С. 100-104.

Тюпа В.И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Academia, 2006. С. 254-264.

Умярова Л.Н., Шевченко В.Д. Лингвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран // Основы экономики, управления и права. 2012. № 4. С. 32-35.

Шайкемелев М. С.-А. Идентичность как категория социальной философии // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т.8. Вып. 4. С. 45–50.

Фельде О.В. Образ Америки в языковом сознании жителей Средней Сибири (по данным психолингвистического эксперимента) // НОМО COMMUNICANS: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурска-Бояновской. Щецин, GRAFFORM, 2012. С.201-218.

Филатова Е. А. Праздник как ритуально-игровое событие: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2013. 24 с.

Филиппова Н.П. Знаки и символы региональной культурной идентификации (на материале Забайкальского края): Автореф. дис. канд. культурологии. Улан-Уде, 2009. 22 с.

Фирер Н.Д. Культура Сибири: история и современность: Учеб. пособие. 2-е изд-е, доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 126 с.

Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.

Чехов А.П. Из Сибири // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 14-15. М.: Наука, 1978. С. 5-38.

Шайдт А.А. Лесосибирск - город лесозэкспорта на Енисее. Енисейск, 1993.

Шарифуллин Б. Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск, 1997. С. 8-26

Шарифуллин Б.Я. Речевые жанры современного города. // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып.5. Красноярск-Ачинск, 2000. 208 с.

Шарифуллин Б.Я. Формы речевой субкультуры в городском ойколлекте (на материале речи г. Лесосибирска) // Русский язык в Красноярском крае: Сб. статей. Вып.1. Красноярск: КГПУ, 2002. С. 71-73.

Шматко Н.Л., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социальные исследования. 1998. № 4. С. 94-101.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. 216 с.

Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.

Шмутьская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016. №9 (4). С. 67-69.

Шубина Д.А., Бахор Т.А. Мифологическая основа адвентов (по материалам опроса сибирских немцев) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2010. № 1. С. 125-127.

Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; Спб.: Сова, 2007. 1007 с.

Эпштейн М. "Природа, мир, тайник вселенной..." Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.

Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: НЛЮ, 2012. С. 6-50.

Этнокультурная палитра Приенисейской Сибири. Хрестоматия: Учеб. пособие / Т.А. Бахор, М.В. Веккесер, О.Н. Зырянова и др. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016. 157 с.

Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог, Человек, Слово. Лингво-философский очерк. Саратов : СГПИ, 1999.

Ядринцев Н.М. Сибирь в 1-е января 1865 г. // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск: Изд. журн. «Сиб. записки», 1919а. С. 3-6.

Ядринцев Н.М. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск: Изд. журн. «Сиб. записки», 1919б. С. 137-155.

Ядринцев Н.М. Крестовый поход науки на Восток // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск: Изд. журн. «Сиб. записки», 1919в. С. 129-137.

Ядринцев Н.М. Новые отношения Европы к Азии // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск: Изд. ж-ла «Сиб. записки», 1919г. С. 84-87.

Ядринцев Н.М. Возрождающаяся Азия // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск: Изд. журн. «Сиб. записки», 1919д. С. 88-92.

Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979а. С. 291-315.

Ядринцев Н.М. На чужбине (из исповеди абсентеиста) // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979б. С. 128-132.

Ядринцев Н.М. Ночь в “Avenue de L’Opera” // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979в. С. 226-240.

Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: Сб. статей / Под. ред. О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С.334 – 345.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference / F. Barth (Ed.). L.; Bergen: Universitetsforlaget, 1969. P. 9-38. с. 54.

Benoist A. Identité, Égalité, Différence // "VOXNR".com. 12 Décembre 2013.
URL : http://www.voxnr.com/cc/dt_autres/EFlyllklEulkGvwQTC.shtml (дата обращения 15.08.2016).

Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 597 с.

Citron S. Le mythe national: L'histoire de France en question. Paris: Ed. ouvrières: Etudes et doc. intern., 1987. [Электронный ресурс]. [URL]: http://www.persee.fr/doc/homig1142-852x1988num1111169t10084_00002 (дата обращения 15.08.2016).

Edwards J. Language and Identity. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 322 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. [Электронный ресурс]. [URL]: <https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12758/12628> (дата обращения 15.08.2016).

Huntington S. Who are we? The challenges America's National identity. - N. Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.

Nevolko N. N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the khakass ethnos // Journal of the Siberian Federal University, Series: Humanities 2011. Publisher: Siberian Federal University (Krasnoyarsk). No. 6. Volume 4. P. 823 – 836.

Renan E. What is a Nation? // Nation and Narration / Ed. by Homi Bhabha. London; New York: Routledge, 1994. P. 8-22.

Ricoeur P. Soi-meme comme un autre. Paris: Ed:du Seuil, 1990/ 430 p. [Электронный ресурс]. [URL]: <http://www.olimon.org/uan/ricoeur-soi-meme.pdf> (дата обращения 15.08.2016).

Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. [Электронный ресурс]. [URL]:

<http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 18.08.2016)

Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 71-72, 2011. — P. 163 – 178.

Renan E. What is a Nation? // Nation and Narration / Ed. by Homi Bhabha. London; New York: Routledge, 1994. P. 8-22.

Кирилл Владиславович Анисимов, Тамара Андреевна Бахор,
Мария Викторовна Веккесер, Ольга Николаевна Зырянова,
Надежда Алексеевна Мазурова, Светлана Викторовна Мамаева,
Максим Валерьевич Румянцев, Инга Анатольевна Славкина,
Лариса Степановна Шмульская

Региональная идентификация и самоидентификация
жителей Приенисейской Сибири:

этнографический, лингвокультурологический,
литературный дискурсы

Монография

Редактор И.А. Вейсиг

Компьютерная верстка авторов

Подписано в печать 31.10.2017. Формат 60 x 84/ 16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,5

Тираж 200 экз. Заказ 11-203

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; [http:// bik.sfu-kras.ru](http://bik.sfu-kras.ru)
E-mail publishing hous@sfu-kras.ru

Отпечатано в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, цокольный этаж
т. 294-15-77